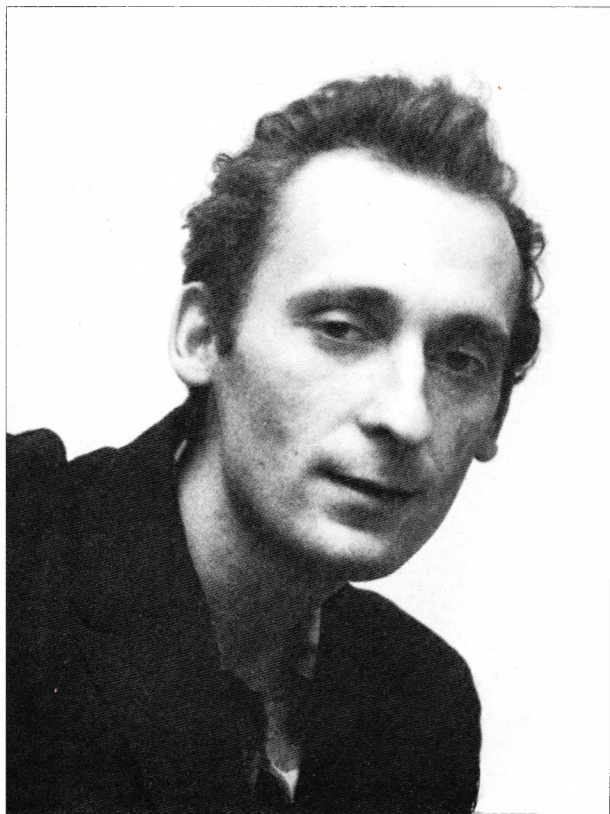

**Алексей
РЕШЕТОВ**

Собрание
сочинений

Том 1

A. Pierce

АЛЕКСЕЙ РЕШЕТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЁХ ТОМАХ

Составители:

Т.П.Катаева, А.П.Комлев

Редакционная коллегия:

А.А.Войтенко, Т.П.Катаева,
А.П.Комлев (отв. редактор), Ю.П.Марков,
А.Ф.Старовойтов, С.Г.Фатыхов,
Г.К.Щенников, Ю.В.Яценко

Екатеринбург
Банк культурной информации
2004

АЛЕКСЕЙ РЕШЕТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
ПЕРВЫЙ

**Стихотворения
1957—1987**

Екатеринбург
Банк культурной информации
2004

**Издание осуществлено
по инициативе Администрации города Березники**

**и при поддержке
Правительства Челябинской области,
Министерства культуры Свердловской области
и Тюменской областной научной библиотеки
им. Д.И.Менделеева**

Решетов А.Л.

Р 47 **Собрание сочинений в 3 тт. Т. 1. Стихотворения
1957—1987 гг. — Екатеринбург: Банк культурной ин-
формации, 2004. — 472 с.**

ISBN 5-7851-0501-2

ISBN 5-7851-0502-0 (т.1)

© Т.П.Катаева, публикация,
составление, примечания, 2004.

© А.П.Комлев, составление,
редакция, 2004.

© Г.К.Щенников, статья, 2004.

© Банк культурной информации,
оформление, 2004.

В Березниках нет такого человека, кому бы не было известно имя Алексея Леонидовича Решетова — выдающегося русского поэта современности, заслуженного работника культуры Рос-

сийской Федерации, почётного гражданина города.

Его простые и лиричные стихи близки и понятны людям разного возраста и социального положения. Уровень его таланта переоценить невозможно. Имя и творчество нашего земляка заслуживают почтения и глубокого уважения.

Это собрание сочинений — ещё одно свидетельство любви и признательности березниковцев Алексею Леонидовичу Решетову. Искренне надеюсь, что у этого издания будет долгая и плодотворная жизнь, книги помогут в постижении творческого наследия поэта, сохранят и откроют для молодёжи восхитительный и проникновенный мир решетовских поэтических строк.

*Глава местного самоуправления
И.В.Папков*

A stylized handwritten signature in black ink, which appears to read 'И.В. Папков'.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В томе первом и по большей части тома второго данного собрания сочинений воспроизведены все стихотворения и поэмы Алексея Решетова из четырнадцати его сборников, а также стихи, отсутствующие в них, но извлечённые со страниц разновременной периодики.

Должно сообщить, что обстоятельная подготовка наследия поэта к его полномерно проработанному художественному отображению и не могла бы обеспечить за минувший столь непродолжительный срок. Поэтому какие-либо недочёты, просчёты и упущения сейчас объективны. Мы же будем искренне признательны всем, кто пожелает участвовать в их обсуждении, и заранее благодарны тем, кто — даст Бог — сможет обогатить архив Алексея Решетова недостающими материалами.

С другой стороны, нельзя не сказать, что движимый к предельному охват творчества поэта планировался в нашем издании, вероятно, и насколько-то вопреки воле самого автора. По воспоминанию его супруги, Алексей Леонидович, получив весной 2002 года заказ из Перми на срочное изготовление своего трёхтомника и проведя беглый осмотр всех своих наличествующих опубликованных стихов, склонялся к выводу, что многие из них не заслуживают включения в современный достойный итоговый отчёт и что следует уложиться в двухтомник, где первый том отво-

дился бы под избранные стихотворения, а второй — под избранные поэмы и немногие произведения прозаические. Исходя из этого, он успел распорядиться своим первым поэтическим сборником «Нежность» (1960), предоставив право на продление жизни только шестнадцати текстам из тридцати восьми. В подобном же духе задумывал творец вскорости разобраться и с остальными своими творениями, но... и этот труд продолжить ему уже не было суждено.

Однако, полагает редколлегия, в настоящее время уже очевидна и несомненна настоятельная потребность в обнародовании доступно полного собрания сочинений большого русского и уральского поэта.

Надлежит отметить и другое. Последняя в ряду издававшихся книга Алексея Решетова «Овен» (2003) собиралась уже посмертно, и в неё вошли помимо стихов, усмотренных в разнообразной периодике, но утерянных из прижизненных сборников, черновые стихотворные записи, обнаружившиеся уже после кончины поэта. Все тексты «Овна» оговорены у нас в примечаниях, но по структуре предпринятого издания свёрстаны уже в составе ранее опубликованного и расположены в сквозном хронологическом порядке создания или напечатания всех поэтических произведений.

Возможно предположить, что сам Алексей Леонидович некоторые из этих своих опытов и не признал бы в достаточной мере приемлемыми для типографского тиражирования.

Уже после появления «Овна» супруга поэта Тамара Павловна отыскивала ещё более двухсот рукописных образцов решетовского творчества, которые, по нашему прочному убеждению, непременно должны сделаться известными заинтересованному читателю. Эти произведения обустроены в разделе «Из нео-

публикованных стихов (1982 – 2002)» – в завершающей поэтическое наследие части второго тома. Многие из них за неимением проставленных датировок отражены в приблизительной хронологической последовательности. (Надеемся, что и к ним в будущем приобщится новообретённое).

Как уже указано, литературное творчество Алексея Решетова размещено в сформированном нами собрании по ходу написания имеющихся его сочинений (или из-за забвения дат — по первым их публикациям).

Здесь правомерно припомнить, что в отличие от русских поэтов иных, видимо, не столь уж подавляющих времён Алексей Леонидович Решетов долгие годы оказывался вынужден издавать свои книги в условиях, когда на авторские пожелания изрядно воздействовали установки редакторов и критиков — а те, даже самые из них к поэзии чуткие и доброжелательные, находились под обязательным давлением требований цензурно-идеологических. Обычным случаем бывало, что какие-то, а то и многие стихи «выпадали» при поэтапном прохождении инстанций многострадальными рукописями, затем же в связи с причудливыми колебаниями общей или местной политической обстановки эти же стихи могли быть подключены к которой-нибудь из последующих — поудачливее — книжек, могли же и «попридержаться» в редакторском либо в авторском столе (хорошо, если не окончательно). И своевольные, «самостийные» художественные замыслы неизбежно смещались по правилам утверждённой и предопределённой ведомственной процедуры. Примечательно, что в некоторых книжках Решетова («Чаша», «Иная речь», «Тёмные светы») названия его предыдущих сборников присутствуют в качестве наименований перехо-

дящих отделов-циклов, но реальное содержание приводимых вновь циклов весьма варьируется. А в результате не прослеживается устойчивой организованности их составов.

Таким образом, опубликованные в течение сорока лет конструктивные построения решетовских сборников не представляются на сегодня обязательными, да и по признаниям самого поэта – все эти официальные издания не являлись для него приближенными к воплощениям собственных органично желанных книг.

В третьем томе собрания – выстраданная проза поэта. Следом за издававшейся трижды повестью о военном сиротском детстве «Зёрнышки спелых яблок» идут, укореняя поступь судьбы, наброски к повести «Ждановские поля», сведённые воедино уже Тамарой Павловной и единожды вкпе опубликованные (журнал «Урал», № 10, 2003). За ними – печатаемое впервые горестное повествование «Записки из Жёлтого дома». Далее – сохранившийся очерк о шахтёрской семье «Справедливая жизнь», который автор и сам намеревался поместить в своё собрание, также и – чисто исповедальный, уже на краю земного пути очерк «Я себя не прощаю» (сокращённо публиковавшийся в книге екатеринбургских писателей о себе «Автограф» (2000).

В «Приложениях» к третьему тому — последнее интервью Алексея Решетова, взятое московским писателем Дмитрием Шеваровым 14 января 2002 года, а также воспоминание мамы поэта и воспоминание его березниковского друга – поэта Юрия Маркова.

В начале первого тома — основательная исследовательская статья профессора Г.К.Щенникова «Поэтический мир Алексея Решетова», приуроченная не-

посредственно к нашему изданию. Второй том открывается предисловием В.П.Астафьева «Звук капли», предпосланным пять лет тому назад сборнику Алексея Решетова «Не плачьте обо мне» (Красноярск, 1999).

В конце каждого тома даны примечания, тщательно выполненные женой поэта Т.П.Катаевой.

Андрей Комлев

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР АЛЕКСЕЯ РЕШЕТОВА

Алексей Решетов однажды заметил: «Мы к бедам привыкли», — имея в виду себя, своих близких и, очевидно, своё поколение. Жизнь его началась с потери отца и матери. Долго страшило и калечило душу незаслуженное клеймо «сын врага народа». А отрочество поэта пришлось на годы военного лихолетья, когда непоправимые беды вошли в каждый дом, в самый глубокий тыл, а вместе с ними и тяжёлая нужда: одну зиму братья Решетовы не ходили в школу потому, что не во что было обуться. Но тогда же, в годы войны, были не только потери, но и большие нравственные обретения, оставившие след на всю жизнь, а может быть, и определившие судьбу поэта: родилось сознание, что нет ничего дороже душевного тепла и доброты, взаимовыручки и братства и что именно этими дарами щедро наделён его народ.

А он, Алексей Решетов, вышел из гущи народа — причём того народа, который до сих пор добывает свой хлеб насущный ценой ежедневного смертельного риска, мужеству и терпению которого мы не перестаём удивляться:

Не плачьте обо мне:

я был счастливый малый,

Я тридцать лет копал подземную руду.

Обвалами друзей моих поубивало,

А я ещё живу, ещё чего-то жду.

Он знает, как шахтёрские жёны тычутся в «пятый угол», заждавшись кормильца, не возвращающегося из рудника, — и он не зря называет лампочки на касках горняков электролампадами.

Не от этой ли привычки к бедам доминирующая нота стихотворений Алексея Решетова — светлая грусть?

Однако главный источник этой грусти — не раздумье о трудной судьбе соотечественников или обида за Родину. И он не сводит с ней счёты — он всегда чувствует, что она у него одна — с её ненаглядными просторами, дивной историей и кумирами мировой культуры:

Зеница ока, Родина моя,
Что без тебя на белом свете я?
Без белых рощ, без пушкинской строки
Я не жилец, я сгину от тоски!

Решетов сознаёт себя законным сыном России («Я в России живу не на птичьих правах») и вместе с тем сыном всей матери-земли.

А грусть его вызвана, как это ни покажется парадоксально, обострённой, мучительной любовью к самой Жизни. Это ярче всего проявляется в его «осенних» стихах, составляющих единый цикл, хотя и не выделенный автором: «Когда прощально кружат журавли», «Я снова русской осенью дышу», «Ах, до чего же осень глубока!», «Я осень читаю, как повесть», «Душа и природа в предчувствии вьюг», «Осень кроткой была, как зорюшка», «Поздняя осень», «Жду осени. Осеннею порой...» и многие другие. Пожалуй, ни один из русских поэтов после Пушкина так часто не обращался к мысли об осени. И не случайно в шутливом стихотворении «Батюшки-светы! Смотри, кто явился» о воображаемой встрече с Пушкиным Решетов пишет:

Я только тень при божественном свете,
Я только мышка на бриге твоём.
Но поминать нас грядущие дети
Будут, хоть изредка, вместе, вдвоём!

Чувство жизни, как редкого Дара, как высшей ценности в осенних стихах Пушкина и Решетова выражено во всём по-разному. У Пушкина «пышное природы увяданье» вызывало прилив творческих сил и душевный подъём – у Решетова скоротечная осенняя красота пробуждала мысль о кратковременности жизни человеческой, предчувствие конца. Эта мысль как потрясение, как болезненное сознание трагизма любого человеческого существования выражена ещё молодым, 27-летним поэтом (см. «Когда прощально кружат журавли», 1963 г.). С тех пор, подобно героям Достоевского, он никогда не забывал о смерти. Но чувство бренности вызывает у молодого Решетова не отчаяние, а мужественное самообладание:

Так славься та великая печаль,
Которая на лике человека
Стирает безмятежности печаль
И мужеству предшествует от века.

Не в слитности с полнотой бытия, как утверждал Пушкин («Я снова счастлив, молод, я снова силы полон»), а наоборот, в ощущении его хрупкости, непрочности, полагает Решетов, стимул высшего творческого взлёта:

Что короче нашей жизни дивной?
Этим чувством нам и надо жить,
Чтобы было песней лебединой
Всё, что мы успеем совершить.

Мысль нового певца осени направлена на то, чтобы укрепить человека в его жизнестойкости — и в этом он наследник гуманизма отечественных поэтов, прежде всего горячо любимых им Пушкина и Есенина. Отсюда нередкие оптимистические формулы его стихов — иногда шуточные: «Осеннюю порой, я словно положительный герой», — иногда звучащие, как сакральные заклинания:

Не надо, душа-несмеяна,
Выплакивать очи и нам.
Осанна,
Осанна,
Осанна,
И этим, и будущим дням.

Но, кроме мыслей-афоризмов, стих слагает эмоциональная тональность, а поэтическое чувство зачастую оказывается сильнее успокаивающей формулы и ставит её под сомнение. Пушкин в знаменитой «Осени» уподобил красоту увядающей природы красоте молодой женщины, сгорающей от чахотки. Решетов самого себя сознаёт умирающей природой: его душа наполнена журавлиной печалью, и он, прижавшись щекой к обнажённой матери-земле, горюет вместе с ней, переживая заброшенность, сиротливость и одиночество. С годами эти чувства не слабеют, а усиливаются, несмотря на все доводы разума.

Душа, поражённая неизбежным распадом всего живого, ищет прочных душевных опор, жаждет усмотреть бессмертное начало бытия и созидает свою поэтическую мифологию. Эта мифология, выраженная метафорически, с использованием древних архетипов, непроста, но прозрачна — как шуточно заметил сам Решетов, поэтическая речь подобна речи дельфинов: она «почти до половины» понятна людям.

Одним из ключевых образов Решетова является образ поэта как «блудного сына», вызывающий ассоциации с известным евангельским текстом. Впрочем, название стихотворения «Картина», воспроизводящее этот сюжет, напоминает и литографии в доме Самсона Выдрина, пушкинского станционного смотрителя. Приведём сначала первую, большую часть произведения, которая уже наводит критиков на определённую трактовку лирического героя:

До чего же печальна картина
«Возвращение блудного сына», —
Он гордыню свою превозмог.
Он теперь даже глаз не подымет,
Он питался дождём и полынью,
Он вернулся на отчий порог.
Но какие-то дальние зовы
Появляются в небе суровом
И зовут день и ночь без конца.
Вот и к свадьбе уже всё готово,
Вот и жить бы, как люди, толково,
А на мальчике нету лица!

Вот какую интерпретацию даёт этому образу известный уральский критик и литературовед В.В.Абашев: «Блудный сын — это скрытый лик Решетова, его глубинный символ и стимул, это его интерпретация собственной судьбы скитальца, обречённого на вечную тревогу, неустройства, ощущения мирового неуютта и поиск дома».*

И тревога, и постоянный поиск действительно свойственны Решетову, но только не ощущение мирового неуютта, не вечная агасферовская скорбь. Напротив, для его мировосприятия характерно по-

* Абашев В.В. А.Л.Решетов// Литература Урала. Очерки и портреты. Книга для учителя. — Екатеринбург, 1998. — С.296.

что религиозное отношение к земной красоте и совершенству Природы. Два начала бытия представляются ему бессмертными и вечными – Небо и Земля, причём приоритет сразу отдается Земле:

В ней всё в земле: начало радуг, хлеба,
Тонюсенькой черёмухи, ручья.
И эту землю на седьмое небо,
Живой и мёртвый, не сменяю я.

Небо же опирается на всё, чем крепка земля: «На дымок из русской печки», «на три кедровые сосны», а главное – «мы все немножко подпираем небосвод». Земля, восторженно любимая поэтом, это не какие-то хтонические недра, а близкая, родная ему российская почва, в которой «золотые жилы» ждут ещё дерзких искателей, в которой покоятся «кости и зелёные медали солдат, которых девушки не ждут». Для Решетова родная земля – воплощение немеркнувшей красоты и естественной нормы бытия – нормы не только природной, но и человеческой, не только эстетической, но и этической – недаром в его восприятии земная природа выпрямляет душу человека, укрепляет в нём человеческое достоинство:

Не перечислить потрясений,
Невзгод, случившихся со мной.
Но лишь вхожу я в лес осенний –
И все печали за спиной.
Какой-то гордости особой
Полно любое деревцо,
И у озёр в лесных тупиках
Не перекошено лицо.

Поэт Алексей Решетов воспринимает Землю-Природу своей второй матерью, опекающей его, как родная мать:

На берегу дороги дальней
Седой бродяга, блудный сын,
За голос матушки печальной
Я принимаю шум осин.
Я в чёрный день не без призора:
И в чистом поле небеса,
И во сыром бору озёра —
Её усталые глаза.
Я глажу реденькие злаки,
Внимаю шороху ветвей,
И хорошо мне, бедолаге,
С бессмертной матушкой моей.

Здесь образ блудного сына уже непосредственно относится к поэту. Но здесь он сознаёт себя уже сыном всей природы, сыном бессмертного дома земли, и это даёт ему утешение. Тот же мотив выражен в следующем четверостишии с афористической чёткостью:

Печаль души моей безмерна:
Старею, близких хороня.
Но мать – сыра земля бессмертна,
И это радует меня.

Земля представляется поэту начальным и вечным домом, из которого он вышел и в который должен вернуться. Возможно, поэтому на земле он чувствует себя блудным сыном, постоянно помнящим о последнем доме.

А теперь вернёмся к концовке стихотворения «Картина», напомним то, что идёт после слов «А на мальчике нету лица...»:

До чего же всё это знакомо:
И удары весеннего грома,
И земли отмерзающий пласт...
И на камне сыром аксиома:
Вы в гостях ещё, мы уже дома,
Не судите, помилуйте нас.

Финал стихотворения противопоставляет ситуации возвращения к отчужденному дому могильную эпитафию на камне сыром, утверждающую, что родительский дом – лишь временное пристанище для человека, здесь он пока ещё «в гостях». Та же мысль о земной юдоли как о гостевом прибежище выражена поэтом в стихотворении, посвящённом памяти погибшего брата:

Мой милый брат – ты дома, я в гостях.

Мне здесь, в гостях, то весело, то грустно.

И комплекс блудного сына – чувство вины и стыда за неверно выбираемые дороги – лирический герой Решетова испытывает не в отношении к матушкиному дому, о котором он всегда пишет нежно и трепетно, а в отношении к большому Дому Матушки-Природы, Матушки-Земли, потому что не всегда живёт по её законам, которые высоко чтит. Сознание себя временным гостем на поверхности земли вызывает у героя Решетова не пренебрежение семейным очагом, не монашескую аскезу, а наоборот, жгучую потребность в этом очаге, в простом человеческом счастье – иметь любимую и любящую жену, детей – наследников имени. И в том, что это счастье долго не даётся или не даётся вполне, он, в полном согласии со своей мифологией, видит не только очередные превратности трудной судьбы, но и личную вину блудного сына Природы, уклоняющегося от её прямых путей. Но не покаянные мотивы придают неповторимое обаяние его стихам, а то, как эта неутолимая потребность счастья выливается в поэтические лики Женщины и Ребёнка, в поэтически переживаемые и художественно выраженные состояния Женственности и Детства.

Есть у Решетова стихотворение под названием «Женский портрет». Но не ищите в нём портрета конкретной женщины – возлюбленной поэта. Это «портрет» женской природной сути, как видится она поэту, это образ женственности, выражающий его мечту:

Кто из нас о таком не мечтает,
Когда пьёт в одиночку вино:
Вот сидит она, что-то читает
Или вяжет... Не всё ли равно.
Тень заботы на личике смуглом,
Свет нездешних небес из-под век,
И в тугом животе полукруглом
Безымянный ещё человек.

Почти все его стихи о женщинах – это гимн животворящей, несущей свет и тепло женской натуры. Иногда их пафос облачён в шуточные слова – у Решетова шутка и благоговение вполне совместимы, и синтез их впечатляющ:

Светолюбивы женщины. Они
Не могут пыль на стёклах окон видеть,
Им докучают пасмурные дни,
Их чёрным словом так легко обидеть.
И светоносны женщины. Нельзя
Представить даже, что за темень будет –
Исчезни вдруг их ясные глаза
И маленькие матовые груди.

Женская теплота в восприятии Решетова изначально сродни теплу Матушки-Природы, поэтому благодать летних лесов с благоуханием цветов и скользящим теплом солнечных лучей поэт ощущает как женское дыхание, чудом занесённое в лесную глушь («Набродиться летними лесами»).

Детство же в понимании Решетова — это чистые, ничем не замутнённые истоки жизни человека. В детстве человек наиболее близок к природной гармонии, и в медитациях Решетова Природа открывает взрослому человеку глаза на непреходящую ценность детства и детскости:

Должно быть, детство не уходит
От нас, как мнится, в никуда.
Оно живёт в родной природе,
Нам улыбаясь иногда.
Побудь в бору, его целебным
Смолистым воздухом дыша,
В тебе, как спящая царица,
Очнётся детская душа.
(«Зимний бор»).

Решетов мог бы повторить вслед за Ж.-Ж.Руссо и Л.Н.Толстым, что «человек совершенен в детстве» и что совершенствование или очищение его души должно начаться с возвращения в детство. Мечта о таком возвращении — страстная фантазия поэта, соединившаяся в его сознании с мотивом обретения заветной сказочной страны, ограждённой золотыми воротами:

Золотые врата, мелодично звеня,
Пропустите в далёкое детство меня.
Там я был одуванчику каждому рад,
Там со мной разговаривал старший мой брат.
<...>
А чужие отцы, возвращаясь с войны,
Были с ним и со мной, как с родными, нежны.

У поэта есть неотразимый аргумент для входа в золотые врата: «Моя совесть чиста!». И он вправе этим гордиться, вправе заявить:

Я никогда на рынках книжных
Душой своей не торговал.

Чиновники от совкультуры, недовольные «несовременностью» и «пессимизмом» его стихов, тщетно пытались решетовского Пегаса, привыкшего к вольному пастбищу, пристегнуть к расшатанной «колеснице» соцреализма. Эти попытки были болезненными для поэта, потому что по практике тех лет сопровождались критическими разносами и грозными оргвыводами:

Судьба души моей сурова:
Без сожаленья, без стыда
Ей не давали молвить слова
Угрозой вечного, земного,
Отнюдь не Божьего суда.

Он равнодушен к гражданской злобе дня, у него немало стихов о судьбе соотечественника в «свинцовом веке»: «К демону», «Пехота», «Когда стою у Вечного огня», «Баллада о волшебном слове», «Песня водителя «воронка», «Пистолет «ЧЧ», «Прощание с веком», «Кликуны», «Зоя» и другие, только все они рождены не ответом на «социальный заказ», а потребностью растревоженного сердца. Его взгляд на будущее России здоров и оптимистичен: он не верит, что «Россия больна» и якобы нужно бежать из неё в поисках лучшей доли:

Не верю породе крысиной,
Сбегающей прочь с корабля.
Я верю: бессмертна Россия –
И небо её, и земля!
(«Россия»)

На склоне жизненного пути, с конца 1980-х годов, в поэзии Решетова обозначился новый, высший критерий совести – Бог:

Что мне делать, я не верил в Бога.
Лишь от страха полуверил я.
Далека была моя дорога
От Его высокого порога,
От Его незыблемого слога,
От Его святого бытия.

Это признание – не следствие религиозной моды, оно вполне органично, как всё написанное пером Решетова. Да, он, как большинство соотечественников, родившихся в 1930-е годы и воспитанных в духе последовательного, но мало осознанного атеизма, был человеком полуверующим, а точнее сказать, верующим бессознательно, потому что его восприятие мира — как целесообразности и цветущей благодати — по сути своей было религиозным, как и чувство ответственности за всё мироздание, которое он полагал прерогативой поэтам (см. «Мать поэта...Печальнее нету на свете»).

Осознанная потребность в Боге появилась тогда, когда войдя в пору подведения итогов, он отказался от самоуверенного утверждения «Моя совесть чиста» и испытал желание не только в очищении души и в последнем материнском «приюте», но и в высшем милосердии и прощении Любимого Отца. Мысль о Боге пришла как несравненно более острое, чем прежде, чувство вины и ответственности за всё пережитое – вины, может быть, ещё не понятой до конца:

Что же надо мной Он наклонился,
Руки мне на плечи положил?
Всё-таки я в чём-то провинился,
Всё-таки я кару заслужил.

То же чувство вины возникает у него в храме, когда вглядывается он в лики Богоматери и Христа.

К Богу он пришёл как верующий – с жадной покаяния – покаяния, почувствованного не мимолетно, не на один миг, а сопровождавшего теперь его уже до конца пути: выражения «Господи», «надежда на Бога», «Взываю к Богу», «верую в Иисуса Христа» стали органичным элементом его медитации в последнее десятилетие. Теперь даже собственная совесть и честность осмысливается поэтом как проявление русской православной ментальности:

Как положено жил я на свете,
Не кривил православной душой.

И теперь новое, религиозное подкрепление получает позиция независимого художника: Решетов соглашается с тем, что Поэт – должник, только не мэра Иванова, а Господа Бога: «Он Божий ученик. Он Божья длань в известном смысле слова». Он и последний ответ должен держать перед Богом.

Последние слова на ветер не швыряют.
Последние слова для Бога берегут.

Поэтический стиль Алексея Решетова складывается как метафорическое выражение его мыслей о единых законах природной и человеческой жизни. Он постоянно замечает в явлениях природы свойства человеческие, а в человеке — черты природные. Отсюда его антропоморфизм в описании фауны и флоры и зоо- и флороморфизм в изображении человека. Есть у него несколько стихотворений, в которых уподобление «героев» мира естественного человеку, проведено так последовательно, что образы животных и растений выступают как аллегории челове-

ческой судьбы («Подорожник», «Мать жеребенка», стихи об удоде «Прозрачный купол небосвода...», о подёнке «В темнице озёрного ила...», об осени-Золушке «Осень кроткой была, как зорюшка...», «Костёр», «Тропинка»). Аллегоризмом своим некоторые из них напоминают басни, тем более, что им свойственны открытая или прикровенная назидательность. Всё же это не басни: сюжеты их не обличительные, не сатирические, а лирические: автор горячо сочувствует своим «персонажам», нередко ставит их жизнь в пример человеку («Подорожник») и даже, когда видит в их жизни явный разлад, представляет его как несчастье, как «честный обман» существа, озабоченного тем, чтобы из-за него не страдали близкие («Мать жеребёнка»).

Встречаются у Решетова и последовательно проведённые уподобления судьбы человеческой существам из мира природного, особенно пернатым, например:

Девчонка ласточкой казалась,
Ходила – к стёжке не прикасалась,
Парнишку встретила – заворковала.
На фронт ушёл он – загоревала,
Совсем, как иволга, была печальною.
Убили милого – забились чайкою.
И с той минуты ли, с того ли горенька,
Она кукушкой кукует в горенке.

В стихах, рождённых созерцанием природы и размышлениями о ней, метафоры и сравнения, построенные на приметах человека и человеческого быта, встречаются постоянно: «шрамы коры», «седой лазарет зимы», «небо в трещинах, как потолок», «осинки на ветру, как гибель на миру», «звёзды капают каплями слёз», «вечерние тихие реки отдают погребным

холодком». Иногда это весьма развёрнутые изощрённые сравнения: «Солнышко, как детство золотое, с корточек на цыпочки встаёт».

В стихах же о быте человеческом яркие тропы создаются благодаря способности поэта по-новому осветить привычную предметную деталь, открыть в ней смысловые обертоны. Так, в стихотворении «Дворик после войны» связка сереньких прищепок, надетая на шею женщины, очевидно, для удобства пользования ими, названа поэтом ожерельем, – и эта неожиданная метафора вызывает умиление и сочувствие, наводит на размышления о судьбе русской женщины. В соответствии с ожерельем прищепок появляется в этом стихотворении ещё один предмет, тоже выполняющий две функции:

Сапогом, прошедшим до Берлина,
Дядька раздувает самовар.

Бытовое (примитивное) использование Сапога, поправшего фашистский Рейх, – юмористическая и вместе с тем значимая деталь, маленькая примета постоянного разлада между исторической миссией русского народа и его домашней неустроенностью. Сцепление таких деталей не только выражает авторскую «ностальгию» по утраченной теплоте незатейливого послевоенного образа жизни, воспринятого ещё детскими глазами, но и выношенное зрелым поэтом представление о национальной ментальности. Эскизы быта, как и картины природы, всегда сочетаются у Решетова с глубоким чувством и высоким напряжением мысли поэта, страдающего и за соотечественника, и за всё мироздание.

Алексей Решетов не просто вдумчивый созерцатель жизни, он – поэт-философ. Философский характер его лирики проявляется не только в мифологе-

мах, которые мы пытались разгадать, но и в слоге, тяготеющем к сжатому сентенциозно-образному выражению идеи, а также к парадоксу; и в выборе жанровых форм, характерных для философских медитаций, — афоризма, фрагмента, наброска. Пристрастие к этим формам особенно заметно в незавершённых произведениях, отрывках, заготовках, впервые публикуемых в нашем издании, во втором томе. Но афористических четверостиший и двустиший немало и в составе законченных стихов, неоднократно переиздававшихся. Афоризмы Решетова не могут не привлечь читателя оригинальностью решений вечных проблем. Вот, например, суждение поэта о пушкинском идеале покоя и воли («На свете счастья нет, но есть покой и воля»):

Суровая доля,
Шальная цена
Покоя и воли
Во все времена.

А вот как неожиданно определён философский взгляд на зависимость человека от времени и пространства языком эзика:

Живём, постоянно вздыхая,
Вселенная нам — каземат.
За нами, как два вертухая,
Пространство и время следят.

Кстати, умение владеть чужим языком — безусловный признак истинного художника слова, и Решетов мастерски пользуется слогом другого для воссоздания индивидуального или эпохального колорита. Замечательны его отклики на классические литературные образцы, например, стихотворение «Михайловское», дающее изящный эскиз Пушкина в Михайлов-

ском, созданный рядом тонких штрихов-реминисценций из жизни и творчества поэта, либо другой «словесный офорт» на мотивы петербургских маленьких людей «Бедные люди — всё те же они...»

Но как ни виртуозно владеет поэт чужим словом, он Поэт с большой буквы лишь тогда, когда обрёл свой неповторимый слог, своё оригинальное слово. Поэтический язык Решетова традиционен, он непричастен к новейшим словесным изыскам виртуозов разбойного пера, читать которых приходится, пробиваясь на каждом шагу сквозь заросли речевых шарад. Он всегда предпочитал старое, даже старинное слово сомнительному неологизму. Его выбор тоже требовал немалых усилий:

Мы бредём, спотыкаясь о корни
Слов старинных, — я их предпочёл,
Молодой человек непокорный, —
Да измученный письменный стол.

Слово Решетова традиционно, но не банально и не случайно – это «драгоценное слово», вымученное бессонными ночами, выкристаллизовавшееся в процессе долгого и упорного сочинительства, оно целенаправленно. Цель его – не самовыражение, а выручка другого:

Хочу, чтобы вам, горюны-горемыки,
Чуть-чуть помогли мои грустные книги.
(«Чинов не хочу и червонце на чаю...»)

В поэтических набросках он пишет о своём читателе ещё откровеннее, с вызовом к тем, кто требовал от него слова для масс:

Хотелось бы не так писать уметь,
Чтоб массовых читателей иметь.
Мои стихи для тех, кто одинок,
Они – воды и воздуха глоток.

Его одинокий читатель – это не элитный книго-
чей, не рафинированный любитель раритетов. И
меньше всего тот, кто подвержен массовому увлече-
нию модными бестселлерами. Но в принципе это
может быть любой человек, который однажды по-
чувствовал себя один на один с мирозданием. Воп-
росы, от которых цепенела душа Алексея Леонидо-
вича Решетова, над которыми мучительно билась его
мысль, не может обойти ни один человек, сознатель-
но относящийся к своему существованию, а это зна-
чит, что поэзии Решетова суждена долгая жизнь.

Гурий Щенников

СТИХОТВОРЕНИЯ
1957—1987

x x x

Торопливо зашнуров в ружьи,
Коем рыскаете оеика
Заколола птильками музей
и накрыла сверху паутинкой
и ей оит, задумались, она,
В сапожок брезентовый обула.
Понедель. Наливная тишина.
Идет оеика... Повезло кому-то!

РАДУГА

Берёзки, подружки-фиалки,
Цветные дождевики вразброс,
И радуга, будто скакалка,
В руках нежно-белых берёз.
Всё дорого мне бесконечно,
Всё взято душой на учёт,
От этой берёзки беспечной
До Камушки-Камы, где вечно
Искристая юность течёт!
Здесь яхта, как молодость, мчится,
Забрызгана грудь парусов,
И радуга в просини чистой
Девически выгнула бровь.

1957

ТРАВИНКИ

Крошечная книжка записная,
Как гнездо, лежит в густой траве.
Мне писать травинки не мешают,
Гладят нежно так по голове.
Словно пальцы лёгкие любимой,
Ищут в прядях редкое тепло.
Мне травинки шепчут: «Если мимо
Ты пройдёшь — тогда уколём зло.
Напиши, чтоб мы могли присниться
Там, в пустыне, где горяч песок!»
Словно иллюстрация к странице,
Бабочка уселась на листок.

1957

* * *

Блокнот пролистал, пролетел над костром
И, верно, с парусом спутав,
Наполнил рубашку, надул пузырьём,
С листвою пошептался минуто,
Дыханием тёплым коснулся волос,
Взмыл ввысь, словно голубь почтовый.
Он, ветер, мне добрую песню принёс
И вот улетаёт за новой.

1957

НОВАЯ ДОРОГА

Голубы подснежники проталин...
Ни в одно цветенье, никогда
Мимо этих мест не пролетали,
Не будили бора поезда.
В первый раз они в Москву проносят
«Агу-гу-у-у!», завернутое в дым;
И шумят деревья под откосом:
Шпалы, стрелки — это в новость им.
С осторожным любопытством лоси
Лижут рельс студёных ручейки.
В первый раз в обходчицины косы
Здесьние забрались ветерки.

1957

ПЕРВЕНЕЦ

На ботинках по пуду, наверное, глины.
О пунцовой печурке мечтая, бреду.
Позади заурчала желанно машина.
У обочины встал, руку вытянул. Жду.
Дверца хлопнула, выглянул парень плечистый.
— Полезай, тихоход! — крикнул, жаром дыша.
Я подумал, влезая: «Шабашник речистый!»
И в кармане десяткой ему пошуршал.
Осмотрелся: под крышей, за рейкой путёвка.
Свёрнут в трубочку дали открывший листок.
Мне вдруг совестно стало,

мне стало неловко —

Из путёвки выглядывал хрупкий цветок.
Голубой, любопытный, казалось, с укором
Он мне скажет сейчас: «Не суди сгоряча!
Вот подумал плохое, не зная шофёра, —
Разве будет шабашник цветы замечать?!»
А шофёр поглядел на меня, на подснежник:
— Жёнку свёз нынче утром родить я, браток.
И добавил ещё, грубовато и нежно:
— Бабы любят цветы.
Это первый цветок.
Вот не знаю, как там. А заказывал сына...

Я, как диво, потрогал подснежник рукой.
Пусть он пахнет совсем не весной, а бензином —
Он дороже, намного дороже такой!

1957

СУМЕРКИ

Сероглазые сумерки глянут в окошко
И уйдут, как обиженный гость;
И гостинец неотданный — звёзды в лукошке
Разбросают по небу. И первая горсть
Будет тлеть до рассвета на пиках еловых.
А на завтра, влюблённые в нас без конца,
Сероглазые сумерки явятся снова,
Будто им, а не солнцу открыты сердца.

1957

ПОСВЕЖЕЛО

Стогов зелёные пилотки
Прогреты до последней нитки.
Вдруг хлынул дождь —
 такой короткий
И, как мальчишка, шумный, пряткий.
И хоть в лапту играй сначала,
Опять девчонкам рви цветочки
По тем угорам, где промчало
Ты, детство, с обручем от бочки.

1957

ТРОПИНКА

За осинником смирным тропинка
Перегнётся, как в ливень травинка,
А потом, словно заяц с испугу,
Запетляет по спелому лугу.
Перепрыгнуть овраг изловчится,
Босоногим подарит теплынь,
К роднику поворотит напиться,
Свежей лентою ляжет в полынь.
Прибежит на разъезд на закате,
Твёрдой станет, что рельсы, она
И исчезнет, как в скором укатит,
В ту сторонку, где больше нужна.

1957

СТУДЕНЧЕСКОЕ

Хоть бы час привальной неги,
А потом шагать опять!
Эх ты, пень, замшелый, пегий —
Трон династии опят!
Не мани присесть, сосновый,
Красным солнышком клянусь:
Ход прогоним до Белова —
Вот тогда к тебе вернусь.
Важно сядет смуглолицый
С «козьей ножкою» студент —
Пусть залётная синица
Примет нас за монумент!
Не шуми, берёза, брось ты, —
Вот прогоним только ход,
И тогда я на берёсте
Напишу хоть сотню од!
Напишу, как жили-были
Третьекурсники в тайге,
Как ежиху находили
В непросохшем сапоге,
Спали рядышком с кострами,
Похрапим — шагаем вновь,
Ели кашу с комарами,
Пели песни про любовь.

1957

* * *

Торопливо заглянув в ручей,
Косы рыжеватые осинка
Заколола шпильками лучей
И накрыла сверху паутинкой.
Распрямилась, и стоит она,
В сапожок брезентовый обута.
Полдень. Наливная тишина.
Ждёт осинка. Повезло кому-то!

1957

* * *

Горячий пепел горькой папироски
Жжёт пальцы мне.
Ни часу забытья.
Где, под какой неведомой берёзкой
Единственная нежная моя?
Заснеженная, хрупкая девчонка,
Ты губ теплынь отдашь мне одному.
Дай Бог тебе попутную трёхтонку
На полдороге к сердцу моему!

1957

* * *

Отстучит словно дятел топор лесоруба.
Рухнет дерево...

Лампа в бараке зажглась.
Облизнёшь непослушные жёсткие губы,
Чтоб спросить у порога:
— Поди заждалась?
Для чего все морозы, все ветры, все вьюги?
Чтоб ещё не дойдя до печного огня,
Вдруг понять, как теплы эти женские руки...
Что ж, морозы! Учите, учите меня!

1957

* * *

Ещё не знаешь точно дня рожденья
Цветов, листвы, душистых мягких трав,
Но видишь, как идут приготовления
В семье полей, полянок и дубрав.
Вот и ручей запел под снегом тонко
О том, что зелень смотрится в него.
Так мама расшивала распашонку
Задолго до рожденья моего.

1958

МОЙ КРАЙ

Студёная свежесть воды родниковой
Да влажная горечь зелёных осин.
Гудок отдалённый. И снова, и снова
Унылые всхлипы рискованных трясин.
Да хвоя навалом. Да шелест крушины
И щедрые ломти синеющих скал...
Не здесь ли прошли Ермаковы дружины
И мудрый Бажов свои сказы искал?
Не здесь ли, на Гору-Магнит наступая,
Видала братва у костра своего,
Как тучи летят, словно бурка Чапая,
И молнии блещут, что сабля его!..
Не камнем цветным по-кержацки мятежен,
Не фартом случайным сердца покорял —
Он был в глубине своей ласков и нежен
К упрямому люду — суровый Урал.
И нежность его не скудела с годами,
Росла и растёт не по дням — по часам:
То вспыхнет цветами, то вспыхнет огнями,
То песней-веснянкой звенит по лесам.
Урал... По нему, запылясь и заснежась,
Пройди, и как лучшую тайну тебе
Откроет мой край неподкупную нежность —
Подснежники в чащах, улыбки в избе.

Подарит он рябь ручейкового смеха,
И синего дыма летучую прядь,
И сильно охрипшее к вечеру эхо,
Уставшее за день «ау» повторять.

1958

РЕЧКА

Партизаны воду брали —
Кто-то горстью, кто-то в кружку.
Пили воду и не знали,
Как зовут её — речушку.
В ней чубы мочили, губы
В знойный полдень лесорубы;
Рябь собирали в котелки
Звёздной ночью рыбаки.
Эта речка не бурлила
И в болото не текла,
Эта речка всласть поила
И награды не ждала.
Помню с тропами витыми
Берег. Лес на берегу.
Только имя, речки имя
Что-то вспомнить не могу.
Помню, как мосточком узким
Проходили, чуть дыша.
Имя? Имя было русским
У речушки: как душа.

1958

* * *

Я по-прежнему друг босоногим
И вихрастым мальчишкам, как встарь.
Будто вспять побежали дороги,
Будто снова — косматый букварь.
Снова — в бочке условная буря,
Парус, сорванный прямо с куста.
Не могу я печалиться. Хмурым
Никогда мне, пожалуй, не стать.
Нет, войну не в кино мы смотрели,
Не минула нас эта гроза —
Всё я видывал: доты и щели,
Медсестрёнок озёра-глаза.
Налетал с пацанвой на галеты,
Повзрослел за бомбёжки не в срок.
И ещё с сорок первого лета
Похоронную батьки берёг.
Пусть беда неминуемая схватит —
Все оковы, все путы порву! —
Я смеюсь
 за себя и за батю,
За себя и за батю —
 живу!

1958

СОЛДАТСКИЙ СОН

Кисловатою овчиной
Сон солдатский отдаёт.
В камельке трещит лучина.
Командир разведку ждёт...
Рассказать, так небылицей
Сны покажутся самим:
Снится чистая криница,
Самоварный синий дым —
Снится то, что только снится
В трёх годах от дома им...

1958

МАЛИНА

В своей помятой закопчённой каске
Принёс в блиндаж малину старшина.
Солдаты подобрели, как от ласки,
От запаха малины.

Допоздна

Судачили:

— А на Урале, братцы...

— По мне малина — лучше всяких слив!

— В лес не ходить, коли волков бояться!

— Не есть малины, фрица не добив.

— За русскую калинку и малинку!

...Ракета. Ночь. Бредовый марш-бросок.

Подмятый куст. Немецкие ботинки.

Малины лист, налипший на носок.

1958

* * *

Где ты? Как? Светлокосая

милая Анка?..

Колобродят ветра над сырою землянкой —

Это здесь,

А за вражьем железным кольцом,

За подбитым, облапанным свастикой танком,

За крутым, обрывающим юность свинцом —

Где-то ты, светлокосая Анка...

Никогда мы с тобой не встречали рассвет,

Никогда, светлокосая Анка.

Только так получилось — остался портрет

Без хозяина в нашей землянке.

Мы ничейный теперь тот портрет не могли

Поделить между всеми живыми.

Мы, взглянув на него, в наступление шли,

Повторяя короткое имя.

А хозяин портрета упал на траву,

Пулемётною строчкой прошитый:

Напишите, ребята... Анютке... живу!

И чтоб дочь берегла...напишите...

Ошалели —

грохочут, грохочут ветра.

Нам в атаку идти.

И лукавить тут нечего:

У портрета хозяев убудет с утра.

За улыбку спасибо!

Прости нас, сестра.

Дочь учи улыбаться доверчиво!

1958

ПЕСНЯ

Когда костры не разгорались
И раны жгли сильнее когда,
Она утешить всех старалась,
Сказав, что горе — не беда.
С шершавых губ слетала в небо,
Созрев в прокуренной груди, —
И смёрзшийся кусочек хлеба,
И боль, и холод — позади.
И каждый сердце песне отдал.
Дорога.

Ветер.

Стук подков.

Не вышибить людей из сёдел!
Не выкинуть из песни слов!

1958

ПАМЯТЬ

Горите, флаги красные, горите!
Я с детства помню слёзы ранних вдов,
Заиндевевший громкоговоритель
И снег в морщинах сбившихся платков.
Я помню, как сирена завывала,
Я помню хруст оконного стекла.
Гремели взрывы.

В печке застывала
Зола позавчерашнего тепла.
И умещались двести хлебных граммов
На сводке с фронта
в двадцать строгих строк.
И первоклассник худенький упрямо:
— Мы не рабы! — заучивал урок.

1958

* * *

Свetaет...

Партизанской стёжкой
Бегут мальчишки за морошкой.
А мать им вслед кричит тревожно:
— Смотрите, будьте осторожны!
«Боится!» — маленьким смешно,
Смеются... Пусть! Простите детям:
Они не знают, что связной
Была их мамка в сорок третьем.

1958

ОБЕЛИСК

Серый, словно в рубахе холщовой,
Обелиск я увидел снова.
Белобрысым ромашкам нравится
Краснозвёздному камню кланяться.
Любо им — в этом нету вымысла —
Над такими сердцами выросли,
В лад с часами на Спасской стучавшими,
Всю Россию в себе вмещавшими.
...Ой, цветасто и солнечно в мире как!
Спят под холмиком гвардии лирики...
Не знакомы мы с теми ребятами,
Что писали стихи автоматами
На блиндажъей сутулой спине,
На эсэсовском чёрном сукне,
На рейхстаговой мрачной стене, —
Но тебе,
 и другому,
 и мне —
Нам понятны стихи из свинца,
Недописанные до конца.
Да, поди, и не стоит кончать
Стих про тёплые губы девчат,
Про малину и про росу,
Что любимым в ладонях несут,

И про то, как берёста бела,
Как гармошка за кузню звала,
Как гостит на цветке у крыльца
Дорогая залётка-пыльца...
Нет цветенью и счастьем конца —
Значит, бьются
погибших сердца!

1958

РУКИ

Навек остыли руки рыбака.
Но как похожи на живые руки,
Скреплённые при помощи шнурка,
Большие и тяжёлые, как муки.
Неужто им и вёсел не держать,
В раздумье рыжей не сгребать бородки?
Так просто возле ворота лежат,
Как в ливень перевёрнутые лодки.

1958

* * *

Знакомая запевочка
Слышна издалека,
Неведомая девочка
Идёт от родника.
А ветер вьётся около,
Горят цветы кругом.
В одном ведёрке — облако,
И солнышко — в другом.

1958

На траве золотистые блики,
Ствол сосновый в душистой смоле,
И румяной щекой земляника
Прикоснулась к прогретой земле.
А над Камой, жарой опалённые,
Низко-низко склонились кусты.
Им бы сбросить рубашки зелёные
И поплыть, догоняя плоты.

1958

* * *

Кофточка застенчивого цвета,
Под косынкой — золотая рожь.
Женщина тиха, как бабье лето,
Протянула запотевший ковш.
Ничего она мне не сказала,
Просто поспешила напоить.
Петь устала, говорить устала,
Только нежной не устала быть.

1958

ОСЕНЬ

Скоро небо закроют туманы
И замазкой пахнёт от стекла.
А вот нынче луна румяна,
Будто мама в печи испекла.
Разгорожен берёзовой тенью
Длинный лунный половичок.
До рассвета не гаснет в правленье,
Всё горит Ильича светлячок.
Счетовод пересчитывал дважды
И решил: «Хороши трудодни!»
Может печь при желании каждый
Караваи не меньше луны!

1958

ЗИМА

Я рад грохочущим телегам.
Я с детства не люблю саней.
Мороз.

Медведица под снегом.
Малина с мёдом снится ей.
На крышах снег — обуза следам;
Луна февральская мертва,
Как снежной бабы голова...
Привет грохочущим телегам!

1958

* * *

Ты такой несмыслёной была,
За ветрами гоняться могла,
Пробежать по росе босиком,
Засмеяться над сонным жуком,
Помахать быстрой птице платком.

Ты не думала ни о ком.

Как берёзка, на воле росла
И, конечно, счастливой была.

А теперь вся-то жизнь как страда,
И соседки, встречаясь, стыдят
И смеются — на льду обожглась,
И беременность порчей зовут...
Разно любят

и разно живут...

Ты не прячь и теперь своих глаз,
Нет, не прячь. Не порок, не вина —
Что ни девушка ты, ни жена.
Ты доверчивой просто была,
Ты не верить в людей не могла,
Ты с опаской любить не могла —
С чистым сердцем по жизни шла!
Грудь, кусанные сыном,
Смоют ложь святым молоком!

1958

ЗЕМЛЯ

В ней золотые жилы не устали
Ждать, что за ними дерзкие придут.
В ней кости
 и зелёные медали
Солдат, которых девушки не ждут.
В ней всё, в земле:
 начало радуг, хлеба,
Тонюсенькой черёмухи, ручья.
И эту землю
 на седьмое небо,
Живой и мёртвый,
 не сменяю я.

1959

НЕБО

На дымок из русской печки
Опирается оно,
На три кедра возле речки
Опирается оно.
И над явью и над былью
Наших дней и прошлых лет
Режут небо птичьи крылья,
Режут, режут, — следа нет.
Нет конца и края небу.
Нет конца, но до клочка
Эта синь над морем хлеба,
Над пиликаньем сверчка,
Над пробитой в травах стёжкой,
Над прищуром добрых вод
Нам близка: мы все немножко
Подпираем небосвод.

1959

* * *

Всё, зима, теперь не жди отсрочки:
Солнца луч подпишет приговор,
И тогда бабахнут клёнов почки
По тебе, морозная, в упор.
Слышишь — раздвигается валежник?
Чуешь — встал, ко всякому готов,
Маленький, решительный подснежник —
Политрук травинок и цветов.

1959

* * *

И снова в детство заглянул вчера я,
И вспомнил, улыбнувшись от души,
Как с мисочкой порожней у сарая
Стоишь ты в старых валенках больших.
А во дворе белым-бело и пусто.
От стужи каменеют воробьи.
Ты попросила:

— Наруби капусты,
Сама хотела — пальцы не мои...
Я взял топор — и брызнул лёд зелёный,
И мы над кадкой наклонились враз,
И я сказал, мальчишка удивлённый,
Увидев рядом только синий глаз:
— А у тебя антоновками, что ли,
Все щёки пахнут, прямо как в саду?
— Да мы капусту с яблоками солим...
И вдруг вздохнула:

— Ладно, я пойду.
А во дворе бело и пусто было.
Тропинка отхрустела. Ты ушла.
И голубую мисочку забыла,
Как будто мать капусту не ждала.

1959

ДОМ

Коммунальный старый дом —
Двадцать два окошка.
За любым таким окном —
Из холста дорожка.
Хлеб да соль. Дощатый стол.
Русский дух. Россия!
Там красиво моют пол
Девушки босые.
Там кожанка в уголке
Льнёт к ромашкам блузки.
Там об импортном станке
Говорят по-русски,
Говорят: «А наш сильнее,
Наш не подкачает!»
Там артистка на стене
В рамочке... Скучает.
Там полны густым огнём
Души русских печек.
Дом как дом. И нет на нём
Мраморных дощечек.
И проходим не узнать,
Что зимой суровой
В этот дом вносила мать
Беженца грудного.

Стол заветный — на дрова!
Хлеб пайковый — людям!..
— Тётка, дочка-то жива?
Сын? Счастливым будет!
Вот и всё...

 Стоит он, дом,
Двадцать два окошка,
За любым его окном
Из холста дорожка.

1959

ТИШИНА

Шёл дымок от гильз ещё покуда,
Снег шипел — и вдруг пришла она,
В дни войны похожая на чудо,
Хрупкая такая тишина.

И совсем по-мирному

нежданно

Зазвенел солдатский котелок,
И совсем нежданно на поляне
Кто-то ясно разглядел цветок.
Кто-то, улыбнувшийся устало,
Пожалел — и не сорвал цветка,
Будто это тишина стояла
На зелёной ножке стебелька.

1959

* * *

Ставень хлопнул,
Гаснут краски.
Путь-дорога далека.
Колобок из русской сказки
Закатился в облака.
Сонный лось жуёт кувшинку,
Запивает из реки.
Тополиную пушинку
Сонно нянчат ветерки.
Спят лисицы-огневушки,
Спят ежата под сосной,
Спят волнушки на опушке —
На околице лесной.
Вон берёзонька прямая
Задремала в тишине,
Через голову снимая
Платье, сшитое к весне.

1959

* * *

С лесной берёзы, с белого плеча,
Запела птица про мою печаль,
Про то, что я, наверное, смешной,
Про то, что ты смеёшься надо мной.
А ты пройди по травам босиком —
И лёгкий след я пригублю тайком.
Ты по воду пойди — и на пути
Я встречусь, чтобы ношу донести.
Ты будешь жить
 в морозе здешних зим,
Я буду добрым солнышком твоим.
Ты станешь задыхаться, близких звать,
А я вакцину буду открывать.
Тебе венки из стружек принесут,
А я тебя, остывшую, спасу,
Как сломанную ветку подниму
И не отдам ни смерти,
 никому!

1959

ДВОРИК ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Мирный дворик.
Горький запах щепок.
Голуби воркуют без конца.
В ожерелье сереньких прищепок
Женщина спускается с крыльца.
Пронеслось на крыльях веретёшко —
То есть непоседа стрекоза.
Золотая заспанная кошка
Трёт зеленоватые глаза.
У калитки вся в цвету калина,
А под ней — не молод и не стар —
Сапогом, прошедшим до Берлина,
Дядька раздувает самовар.

1960

Какие чудо-маки
У нас в саду цвели!
Казалось, что из магмы
Самой они взошли.
Под тенью тучи серой
Их пламень не утих.
И словно пули в сердце
Входили пчёлы в них.

1960

Осень кроткой была, как зорюшка,
Работящей была, что Золушка!
На покое она не сидела:
Окна мыла, пряжу пряла,
Только платье поярче надела,
Да смутилась и сразу сняла.
И тихонько исчезла ночью.
Где она? Зимний день — молчок...
Лишь лежит на снегу листочек,
Как потерянный башмачок...

1961

* * *

Настали дни суровые,
И спрятаться спешат
Под шали под пуховые
Серёжки на ушах.
В лесу озябла клюквинка,
Меж кочек лёд блестит,
И пар идёт из клювика,
Когда снегирь свистит.

1962

ПОЧТАРИ

В те зимы выюжные, суровые
Был очень робким свет зари,
И письма в домики сосновые
Носить боялись почтари.
Конверт, военные печатки,
А мысль нейдёт из головы:
Войдёшь-то с весточкой к солдатке,
А выйти можешь от вдовы.
Я знал героев настоящих
Из почтальонов. В дни потерь
Они, не бросив писем в ящик
И побледнев, стучались в дверь.

1962

СНЫ

И во сне покой неведом людям:
Кто во сне рубашку мужу шьёт,
Кто девчонку горько-горько любит,
Кто с плеча по наковальне бьёт,
То летают люди, будто птицы,
То бредут на дальние огни...
И ни разу людям не приснится,
Что ничем не заняты они.

1962

* * *

Я помню:

 с тихою улыбкой
Скрипач, что на войне ослеп,
Водил смычком над тёмной скрипкой,
Как будто резал чёрный хлеб...

1962

БАЛЛАДА О КРАСОТЕ

Чёрный «мессер» изувечил рощицу
И дорогу около реки.
И остались от регулировщицы
Только руки, сжавшие флажки.
В рукавах шинельных, наспех штопанных,
На закат указывая путь,
Даже после смерти ни за что они
Не хотели, видно, отдохнуть.
Шли солдаты расквитаться с Западом
По земле по огненной и вдруг
Повстречали в замке, только занятом,
Мраморную женщину без рук.
И на миг глаза солдатской памяти
Увидали рощу у реки,
И на миг у женщины у каменной
Появились руки и флажки,
И солдатам навсегда запомнилось,
Как поправ обычного черту,
Девочка погибшая дополнила
Статуи бессмертной красоту.

1962

Ищите без вести пропавших,
Ищите древних, молодых,
Полотна дивные создавших,
В боях Россию отстоявших —
Ищите их! Ищите их!
На душных стенах одиночек,
В полуистлевших письменах
Ищите днём, ищите ночью
Их золотые имена.
Ищите их по белу свету,
Ищите мёртвых и живых!
И если всюду скажут:
— Нету! —
Найдите их в себе самих.

1962

СТЁКЛЫШКИ

Вот мычит малиновая тёлка,
Вот на крышах снег зелёным стал.
Колдовство стеклянного осколка —
Кто из нас его не испытал?
Мы всё детство каши ели мало,
Мы худючи были что Кашей,
Но глядишь сквозь стёклышко, бывало, —
Рот и расползётся до ушей.
Не беда, что снег на самом деле
Всё же белый, это не беда:
Искры фантазёрства залетели
И остались в сердце навсегда.
И однажды ты захочешь остро
Исходить ещё безвестный остров,
Прутик вишни прирастить к сосне.
Дворники!

Я так им благодарен,
Что они дарили или дарят
Стёклышки цветные малышне.

1962

* * *

Ах, до чего же осень глубока!
В лесу глубоко, во поле глубоко.
Она как полноводная река,
А я — рыбак в челне своём убогом.
И вот уже я чувствую — тону.
Но мне дышать всё легче, как ни странно,
И старая замшелая поляна —
Речное дно. Хожу себе по дну.
Подводный мир!

Волшебно-хороши
Листы растений,
розовых и рыжих.
И вся печаль смывается с души
Среди поющих в день осенний рыбок.

1962

* * *

Может, чёт — а может, нечет,
Может, плакать — может, нет.
Может, утро — может, вечер.
Может, темень — может, свет.
Может, дальний голос вьюги,
Может, тихий волчий вой.
Может, губы — может, угли.
Может, сторож — может, вор.
Может, я тебя бросаю,
Может, я тебя ловлю.
Может, я тебя спасаю,
Может, я тебя гублю.

1962

В небе пусто, в небе строго —
Ни просвета, ни луча.
Одинокий холмик стога
На отшибе заскучал.
Почитай, до первопутка
Не видать людей ему.
Это пытка, а не шутка —
Оставаться одному.
Хоть бы лось забрёл в потёмках,
Всё бы легче. Где ж сейчас
Те мальчишка и девчонка,
Что бывали здесь не раз?
Вдруг не мил — подумать жутко! —
Стал он ей, она ему.
Это пытка, а не шутка —
Оставаться одному!

1962

МИХАЙЛОВСКОЕ

И не видать в окне Россию,
Всю погружённую во мглу,
И только пёрышком гусиным
Скрипит сверчок в своём углу.
И льются нянюшкины песни,
Как будто слёзы по щеке,
И драгоценных женщин

перстни

Горят на пушкинской руке.
И на одной из стен лачужки
В глухом неведомом краю
Тень стихотворца

тенью кружки

Пьёт участь горькую свою.

1962

* * *

Ах, Пушкин, Пушкин,
 милый Пушкин,
Чего пустой бульвар стеречь?
Приди ко мне, погрейся пуншем —
Гранитный плащ не греет плеч.
Всё те же снега, те же сани,
Идалии и Натали,
И только няни,
 бедной няни
Твои друзья не сберегли.
Каких я вин заморских не пил,
Каких не нашивал оков —
Стучит,
 стучит мне в сердце пепел
Твоих золотых черновиков.

1962

ПОЭТЫ

Л.И.Давыдычеву

Поэты погибают не от пуль,
Поэтов сокрушают не наветы:
Сам по себе мучителен их путь,
Самих себя не берегут поэты.
Расширены глаза,
 как у детей.

Попробуй жить
 и не растратить крови,
Переживая тысячи смертей
И чьих-то
 несложившихся
 любвей!

Да, чистой кровью пишутся стихи,
Да, вечно
 словотворчество
 людское,

И с красной начинается строки,
И красной завершается строкою.

1962

КОСТЁР

Как истинно талантливый актёр,
Чьим мастерством
 нельзя не восхищаться,
Всю ночь горел
 в глухой тайге костёр,
Не уставая перевоплощаться.
И ярок был его короткий век,
И смерть его была
 как роль живая,
В которой умирает человек,
Багровую рубаху разрывая.

1962

НАТУРЩИЦА

1

Вообразите
 пасмурный подвал,
Где женщина, протягивая руки,
Развешивает мокрое бельё,
Как будто
 к справедливости взывая.

Вообразите
 женское лицо,
Когда от чьих-то
 пыльных гимнастёрок
Томительно и дымчато пахнёт
Тем мужиком,
 который не вернётся.

Вообразите
 замки и мосты,
Что угольком из утюга рисует
Мальчишка конопатый в уголке —
Сын прачки и убитого солдата.

2

Кому теперь до моды? Никому.
Лишь дедушка-художник
 без сорочки

Не может белоснежной обойтись —
Крахмаль ему в неделю раз
манжеты!

И то подумать: стоит-то крахмал,
Пожалуй, больше, чем его картинки.
Я, говорит, заметьте, как на смерть,
Хожу в рубахе белой на этюды.

3

В сторонку отодвинувши кармин,
Сиену, кобальт и другие краски,
Художник мажет маргарин на хлеб,
Но не ножом, чудак, а мастихином
И угощает мальчика. А тот
Не может есть, а тот глядит на стены:
Там в красной тьме качаются дома,
И гибнут люди в тогах и туниках;
Там демона вселенская тоска,
И серые цветы фата-морганы,
И женщины, и женщины кругом —
С ребёнком, с лютней, с веером,
с клюкою.

— Ах да, — художник говорит, —
забыл

Ещё тебе сказать я про натурщиц:
Искусство плачет, как дитя,
и грудь

Ему даёт натурщица, как мать.
Ах, где теперь натурщицы мои?

Одни эвакуировались сразу,
Другие в санитарках на войне,
А третьи здесь,
но страшно похудели.

4

И стало лёгким пламенем лицо
И руки у мальчишки. А девчонка
В студёный стыд, дыханье затаив,
Как будто бы в невидимую речку
Вошла. И было платице у ног —
Как островок с цветами голубыми.
И не было подвала и войны,
А было рисование с натуры.

1962

БЕЛЫЙ ЛИСТ

Виктору Болотову

О, белый лист, поэту ты претишь,
Так белый флаг немыслим для солдата.
Так белой ночи давящая тишь
В рыданиях девичьих виновата.
Но полон чуда, веры, торжества
Тот миг, когда естественно и просто
Приходят вдохновенные слова
На лист необитаемый как остров.
О, белый лист — как белое чело,
Как белые больничные постели,
Как белый снег, что рухнул тяжело
От выстрела на пушкинской дуэли.

1963

Мы в детстве были

много откровенней:

— Что у тебя на завтрак?

— Ничего.

— А у меня хлеб с маслом

и вареньем.

Возьми немного хлеба моего...

Года прошли, и мы иными стали,

Теперь никто не спросит никого:

— Что у тебя на сердце?

Уж не тьма ли?

Возьми немного света моего.

1963

* * *

Время закрытых дверей.
Ночь. Воронёные тучи.
Вот бы уснуть поскорей,
Попусту очи не мучить.
Выключить лампу — и спать.
Лучше подняться пораньше,
Чтобы увидеть опять
Ласточек, в небе парящих,
Дом свой в рассвет и лесок,
Весь потянувшийся к свету,
Завтрак свой — хлеба кусок
С солнечным зайчиком сверху.

1963

МОЙ БРАТ

Мой брат, твой адрес —
кладбище, бурьян,
Земля сырая, мир потусторонний.
Когда тебе из наших дальних стран
Снесут письмо усталые вороны?
Когда расскажут липы на ветру,
Что ни одна звезда не почернела,
И тёплый хлеб нас будит поутру,
И нет у жизни края и предела?
Мой милый брат, ты — дома,
я в гостях,
Мне здесь, в гостях, то весело,
то грустно.
Когда же я тебе о новостях
Поведаю не письменно, а устно?

1963

* * *

Убитым хочется дышать.
Я был убит однажды горем
И не забыл, как спазмы в горле
Дыханью начали мешать.
Убитым хочется дышать.
Лежат бойцы в земле глубоко,
И тяжело им ощущать
Утрату выдоха и вдоха.
Глоточек воздуха бы им
На все их роты,
все их части,
Они бы плакали над ним,
Они бы умерли от счастья!

1963

* * *

Когда прощально кружат журавли
Над отдалённым призрачным строеньем
И лесом, лиловеющим вдали,
Я полон журавлиным настроеньем.
Мой серый взор стремится в синеву,
И тяжело, и слабо машут веки,
И сам подобно журавлю-калеке
Я падаю в осеннюю траву,
Я припадаю к матери-земле,
И вместе с ней горюю и мечтаю,
И привыкаю к медленной зиме,
И самообладанье обретаю.
Так славься та великая печаль,
Которая на лице человека
Стирает безмятежности печать
И мужеству предшествует от века.

1963

СКАЗКА

Да, коли сказкам старым верить,
То где-то есть дремучий лес.
Там мох до плеч.
Под мохом двери —
За ними клады прятал бес.
У нас никто подобных кладов
Не находил в лесных местах.
Зато грибы у нас — что надо,
И что ни ягода — мечта!
Найдёт их девка — краше станет,
Старик поест — и в пляс готов.
И бобыля к вдове потянет
В дни спелых ягод и грибов.
В такие дни вареньем пахнет,
В почёте сахарный песок.
Случись художник здесь —
он ахнет,
Прихватит кисти — и в лесок.
Он там царевну нарисует:
Чулки в росе, в чернике рот.
Её Иван-дурак целует
И губ от губ не оторвёт.

1963

* * *

Набродиться летними лесами,
Лечь в траву, вздохнуть и замереть.
И почти закрытыми глазами
В небо полудённое смотреть.
Ощущать цветов благоуханье
И лучей скользящее тепло.
Думать: это женское дыханье
Чудом в глушь лесную занесло.
И внимать земле и небосводу,
И, вернувшись в хмурое жильё,
Потерять, как женщину, природу,
Мучиться и сохнуть без неё.

1963

* * *

Старуха знала, где живут маслята,
Где белый гриб в зелёный мох залез,
В глухой жакетке

с дюжиной заплаток

Она входила,

ровно в церковь,

в лес.

И кланяться земле не уставала,
Как будто бы молоденькой была,
Голубушкой синявку называла,
А мухомор антихристом звала.

Бывало, шепчут, как над люлькой,

губы

Над золотым опёнковым пеньком.

Её нашли в овраге лесорубы,

Присыпанную реденьким снежком.

А около —

в двух ивовых корзинках —

Грибы без червоточки одной.

И видел я, как на её поминках

Из глаз соседей дождик шёл

грибной.

1963

ТОЧИЛЬЩИК

Как заливала сердце радость,
Подобно вешнему лучу,
Когда звучало за оградой:
— Ножи и ножницы точу-у-у!
Портнихи ножницы тащили,
Садовник — нож, столяр — топор,
И нажимал педаль точильщик,
Как избалованный тапёр.
Вращались каменные диски,
Ритмично щёлкал стык ремня,
И как жар-птица сыпал искры
Станок наждачный на меня.
Я пробивался ближе к чуду —
Не оторвать, не отлучить.
Вот подрасту и тоже буду
Ножи и ножницы точить.

1963

* * *

Я изучаю магазины
У тупичков и площадей.
О, как похожи магазины
На окружающих людей!
Вот книжный.
Он — студент дотошный.
Его витрины что очки.
Он знает и труды Ньютона,
И Павла Когана стихи.
Вот булочная,
 вроде доброй
Старухи. От неё иду
То с хлебом я,
 то с халой сдобной,
А то с коврижкой на меду.
Вот ювелирный.
Он — вельможа.
Он не утешит люд простой.
Он только на себя похожим
Свой зуб покажет золотой.

1963

* * *

Когда музеи закрывают,
Когда за окнами темно,
Портреты тотчас оживают
И с натюрмортов пьют вино.
На берегах пейзажных речек,
Где над кострами вьётся дым,
Портреты-женщины лепечут,
Мужчины плечи гладят им.
И любо им пожить, как людям,
О том, что на сердце, сказать,
Заплакать, если больно будет,
Смеяться... В рамки не влезать.

1963

ВОЛЧИЦА

Как нагло действует волчица.
Чтоб жертву взять наверняка,
Как жадно воют в поле чистом
Два изумрудных огонька.
Но сколько трусости во взгляде
Её затравленных зрачков,
Когда дрожит она в окладе —
Кольце охотничьих флажков.
И точно так в искусстве: серость
Свободно рыщет и рычит,
Пока оранжевая смелость
В свой круг её не заточит.

1963

* * *

За что на свете женщин любят
Всего сильнее и горячей –
За непослушные ли губы
Или за дымчатость очей?
А ты отшельником отшельник
Немало жил. Вокруг тайга.
Тебя дурманил пол волшебный
На репродукциях Дега.
О кружку с чаем руки грея,
В сторожке тесной и косою
Ты тосковал тоскою Грея,
Ещё не знавшего Ассоль.
Ты лист, единственный на ветке,
Жалел за горькое житьё.
Ты любишь женщину навеки
За одиночество своё.

1963

Они расчёсывали косы,
Раздевшись около реки.
Им напевали волны плёса,
Их обдували ветерки.
И были все они другими —
Не то что в платьишках своих —
И все античные богини
Не стоили мизинца их!
Их хорошо вода держала:
На спину ляг, гребь слегка,
И на груди у них дрожало
По два вишнёвых поплавка...
А на прибрежных старых брёвнах,
Едва приметная, одна,
Дремала, съёжившись, условность
Из майи, штапеля и льна.

1963

ШАХМАТЫ

Окошки — вроде жёлтых клеток
Для шахмат. И по ним порой
Передвигается нелепо
Разбитый вдребезги король.
Его лады лежат в пучинах,
И офицеры спят в земле,
Его жену чужой мужчина
Увёз в серебряном седле.
Он за насмешкою насмешку
Теперь встречает на пути,
О, если б маленькую пешку
У самой пропасти найти.
Одну из тех, кто и без денег,
И без дворцовой мишуры
Тобой живёт, с тобою делит
Все беды шахматной игры.

1963

* * *

Светолюбивы женщины. Они
Не могут пыль на стёклах окон видеть,
Им докучают пасмурные дни,
Их чёрным словом так легко обидеть.
И светоносны женщины. Нельзя
Представить даже,
 что за темень будет —
Исчезни вдруг их ясные глаза
И маленькие матовые груди.

1963

ХУДОЖНИК

Был холст натянут на подрамник,
Обычный холст обычным днём,
И, как подранок,

как подранок,

Забилась

женщина

на нём.

И живописец бросил кисти,

Надел берет и вышел вон.

И вот уж мы боимся мысли,

Что мог не жить на свете он.

Или среди живого люда,

Из-за тумана или тьмы,

Не оценить прообраз чуда,

Как не оцениваем мы.

1963

* * *

Ты лёгким светом вся озарена,
Ты вовсе не такая, как другие,
Ты у меня, как Родина, одна —
Жизнь без тебя страшна,
как ностальгия.

И снится мне: качаются цветы,
И белый аист нам несёт ребёнка,
И голову закидываешь ты,
И на поляну падает грёбенка.

1963

* * *

B.H.

Я встреч с тобой боюсь,
а не разлук.
Разлуки нас с тобой не разлучают:
Во тьме ночей и путанице вьюг
Мои глаза твой профиль различают.
Но вот мы рядом. Листья и цветы
На лёгком платье у тебя весною.
О, как чиста, о, как прекрасна ты,
Какая даль между тобой и мною!
Какая даль — без края и конца!
О, снежная жестокость расстояний —
Ни огонька, ни милого лица,
Ни наших встреч,
ни наших расставаний.

1963

* * *

Свет звезды, которой закатиться,
Ярок,
 торжествующ,
 небывал.

Белый лебедь, прежде чем разбиться,
Так поёт, как сроду не певал.
Что короче нашей жизни дивной?
Этим чувством нам и надо жить,
Чтобы было песней лебединой
Всё, что мы успеем совершить.

1963

* * *

Куда, куда вы, облака,
Не ожидая потепленья,
Без фонаря и посошка,
Без хлеба и благословенья?
И я таков, и я таков —
Покой — беда моя и кара.
Мой герб — на фоне облаков
Четыре пёрышка Икара.
Мой город тих и невелик,
Без шумных улиц с гаражами,
И облаков прощальный клик
Прекрасно слышат горожане.

1964

* * *

Опять мой сон, как блудный сын,
Меня оставив, где-то бродит,
Оборван и едва ли сыт,
А дело к стуже, к непогоде.
Он ищет милую свою.
Ах, как заботливо, бывало,
Она садилась на краю,
Ему подушку поправляла.
И что теперь случайный кров,
Дрова, пылающие жарко,
Густой наливки бычья кровь
И благосклонная шинкарка!

1964

* * *

Ты знаешь, что такое рань?
Ты просыпался рано,
Когда стекло оконных рам
Мерцает как-то странно,
Когда ещё не слышно птах,
Ещё не пали росы,
Когда лежит на трёх китах
Земля без всякой оси?..

1964

* * *

Древо спилили — и всё пригодилось
Людам.
Берёста пошла на лукошки,
Ветки — на веники, ствол — на корытца.
Даже опилкам нашлось применение.
Ими, опилками, туго набили
Чучело птицы, певавшей на древе.

1964

* * *

Девчонка ласточкой казалась:
Ходила — к стёжке не прикасалась,
Парнишку встретила — заворковала,
На фронт ушёл он — загоревала.
Совсем как иволга, была печальною.
Убили милого — забились чайкою.
И с той минуты ли, с того ли горенька,
Она кукушечкой кукует в горенке.

1964

МАРТ

Не весна,
 а какой-то кошмар.
Почернел и осунулся город.
И хрипит,
 задыхается март,
Как февраль
 с перерезанным горлом.
Всё навыворот,
 всё набекрень,
Вкривь и вкось,
 но проходят недели,
И уже без боязни сирень
Вылезает из найденной щели.
Что с тобою, мятущийся мир,
Ты как будто доволен судьбою?
Неужели когда-то и мы
Так же будем довольны собою?
Неужели себя я найду,
И сомненья свои освистаю,
И двенадцати мартов в году
Никогда уже не насчитаю?

1964

* * *

Уходят женщины. Но эта
Потеря женщин дорогих
Не так плачевна для поэта,
Как безутешна для других.
Довольно пёрышком коснуться
Черновика на чердаке,
И драгоценные вернутся,
Дыша в трепещущей строке.
Бывали женщины хитрее
В давно минувшие года —
И те от ямба и хорея
Не уходили никуда.

1964

* * *

Всё равно в каком аду —
Этом или том.
Всё равно под чью дуду
Быть шуту шутом.
Лишь бы ты меня ждала
С вечною тоской,
И бубенчики рвала
Белою рукой.

1964

* * *

Нет детей у меня. Лишь стихи
Окружают меня, словно дети,
Но они и бледны, и тихи,
Не живут они долго на свете.
— Дорогой, потерпи до утра,
Золотой, подожди до рассвета,
Завтра утром придут доктора,
Мы на дачу уедем на лето.
И опять — словно снег — черновик,
И перо — словно посох скрипучий,
И рука — как безумный старик,
И свеча — как звезда из-за тучи.

1964

ПЕСЕНКА О ГОЛЛАНДСКОМ ТЮЛЬПАНЕ

Есть славный город Амстердам
С тюрьмою Бюйтенгоф.
Полгода плакал, сидя там,
Простак из простаков.
Он в лавке луковку, профан,
Отправил под усы,
Он скушал будущий тюльпан
Невиданной красоты!
Пусть будет песенка моя,
Как луковка, горька,
И ею бедная семья
Заморит червячка,
Чем комплименты принимать
И в вазе золотой
Зевак придворных занимать
Своею красотой.

1964

КОМНАТА СМЕХА

Потеха, ей-богу, потеха,
Держите, а то упаду! —
Прекрасная комната смеха
Открыта у нас в горсаду.
За самую низкую плату —
Двенадцать волшебных зеркал.
— Товарищ, а где тут поплакать?
Я друга вчера потерял.
Да, видно, уж выплакал очи,
Как в холоде-голоде рос, —
И вот бы зайти на часочек
В прекрасную комнату слёз.

1964

* * *

Мы бредём, спотыкаясь о корни
Слов старинных, —

я их предпочёл,
Молодой человек непокорный, —
Да измученный письменный стол.
Ты, ему говорили, попомнишь,
Как бумагомарак поважать,
Каково без ковровой попоны
Где-нибудь на задворках дрожать.
Он не слушает голос зловещий,
Угрожающий стужей и тьмой.
До свидания, люди и вещи,
Мы не скоро вернёмся домой!

1964

* * *

Время — деньги, это верно.
Время — лучший капитал.
Но его в таверне скверной
Я с дружками промотал.
Индульгенций по карману
Мне, конечно, не найти,
Но на песенки шарманок
Постараюсь наскрести.
Спой мне песенку, шарманка,
Про далёкие края,
Улыбнись мне, обезьянка,
Ненаглядная моя.

1964

ОБРАЩЕНИЕ К КЕНТАВРУ

Полуконь-полуюноша древний,
Чем в столичном музее торчать,
Приезжай, поработай в деревне,
Пособи посевную начать.
Да скажи, как мужчине мужчина,
Председателю: так, мол, и так,
Кто уверен, что лошадь — машина,
Тот мерзавец и круглый дурак.
Есть такие ещё между нами:
Ради почестей, ради литавр
Так и вертят кнутом над конями.
Ты уж выручи, братец Кентавр!

1964

Не заболочены глаза.
И сердца бедного огарок
Ещё горит во мне, друзья,
Для чёрных дней —
довольно ярок.
Покуда Родина, как мать,
Ко мне протягивает руки,
Ни чести мне не занимать,
Ни сил на творческие муки!

134

* * *

Пегасу хочется в ночное
К подпаску в розовом дыму.
Не очень весело со мною
В стране заоблачной ему.
Он запах трав далёких ловит,
Трубит в тревожную трубу,
Ему всё лето снится лошадь
С туманной звёздочкой на лбу.
Ах, как вздыхает, как вздыхает
Мой неприкаянный слуга,
Покамест белыми стихами
Не запорошены луга.

1965

Я снова русской осенью дышу,
Брожу под серым солнышком осенним,
Сухой цветок отыскиваю в сене
И просто так держу его, держу.
Я говорю: отыскивай, смотри,
Пока не в тягость дальняя дорожка,
Пока вкусна печёная картошка
С ещё сырым колёсиком внутри.
А между тем зима недалеко,
Уже глаза озёр осенних смеркли,
Лишь вены на опущенных руках
Ещё журчат, ещё перечат смерти.

1965

КРЫШИ

Скажите, вы любите крыши,
Пропахшие запахом звёзд?
Они, как усталые крылья,
Проделали тысячи вёрст.
А мы и не подозревали,
Что, сонные веки закрыв,
В таинственных странах бывали
При помощи машущих крыш.
И только большие поэты
Любуются их серебром,
Которые пишут сонеты
Оброненным крышей пером.

1965

* * *

Сколь ни таращились совы,
Сколь ни махали крылом,
Всё же прошляпили солнце,
Вон его шар над селом!
Как рукомойник из меди
Ал
и простынка бела,
Как ты прекрасна при свете
Солнца —
в чём мать родила!
Как нам без солнышка туго
Переносить сивера.
Как же его медовухой
Не напиваться с утра?

1965

Р. Белову

Уж если я умру и не воскресну,
Не превращайте комнату в музей,
Не берегите трость мою и кресло,
А берегите всех моих друзей.
Друзья расскажут коротко иль полно,
Каким я был.
Вы сможете судить,
Не милуя покойного, но полно
По рюмкам и подсвечникам судить.
А помните, что близкие не вечны,
Спешите к ним за истиной, пока
Мои же разгулявшиися вещи
Меня не распродали с молотка.

1965

HATYOPMOPT

Вот натюрморт.
Анфас и в профиль
На нём еда, еда, еда.
Бараний бок со стружкой крови,
Бутылки потные со льда.
Но кто отведают гостинцев,
Но где весёлая братва:
По горло сытая постится
Или от голода мертва?
И почему бывает благо
И столь чрезмерно, и мало,
Что уж не в радость нам,
а в тягость,
Как патентованное зло?

1965

* * *

Я в чашу истины проник:
Мир симметричен и зеркален,
И мой неведомый двойник
Печален, если я печален.
Когда мне не было темно,
То и в его полуподвале
Не пили горькое вино
И зеркало не закрывали.

1965

* * *

Я знал человека. О нём,
Должно быть, вы слышали прежде:
Он в свой непостроенный дом
Входил в непошитой одежде,
Садился поближе к огню
В несуществовавшем камине
И ласково гладил жену,
Хотя её нет и в помине.
И в этой нелёгкой судьбе,
В особенно горькие миги,
Искал утешенья себе
В никем не написанной книге.

1965

РАННЯЯ РАБОТА

Сколько я медицинских комиссий
Охмурял, прибавляя годков,
Чтоб добраться до шумных трансмиссий,
До больших карусельных станков.
Сколько раз отгоняли шофёры
От полуторок пыльных меня,
Чтобы я не встречал в разговоры
Про цилиндры, валы и «поршня».
Сколько раз оголённая фаза
Пострашней лихорадки трясла,
Как я злился, что мама «заразой»
Солидол на руках назвала.
Но когда пересёк я фабричный
Двор, почти не касаясь земли,
Я умел уже очень прилично
И паять, и клепать, и сверлить.
Не умел лишь с девушками ладить —
Трепетал, любовался тайком.
Тут я был «салажонок» и «лапоть»,
А хотелось мне быть «молотком».

1965

МАМА

Ты слышишь, мама, я пришёл —
Твой милый мальчик, твой Алёша.
Нигде я, мама, не нашёл
Таких людей, как ты, хороших.
Руками жёлтыми всплесни:
Какое солнце над востоком!
Не бойся, мама, мы одни
На этом кладбище жестоком.
Уж сколько зим — не знаю сам —
Скребётся вьюга по окошку.
А ты всё бродишь по лесам,
Сбираешь ягоду морошку...

1965

* * *

Какое счастье — ненароком
Через ограду ивняка
Увидеть юношеским оком
Купальщиц
 в крапинках песка.
Какой,
 по-моему,
 ублюдок
Нарцисс, глазеющий в трюмо!
Какой сюрприз, какое чудо
Хотя бы женское
 письмо!
Опять в тиши насторожённой
Цветной конверт отбросить прочь
И над страницей обнажённой
Сидеть всю ночь,
 сидеть всю ночь.

1965

* * *

Нет, ты любовью не зови
То, что на самом деле было
Простым предчувствием любви:
Не замело, не ослепило.
Ведь на пустой осенний берег
И воду чёрную у берега
Сначала падает не снег,
А только слабый запах снега.

1965

* * *

Да, хлопья снега — только анонимки,
И вряд ли у болтливого ручья
Остались те любительские снимки,
Где вместе были сняты ты и я.
Ну что ж, зови защитников хвалёных
И всяких лжесвидетелей зови,
И пусть нас обелят, приговорённых
К последней и пожизненной любви.

1965

* * *

А помните, милая, вместе
Всю ночь мы стояли в подъезде.
И ваша губная помада
Шептала:
— Не надо... Не надо...

1965

Я не пойду на карнавал.
И так весь год за постной миной
Я от нескромных глаз скрывал
Тоску безумную по милой.
И так я пил за подлеца,
Пока не лопнула завязка,
И со зловещего лица
Не спала ангельская маска.
И пригласительный билет
Мне нужен лишь в такие двери,
Где и в помине масок нет
И люди — люди, звери — звери.

1965

ДИКАРЬ

Я вспомнил позапрошрое своё:
Горел костёр, и женщина сидела,
И я, дикарь, не обижал её
И лишь глядел, куда она глядела.
Я, встретив лань, не вспомнил о стреле,
Но сам себя осыпал поздней бранью
И грубым камнем высек на скале,
Как расправляюсь с женщиной и ланью.
Я кончил рисовать, благодаря
Богов за опьяняющее чувство,
Что снова превращаюсь в дикаря
При помощи высокого искусства.

1965

Ты молода, мой друг, а я — поэт,
И, стало быть, мне много тысяч лет.
Я много раз рождался, и старел,
И на высоком пламени горел.
Ты молода, а на моё чело
Извечное страдание легло.
И вот опять всю ночь пишу стихи,
А за окном — вторые петухи.
А от вторых до третьих петухов
Не более полутора веков.

1965

* * *

Какая удачная месть
За плод запрещённого древа!
Не вырвут в гостинице мест
Адам и смущённая Ева.
Не будет влюблённым брони,
Пока существует природа,
И Боже тебя сохрани
Коснуться запретного плода!
Присядете вы на скамью,
Усталые, полуживые,
Но как охраняют семью
На каждом углу постовые!
Конечно, вас выручит друг,
Уж он не откажет в привете,
Но тут обнаружится вдруг,
Что он не на этой планете.
Тогда остаётся вокзал...
Но что вспоминать о вокзале?
Ведь я ничего не сказал.
И вы ничего не сказали.

1965

* * *

О, женщина! Что за натура!
Нарочно является к нам
Одним волоском белокурым
Связать по рукам и ногам.
Чтоб мы моментально привыкли
И выли, как волки, потом
На лунки от детской прививки
Под строгим её рукавом.

1965

* * *

Своим сиянием зима
Вот-вот сведёт меня с ума.
У той у девочки-гордячки
Такой же был слепящий взгляд.
Я ей дарил цветы «собачки»,
Не помню, сколько лет назад.
Она мне голову вскружила.
Но в бесконечности дорог,
Как в снег упавшую снежинку,
Я отыскать её не мог.

1965

* * *

Как тяжко, что ты не согласишь,
Не согласишь — моли не моли —
За голубоватые двери
В воздушные замки мои.
Для всех неудачников мира —
О, пыль невесёлых дорог! —
Я всё приготовил для пира,
Любимые свечи зажжёт.
А впрочем, нисколько не жалко,
Что я не дождусь никого, —
Обломки воздушного замка
Придавят меня одного.

1965

И, вырываясь в веки кои-то,
Посредством утлого крыла,
Мы вновь оказывались в комнатах —
Кругла Вселенная, кругла!
Пусть сохнут яблоки познания,
Скисает птичье молоко —
Мы не из тех, чьи притязания
Заходят слишком далеко.
И всё же маленькие комнаты,
Где мы живём, не тратя сил, —
Неплохо сделанные копии
Прекрасно вырытых могил.

1965

АВТОПОРТРЕТ

Сюртук засаленный и драный,
И на губах запёкся бред.
Зачем,
 зачем, художник странный,
Ты создавал автопортрет?
Зачем не сглаживал пороки,
Чтобы не ставили в вину
Тебе их некие пророки,
Чредой стекаясь к полотну?
Зачем пристанище сырое
Убогой свечкой освещал,
И не писал своих героев,
А впалой грудью защищал?

1965

* * *

В заповеднике лани,
В заповеднике рысь...
Как нам быть со словами,
Чтоб не перевелись?

Мы так часто трубили
В чистом поле стиха —
Столько слов истребили,
Дорогих, как меха!

1965

Всё, что мог, я отдал букинисту
На Кузнецком за ломаный грош.
Гулливвер удивлённо присвистнул,
И презрительно сплюнул Гаврош.
Но волшебная книга природы
Остаётся со мною пока —
Её степь, её вешние воды,
Её листья травы — до листка.
Букинисты клюют на интриги,
Что им проку от книги такой?
Да и столько страниц в этой книге
Уничтожено чьей-то рукой!

1965

* * *

Как будто бы еретики,
Не проронившие ни слова,
Горят мои черновики
В огне судилища святого.
Уже подошвы жжёт строфе,
Уже и нет её в помине.
О, это аутодафе
Её избавит от гордыни.
Но, не прощающий грехов,
Я всё же не без раздраженья
Гляжу на сборище стихов,
Не удостоенных сожженья.

1965

* * *

Всё чаще думаю с досадой
О сходстве крыльев и оков.
Всё чаще длительной осадой
Беру фортеции стихов.
Какой ценой достиг я цели!
Мой стих, как город, изнурён.
Там переплёты Библий съели,
Не только кошек и ворон.
Там и патриции — плебеи:
Сплошная боль и нагота.
И горечь медленной победы
По ржавым кубкам разлита.

1965

* * *

Есть версия, что камбала живёт,
Вернее, может вечно жить на свете.
И, если это правильно, вот-вот
Не станет перевозчика на Лете.
Пускай же вечно дышит человек! —
Но всё же позаботимся вначале,
Чтоб и короткий человеческий век
Ни горе, ни беда не омрачили.
Да будет так! А смерть свою поправить
Мы, люди, и без панацеи можем:
Того же принца датского сыграть,
Христа в пустыне написать, положим.

1965

* * *

Не убивайся, человече,
Что еле движутся дела,
Что ненаглядная далече,
Что вьюга окна замела.
Пока в природе двоевластье
Чудной четы — добра и зла,
Исключено сплошное счастье,
Исключена сплошная мгла.

1965

* * *

Уж если думать откровенно —
У нас минут наперечёт,
Хоть кровь лиловая по венам
Легко и весело течёт.

Ещё мы мечемся по свету,
Ещё не чувствуем конца,
А уж она впадает в Лету,
Кружа опавшие сердца.

1965

* * *

Сапожник допился до белой горячки,
Поэт дописался до белых стихов.
И белая пена в корыте у прачки —
Как белые овцы у ног пастухов.
И белые стены покрашены мелом,
И белый из труб поднимается дым,
И белый наш свет называется белым —
Не чёрным, не розовым, не золотым.

1965

ДЕЛЬФИНЫ

В. Михайлюку

Дельфины, милые дельфины,
Мы вас научимся беречь —
Уже почти до половины
Мы понимаем вашу речь.
О, разыгравшиеся дети!
Вас не обижают корабли,
И вашей кровью красить сети
Отвыкнул жители Земли.
И вы, поэты, как дельфины,
Не избегайте с нами встреч —
Уже почти до половины
Мы понимаем вашу речь.

1966

* * *

Скорбная весть по России бежит:
Анна Ахматова в гробе лежит.
Вечная память! Седой от утрат,
Братски прощается с ней Ленинград.
Он её помнит с безоблачных дней —
Русской Сафо — память вечная ей!
Он её помнит блокадной зимой
В ватнике, с противогазной сумой.
...Ангелы в белом пришли и ушли.
Душу поэта не взять у земли.

1966

* * *

Я осень читаю, как повесть,
Заранее зная конец.
Я вижу пустынное поле,
Усталых людей и коней.
Конечно, не с первой страницы
Тебя уже что-то гнетёт —
Ещё заливаются птицы,
И даже шиповник цветёт.
Но дальше — отъезд героини,
Пустой заколоченный дом.
Поляны, одетые в иней,
И речка, покрытая льдом.
И эти бессонные ночи,
Бессильные не причитать,
И книги, которые хочешь
И бросить, и перечитать.

1966

* * *

В этот день осенний, серый
Подарю моей родной
Тонко свищущее сердце
В клетке старенькой грудной.
Спрячь его под тёмной шалью
От зияющей звезды,
От зелёных глаз кошачьих
Подползающей беды.
Не забудь былого лета,
Тихий вечер над селом,
Где жила и пела флейта
С переломанным крылом.

1966

ДЯТЕЛ

Целый день, как будто спятил,
От зари и до зари,
В чью-то дверь стучится дятел,
Умоляя: — Отвори!
Я бродил в осеннем парке,
Утомился и продрог.
Я глядел, как листья падки
На случайный ветерок.
Я подумал, что с другими
Зря знакомства затевал,
Что давно своей другине
Горьких глаз не целовал.
Наши письма остывают.
Что же слабый ток в крови
До сих пор не убивает
Прозябающей любви?

1966

* * *

Душа и природа — в предчувствии вьюг,
И стрелки часов улетают на юг.
И маятник жёлтый вот-вот упадёт,
И дворник с метлою уже его ждёт.
Нам долгие ночи с тобой коротать,
Стихи, завывая по-волчьи, читать.
Спаси меня, милый полночный друг! —
Душа и природа — в предчувствии вьюг.

1966

* * *

Увы, я счастлив...
Лишь порою
Я вспоминаю словно сон,
Что мир ещё не так устроен,
Как должен быть устроен он.
Пылинка ссорится с пылинкой —
Им тесен солнечный простор,
И гном заносит над былинкой
Микроскопический топор.
Во мне опять и злость, и жалость,
Я вижу всё и слышу всё,
Как будто не переезжало
Меня фортуны колесо.

1966

За мои печали плата —
Теплота твоих колен.
Милосерднейшая плаха,
Чудодейственнейший плен.
Как светла моя темница,
Как горьки бывшие сны,
Как жестоко очутиться
На свободе без вины.

1966

* * *

Один — похитил женщину.

В тоске

Поможет ли ей сила талисмана?

Другой — из каждой книги по строке,

А третий — сор из вашего кармана.

Ещё один — увёл чужих быков,

А этот вот — позарился на сласти,

А тот огонь похитил у богов, —

Какой скандал!

Куда смотрели власти?

1966

Фантастический флигелёк,
Фиолетовый фитилёк,
Марфа в фартуке
 чистит фрак,
Фигу прячет в карман дурак.
Фолианты: Фейхтвангер, Франс,
Дьявол в профиль, Фауст в анфас.
И качаешься, обомлев, —
Сколько фосфору в букве «эф»!

175

* * *

В эту ночь я стакан за стаканом,
По тебе, моя радость, скорбя,
Пью за то, чтобы стать великаном,
Чтоб один только шаг до тебя,
Чтобы ты на плечо мне взбежала
И, полна ослепительных дум,
У солёного глаза лежала
И волос моих слушала шум.

1966

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

Одумайся, голый король!
Ступай и купи оболочку.
Какой матерьял и покрой,
А главное — можно в рассрочку.
Ещё не пришли времена,
Когда не царит отчуждённость:
Как рана без корки, страшна
Доверчивость и обнажённость.
Вещаю, поскольку и сам
Испытывал боль осмеянья —
Не только осенним лесам
Обманщики шьют одеянья.

1966

Пора замаливать стихи,
Стихи замаливать пора мне,
Встав за кузнечные мехи
Или обтёсывая камни.
Откуда знать, в конце концов,
Быть может, я ценою муки
И отыскал своё лицо,
Но потерял при этом руки.

1966

* * *

Мне надо бы горькую книгу создать
О жизни и подвиге наших солдат.
Да вряд ли мой стих — с умилением в нём —
Пройдёт испытание Вечным огнём.

1966

* * *

Я, как волк, появился в апреле
В этом яростном мире большом.
Мне авдотка играл на свирели.
Я лежал на земле нагишом.
Объясните-ка мне, буквоеды:
Мы не волки, — а плечи сильны,
Мы не волки, — а головы седы,
Мы не волки, — а песни грустны.
И когда я ночные потёмки
Пью вприкуску с гусиным пером,
Я-то ведаю, чьи мы потомки,
Разрази Чарльза Дарвина гром!

1967

* * *

Я с природы осенней
Серых глаз не свожу,
Словно с девушкой сенной
Далеко захожу.
Но уже не по воле
Возвращаюсь домой,
Но уже я помолвлен
С нелюбимой зимой.
И хожу я, поручик,
И красив, и высок.
И свинцовой тучей
Продырявлен висок.

1967

* * *

О вы, несжатые полосы,
Как, видя вас, не горевать?
Трудней, чем камень философский,
Нам хлеб насущный добывать.
Мы полюбили хлеб за муки,
За то, что начали с азов
Без вас, таинственные музы,
Верней, вязальщицы снопов.
Мы покупаем хлеб в лавчонке,
Спеша на Чистые пруды,
И лебедь белый или чёрный
К нему выходит из воды.

1967

* * *

Нету милее напева,
Даром, что простенький лад:
Правда — моя королева,
Я — её старый солдат.
Чаша не выпита гнева,
Не притупился булат:
Правда — моя королева,
Я — её старый солдат.
Возле Иудина древа
Чёрные птицы галдят...
Правда — моя королева,
Я — её старый солдат.

1967

ЗНОЙ

Я шагаю по шпалам с корзинкой грибной.
Угораздило выбраться в этакий зной!
— Стой! — кричит разомлевший
на солнце стрелок. —
Осуждённые женщины грузят песок.
Проучили соперниц, растратили грош,
А закон — он как зной — никуда не уйдёшь.
Но проходят дожди,
но проходят срока,
Ещё купите детям совки для песка.
Ещё сядете, бабоньки, в тот самолёт,
Где захочешь воды, стюардесса несёт.
Ещё сядете в поезд, который сейчас
Хищный привкус разлуки оставил у вас.

1967

ПОЧТАЛЬОН АБРАМ АРОНЫЧ

Почтальон Абрам Ароныч
Потерял жену и дочь.
Почтальон Абрам Ароныч
Получить письмо не прочь.
Он такой же враг народа
Был, как мы с тобой враги.
— Что ж, в семье не без урода, —
Отзывался о других.
Он кричит (какая пытка —
В каждом слове – буква эр):
— Вам, красавица, открытка.
— Вам «Мурзилка», кавалер!
И уже гораздо тише
Говорит, придя домой:
— Вам, Абрам Ароныч, пишут.
Потерпите, милый мой.

1967

ВАЛЬДШНЕП

Когда за вскинутою шапкой
Несётся вальдшнеп, охмелев,
Бей с прочных ног,
 не с кочки шаткой —
Подранок жалок и нелеп!
Ведь ты на тяге не впервые,
И сам любил,
 и потому
В его божественном порыве
Не дашь раскаяться ему.

1967

* * *

Стихи не пишутся — и чёрт с ним!
Они — не проза как-никак.
Давай закусим славой чёрствой,
А лучше — ляжем натошак.
Бог с нею, с вымученной песней,
Уж лучше спать спокойным сном.
Ещё милей и интересней
Глядеть на осень за окном.
Покуда я тетрадь мараю,
Совсем осыпалась ветла
И тучка, розовая с краю,
Уже не полностью бела.

1967

* * *

Вернись, умение письма создавать!
Замолкли их чарующие звуки.
И том последний будет тосковать
По этой удивительной науке.
Но дело не в бессмертии —
зачем
Так безмятежно, так напропалую
И подлинным товарищам, и всем
Писали: обнимаю и целую?

1967

* * *

О, маленький, как мышь,
Как перочинный ножик,
Кого ты удивишь
На этом свете, ёжик?
И всё-таки нельзя
Не чуют превосходства
Над чёрной силой зла
Смешного донкихотства.
И всё же нелегко
Тому, чьё имя волки,
Пролезть через ушко
Твоей стальной иголки.

1967

* * *

Будь война — ушёл бы на войну,
Весь в крови, упал на поле боя —
Только бы не чувствовать вину,
Милая моя, перед тобою.
Старый ворон грудь мне простучит,
Навсегда избавит от печали.
Отойдите, белые врачи!
Я доволен чёрными врачами.

1967

НЕКРОЛОГ

Лежу со своей летаргией
И чую: сойдясь в уголок,
Петров, Иванов и другие
Строчат на меня некролог:
«Безвременно, в самом расцвете,
На тридцать четвёртом году
Не стало (несчастные дети!)
Виднейшего в нашем ряду...»
Постойте, я гнусный обманщик!
Я вам ещё буду не люб —
Такие прекрасные марши
Извлечь из простуженных труб,
Такое количество прыти
Потратить, виляя хвостом,
И, как при разбитом корыте,
Остаться при гробе пустом!

1967

* * *

Не перечислить потрясений,
Невзгод, случившихся со мной,
Но лишь вхожу я в лес осенний —
И все печали за спиной.
Какой-то гордости особой
Полно любое деревцо,
И у озёр в лесных трущобах
Не перекошено лицо.

1968

ЦЫГАНКА

Цыганка на Перми-второй
Легко руки моей касалась
И милой старшею сестрой,
А не гадалкой мне казалась.
Она бессовестно врала,
Но так в глаза мои глядела
И так ладонь мою брала,
Что счастьем не было предела.

1968

* * *

Соловушка вырезал гланды
В седом лазарете зимы
И ну — заливаться,
и ландыш
Расцвёл на глазах полутьмы.
Набрать бы душистых жемчужин,
Да милая больно строга,
А если я милой не нужен,
Нужны ли мои жемчуга?
Пока она ласковой станет,
Пока мою робость простит,
И ландыш в овраге завянет,
И рак на горе засвистит.

1968

* * *

Журавли собирают пожитки.
Небо в трещинах, как потолок.
Три-четыре хороших снежинки —
И пиши по теплу некролог.
Я и сам, как природа, невесел,
Проморгал своё счастье, гляжу,
И как будто просроченный вексель,
Жёлтый лист облетевший держу.
Вы не знаете, что это значит,
Когда воет, как баба, пила
И на маленькой брошенной даче
Мыши нюхают ножки стола.

1968

* * *

Подруга пошла на коварство,
В стихах потускнели слова.
От всех невезений лекарство
Колоть на морозе дрова.
Как следует тянуть по чурке,
Со всей своей силушкой злой,
И вольно вздохнуть, и почуять,
Как сладостно пахнет смолой.
Пусть крики вороны двоятся
В стеклянных просторах пустых.
Чего мне на свете бояться,
О чём безутешно грустить?
Берёста. Сухие поленья.
Златого огня колдовство...
Твои молодые колени
Любили глядеть на него.

1968

Когда убили Прометея
Огнеупорным кирпичом,
То эта скверная затея
Не отразилась ни на чём:
Любовь к огню сильнее страха!
Я бью кресалом по кремню
И даже агентов Госстраха
Не тороплюсь позвать к огню.
Я эту рыжую зверюгу
Довольно милой нахожу
И как единственному другу
Ей всей душой принадлежу.

1968

НЕ ВЕЧНЫЙ СОН

Девочка на кладбище уснула.
Ягодку до этого нашла.
Бабочку-капустницу вспугнула
И, зевнув, на лавочку легла.
Где-то прогремела электричка,
Ворон отозвался на сосне.
Словно поминальное яичко,
Солнышко алело в вышине.

1968

* * *

Вижу: Адам и Ева
Вечность тому назад
Яблоко от мишени,
Сидя в траве, едят.

1968

* * *

Одинокий умерший чудаки
Все фонтаны, все деревья рая
Экстренно меняет на чердак
Или даже уголок сарая.

1968

* * *

Вот и снова жить на свете стоит!
Вот и тьма душить перестаёт.
Солнышко, как детство золотое,
С корточек на цыпочки встаёт.

1968

* * *

Я верил в розовые сказки
И не считал природу злой,
Покуда сам в шахтёрской каске
Не очутился под землёй.
Как чёрный ворон, кружит уголь,
И мне понятно, отчего
Хозяйка ищет пятый угол,
Заждавшись мужа своего.
И поперёк не скажет слова,
И уж светла, как поглядим,
Когда он с фронта трудового
Приходит цел и невредим.

1969

* * *

Родная! Опять високосная стужа
Хватает за горло средь белого дня.
Пойди за меня, назови меня мужем,
Вдвоём веселее.

Пойди за меня!

Я буду вставать далеко до восхода
И ну — за работу, судьбу не кляня.
Я буду кормить тебя ивовым мёдом
И хлебом пшеничным.

Пойди за меня!

Не варит мне матушка зелья — забыться,
Не дарит мне батюшка резва коня —
Лететь и лететь во весь дух — и разбиться
О камень горячий.

Пойди за меня!

1969

ГРОЗА

Закрываются венчики примул,
Пляшет сор, сомневаться нельзя:
И пернатых в расчеты не примем,
Всё равно неизбежна гроза.
Хорошо, что под крышу успели —
За короткою «пробой пера»
Начинается гибель Помпеи,
Титанической силы игра.
С погремушки, с бильярдного шара,
Становясь смертоносным ядром,
Половину небес разрушает
И к другой — обращается гром.

1969

* * *

Милая! Помнишь ли?
Любишь ли?
Экий я был размазня!
Как на груди твоей клювики
Не заклевали меня?!
Как я искал тебя, милая,
Как я вздыхал тяжело.
Всё-таки всё это минуло,
Буйным быльём поросло.
Там, у любимой, — поклонники,
Может быть, даже — семья,
И на моём подоконнике —
Горький букетик былья...

1969

* * *

Чего от меня она хочет?
Живу — ни двора ни кола.
И всё же ко мне этой ночью
Избитая тема пришла.
Разжала припухшие губы
(О, логика бедной рабы!) —
Раз бьют, говорит, значит, любят,
Ты бей меня — только люби.
Друзья не жалеют отравы:
— Да с нею ещё Апулей...
Но мне и надежды, и славы
Дороже она и милей.

1969

* * *

Опущу усталую главу:
Поздно для хорошего поэта
Я узрел подземную траву
И потоки косвенного света.
То, что рядом, надоело брать,
Что подальше, всё никак не трону,
Только глажу новую тетрадь —
Белую голодную ворону.

1969

* * *

Здорово придумано как будто бы:
Автоматы, щёлки для монет.
Всё же мне приятней от кондуктора
Получить в автобусе билет.
И хотя не стану привередничать,
Сам возьму биточки и кисель, —
Жалко, что растаяли переднички,
Так меня слепившие досель.
Будто самолеты без водителей
Плавно развернулись на лету,
Будто я в детдоме, без родителей, —
Одинокий, маленький, — расту ...

1969

* * *

Мы топим рощами Куинджи
И не смущаемся почти,
Когда пустынные кулижки
Встречает око на пути.
Мы на саврасовских берёзах
Готовим вымя в сухарях,
И слово мудрое «берёжа»
Исчезло в наших словарях.
Не нам ли поздно или рано,
Держа ответ, несдобровать
И, словно белоэмигрантам,
По белым рощам тосковать.

1969

ТЕНЬ

Мне душа нелёгкая дана,
Я ни с кем не пробовал ужиться.
Только тень осталась мне верна:
Ест и пьёт со мною и ложится.
О, как я бываю одинок,
Как по тени собственной тоскую,
Коротая серенький денёк
Или ночь беззвёздную глухую.
Тень моя в одежде голубой,
Кто тебе слова нежнее скажет?
Кто пойдёт, как мальчик, за тобой?
Кто с тобой в одну могилу ляжет?

1969

* * *

Я смерть приму, надеюсь, гордо,
Как настоящий человек.
Но будет горько, ой как горько
Проститься с Пушкиным навек.
Мой бравый ус душист и пышен,
Мой взор красоток поражал, —
О, если б ростом я не вышел
И за бумагу задолжал!
Когда бы Болдинская осень —
Девятый вал её огня,
Её оранжевая осыпь —
Обезобразила меня.

1969

* * *

В гостинице, в номере-люкс,
Сижу, завываю, как люпус*,
И на передвижников злюсь:
Зачем увеличивать скуку?
Как славно написана рожь,
Как вольно она колосится!
Как жаль, что сюда не войдёшь
В обнимку с молоденькой жницей.
Ты только что встал на постой,
Прилёг на казённой постели.
Приходит Саврасов седой,
Грачи, говорит, прилетели.

1970

* Волк (лат.)

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Не привыкай, не приручайся
Ко мне, любимая моя.
Не очень радуясь, встречайся:
Я злой обманщик — вот кто я.
Быть может, утоленья жажды
Хотел я — больше ничего.
И навсегда, совсем однажды
Уйду из дома твоего.
И ты, как раненая чайка,
Забьёшься, горя не тая.
Не привыкай, не приручайся
Ко мне, любимая моя.

1970

ХОДУЛИ

Пацаны меня надули:
Заманив на ихний двор,
Дали длинные ходули
За отцовский фотокор.
Я всех выше, я всех выше!
Настоящий Гулливер!
Я могу плевать на крыши,
Вот на эту, например.
Я шагаю словно в сказке,
И безногий инвалид,
Проезжая на коляске,
— Ай да парень! — говорит.
И охота провалиться
Мне сквозь землю перед ним,
И тошнѣхонько хвалиться
«Преимуществом» своим...

1970

* * *

Отец мой стал полярною землёй,
Одной из многих,
 золотой крупинкой.
А я хотел бы, в мир уйдя иной,
Вернуться к вам
 зелёною осинкой.
Пусть в гости к ней походят грибники,
И целый день звенит в листве пичуга.
А эти вот
 надёжные суки —
Для тех, кто предал правду
 или друга.

1970

* * *

Я верю, что мир будет вечен! —
Побейся со мной об заклад —
Пускай и идёт каждый вечер
На мокрое дело закат.
Оплакивай жёлтые листья,
Присядь,
 побледнев,
 на скамью,
Тебе же захочется злиться
На детскую робость свою.
Хотя и такое мы знали,
Как днём затмевается
 свет,
И так получилось,
 что с нами
Ни туров, ни мамонтов
 нет...

1970

* * *

Проснулся я от солнечных лучей.
Цвела трава.

В разгаре было лето.
Как хорошо, что этот мир — ничей:
Ходи, дыши,

и нет тебе запрета.
Как хорошо, что кто-то нам сберёг
Земной простор —
леса, озёра, тучи!

Любимая не пустит на порог —
Неплохо и на камушке горячем.
Спешу к земле,

как к матери родной,
От всех своих досад и треволнений
И возле первой нивушки ржаной
Надолго опускаюсь на колени.

1970

* * *

Как жили женщины в бараке
У нас в посёлке горняков,
Как смело вмешивались в драки
Парней и взрослых мужиков,

Как тонко чистили картофель,
С трудом добыв у куркулей,
Как ворожили на крестовых
И на червовых королей,

Как грудь над люлькой обнажали
И тихо пели: ай, ду-ду...
Как утром шпильки ртом держали —
Всё это было на виду.

Да и фанера переборок
И коврик с парой лебедей
От их ночных скороговорок
Не обособили людей.

И нас, мальчишек, волны грусти
Неизъяснимой брали в плен.
И свет таинственных предчувствий
Всё шёл и шёл от смежных стен...

Мы убегали под берёзы —
Живой и мёртвою водой
Нам представлялись их угрозы,
Их женский шёпот молодой.

1970

ПИСАРЬ

Фиолетовым школьным пером
Он строчит и строчит похоронки
(И не вырубить их топором,
И у вдов не глаза, а воронки).
Тяжело сообщать о беде,
Словно сам ты повинен в несчастье,
Лучше вымокнуть в полрой воде
Или пальцы оставить в санчасти.
Поскорей бы покончить с войной
И вернуться в родимые дали
В скромном звании «крысы штабной»
При контузии и при медали.

1970

* * *

Я жил далеко на Урале,
В почти недоступной дали.
То льдины у ног проплывали,
То сено на лодках везли.
То словно разрытая яма,
То будто поверхность стекла —
То злая, то добрая Кама
Как совесть людская была...
Я плыл в сентябре на пароме
Открытом, без тёплых кабин,
И все человечьи пороки
Казались мне пеной глубин.

1970

На берегу дороги дальней,
Седой бродяга,
 блудный сын,
За голос
 матушки печальной
Я принимаю
 шум осин.
Я в чёрный день не без призора:
И в чистом поле небеса,
И во сыром бору озёра —
Её усталые глаза.
Я глажу реденькие злаки,
Внимаю шороху ветвей.
И хорошо мне, бедолаге,
С бессмертной матушкой моей.

222

* * *

Жду осени. Осеннею порой
Я, словно положительный герой,
Не злюсь на мир,
 не пробую вина,
Работаю с темна и до темна.
Порой болит душа от тяжких дум,
Но шум дождя и крон осенних шум
Смягчают боль.
 Порой смягчают страх
Сухие листья:
 всё на свете прах!
Но тут же на ближайшей из полян
Ты замечаешь переплёт семян,
И снова жизнь прекрасна,
 и «ковёр
Опавших листьев вновь
 ласкает взор», —
Так говорят фенологи в статьях...
Жду осени в отеческих краях.

1970

* * *

В поле вечернем стою
И не могу разобраться:
Что же прекраснее — рожь
Или движения жниц?..

1970

* * *

Прозрачен купол небосвода.
Леса окрестные цветут.
Откуда жалоба удода:
— Тут худо, худо, худо тут!
Быть может, семечком несладким
Он опалил своё нутро,
Или мальчишка из рогатки
Переломил ему крыло.
Но справедливая природа
В саму себя не влюблена,
И, словно вещего юрода,
Удода слушает она.

1970

* * *

Скоро снега седенькие лягут,
Волки пьют вино из волчьих ягод,
И стоят осинки на ветру,
Красные,
 как гибель на миру.

1970

* * *

Один, как перст, как дикий куст,
Такой ли я великий грешник,
Что мой почтовый ящик пуст,
Как поздней осенью скворечник?
Таблетки, капли, порошки —
Не перечсть лекарств от смерти,
А вот от бешеной тоски —
Лишь милый почерк на конверте.

1970

* * *

Как отпечатки пальцев,
выдают
Меня глаза.

И хоть зимы уют
Ещё оцепенение сулит,
Душа уже по-вешнему болит.
И тяжело за письменным столом,
И хочется к подруге напролом,
Трубя, как лось,
токуя, как глухарь,
Презрев заледеневший календарь.
И тяжело стоять перед окном
И выводить слова любви на нём,
Чтоб только вьюга дальнего села
Их шиворот-навыворот прочла.

1970

* * *

Чего ты только там не сочинила
В открытке — умоляя и грозя:
Ремонт, ветрянка...

Как всё это мило!

Я не дурак, я знаю — к вам нельзя.
Здесь, на земле, любовь зовётся
«шашни».

Зато уж там, на истинном суде,
Забыв об осторожности вчерашней
При всех богах прижму тебя к себе.

1970

К ДЕМОНУ

Грузчик с глазами лемура,
Демон печальный, скажи,
Так ли грядущее хмуро,
Так ли испорчена жизнь?
Разве мы зря её любим,
Разве бессильный упрёк
Только и вкладывал Врубель
В каждый гранёный мазок?
Разве частицы субстанций,
Ставшие шаром земным,
Кровью народных повстанцев
Не навсегда скреплены?
Разве другие планеты
В гулкой космической мгле
Не позавидуют этой
Многострадальной земле?

1970

* * *

В поэзии нет каскадеров,
Дублёров отчаянных нет.
Никто на опасную пору
Тебя не заменит, поэт.
И коль вдохновенье покинет,
То мысли кручёный аркан
Никто за тебя не накинёт
На выи летящим векам.

1970

* * *

Чтоб обращаться к миру,
Паче того — к богам,
Нужно хотя бы лиру,
Ежели не орган.
Ты же от всех в сторонке,
Радуюсь и грустя,
Песенки на гребёнке
Складывал, как дитя.

1970

МЫСЛИТЕЛЬ

Прийти к «Мыслителю»
Родена,
Спросить, о чём его тоска,
И он ответит откровенно,
Что сам не ведает пока.
Конечно, мысль — большое дело,
Но если ты давно в пути,
То нет счастливее удела,
Чем до незнания дойти.
Забыть, что снег зовется снегом,
Забыть, что есть антимирь,
И вновь заняться нашим веком,
А то мы вышли из игры.
Вот электронный вычислитель.
Не фокус плазму покорить.
И, позабыв, что ты Мыслитель,
О том о сём поговорить.

1970

* * *

Тускло светится лунная медь.
Люди смежили тёмные веки.
Люди спят, репетируя смерть,
Пусть премьера не в нынешнем веке.
Лишь какой-то поэт до сих пор
Не уснул, не храпит, не зевает.
Это самый бездарный актёр,
Он всегда постановки срывает.
И хотя уже близок рассвет,
Режиссёрских удач не заметно.
Знать, пока существует поэт,
Человечество будет бессмертно.

1970

* * *

Алхимик напустит тумана
Доверчивым людям в глаза,
И вот уже слиток обманный
Ни в чём заподозрить нельзя.
Старатель и роет, и моет,
Нуждой и надеждой гоним,
И волк енисейский не воет,
А блеет в сравнении с ним.
Поэзия! Странная штука:
Кому-то шутя, с кондачка,
Кому-то с немыслимой мукой
Даётся любая строка.
И всё же фальшивое — гаснет,
А то, что на совесть — горит.
И всё же со временем ясно,
Поэт ли с тобой говорит.

1970

* * *

Потепленье, нетерпенье,
Чувств прорвавшихся стремнины.
Даже ворон чистит перья,
Собираясь на смотрины.
Даже самый наиробкий
Школьник, вымазавшись мелом,
Вместо эллипсов и ромбов
Выдаёт сердца и стрелы.
Даже там, в больничном зданье,
За решёткой и за шторкой,
Бонапарт целует няне
Руки, пахнувшие хлоркой.

1970

* * *

Ночная, зловещая зимняя сказка.
Луна точно чья-то посмертная маска.
Чугунные ветви деревьев черны.
Зачем мы всё больше чужеем друг другу?
Зачем в одиночестве слушаем вьюгу?
Зачем отвернулись от вечной весны?

1970

СТИХИ О ВОДЕ

Мы пустые стихи называем водой.
А вода — эликсир от тоски и позора.
Просочись вожделение в разум худой,
Стукни в двери возмездье рукой командора...
И без хлеба нельзя, и без славы нельзя,
Но когда ты прошёл весь свой путь до предела,
То нужны только два пятака на глаза
И немного воды, чтоб обмыть твоё тело.

1970

* * *

Ненавижу житейскую прозу!
Утро вечера не мудреней.
Соловей подчинил себе розу
И трещит о победе своей.
Фонари на глазах подурнели —
Слишком ярко пылает восток.
Человеческий след на панели
Беззащитен, как ржавый листок.
Помоги мне забыться, работа!
Завладей не душой, так спиной...
— Доедай, говорят! — на ребёнка
Злая нянька кричит за стеной.

1970

Вы?! Здравствуйте! Не надо плакать.
Здесь холодно, пойдёте в дом.
Три года никакого знака,
Хоть в омут, хоть об стенку лбом!
А я всё думал: встречу, встречу,
Хотя и помнил хорошо,
Что похвалиться будет нечем —
Не взял ни телом, ни душой.
Самокопание? Модный комплекс?
Судите так. Мне всё равно.
А что ещё поделать, коли
Самодовольства не дано?
Хотите тминной?.. Как угодно!
Давай подремлем — скоро семь.
Не говори мне хоть сегодня,
Что ты опять не насовсем.

1970

* * *

О, зеркало — учёный попугай,
Не раздражай меня, не подражай!
Будь раскрасавец я или урод,
Ты отражаешь всё наоборот.
Ужо тебе! Однажды доведёшь —
И пёрышек своих не соберёшь.

1970

СТЮАРДЕССА

Зачем мы вспомнили так поздно,
Что наша жизнь не навсегда?
Зачем короче високосных
Невисокосные года?
Прощайте ж, знаки препинанья,
И на листе, и на пути!
(Какие странные создания
Улитки, Господи прости!).
Рокошет птица из железа,
Мелькают горы и леса,
И закрывает стюардесса
Усталым путникам глаза...

1970

Здравствуй, русская зима!
Ели — словно терема,
Снегири — как фонари —
Выдь на волю и замри.
Над избушками — дымки,
На лошадках — погремки.
Разве можно передать
Белой сказки благодать!

1970

* * *

В селе над Камой есть избёнка,
И в ней уже который год
Ещё завидная бабёнка
С убитым мужем пиво пьёт.
На кофте складочки расправит,
К его портрету подойдёт,
Сердечно с праздником поздравит,
Ему нальёт, себе нальёт.
К ней подбивали парни клинья,
Сам председатель сватов слал,
Да нешто требуют с калины
Не горечь горькую, а сласть?..

1970

* * *

Заря догорала, заря догорала,
И «тулка» удобную цель выбирала,
Но в шумном восторге от красок огня
Глухарь обречённый не чуял меня.

1970

* * *

В эту ночь не чужие баштаны
Я стерёг от голодных воров,
А летел сквозь ночные туманы
На сигналы далёких миров.

Как бы нам избежать поражения,
Не скулить в реактивной пыли,
Если завтра начнёт торможенье
Вечный двигатель нашей Земли?

Как бы нам из неясных субстанций,
Из частиц недоступных глубин
Понаделать на случай плантаций
Для любимых берёз и рябин.

1970

* * *

Д. Ризову

Какой-то дядька нетверёзый
В тени кладбищенских ворот
Напарафиненные розы
По воскресеньям продаёт.
Да, на лугах высокогорных
Они душисты, как щербет.
Зато у этих, у топорных
Базарных роз — колючек нет.
А стоит ли ушедших ранить
Посредством розовых шипов?
Ведь ты и сам случайный странник,
Факир на несколько часов.

1970

* * *

Ночь печальна, ночь темна.
Жаль, что в доме нет вина.
Жаль, что нету рядом
Друга с добрым взглядом.

1970

* * *

В простонародном страхе
Я на банкете ем
Бульон из черепахи,
Салат из хризантем...
О, русская черняшка
С владимирских полей, —
Хоть весело, хоть тяжко —
Ты мне всего милей!

1971

* * *

Только вы пред глазами предстали,
Непреклонной подобны судьбе,
Сердце сделало сальто-мортале.
«Будь что будет!» — сказал я себе.
Надоело лежать одиноко
Под собачий и собственный вой
И глядеть на проекции окон
На полу и стене меловой.
За усмешку, за гневные нотки
И за утренний ваш поцелуй
Поклониться бы в белые ножки,
А ведь я далеко не холуй.

1971

* * *

О, как за дворцовую роскошь
Цепляется пышная роза!
Отец её — сельский шиповник,
Но вряд ли она его помнит.

1971

ЖЕНЩИНА У СВЕТЛОВА

Л.К.

Не опрометчивому слову,
А сокровенному верна,
Явилась женщина к Светлову
На Новодевичье. Одна.
Друзьям звонить — пустое дело:
Один спешит в концертный зал,
Другого — рукопись заела,
А третий вовсе «завязал».
Тогда она сказала: — Ну их!
В карманах мелочь наскребла
И своему поэту в муфте
Бутылку водки принесла.
И вот сидит одна за «белой».
Он рассказал про Страшный суд.
Она ему «Гренаду» спела,
Как колыбельную поют.
Но, раздвигая обелиски,
Пришёл и рявкнул старшина:
— Здесь нету временной прописки!
Здесь постоянная нужна!
Она ушла, поникли плечи.
Но от Спортивной до Филей
Никто за этот зимний вечер
Не встретил женщины милей.

1971

ВЕРБЛЮД

О чём ты думаешь, верблюд,
Когда размеренно ступаешь,
Когда тебя за что-то бьют,
Когда свой тощий горб съедаешь?
В твоих глазах — моя тоска:
Я жду оазиса удачи,
И каждая моя строка —
Верблюжий след в степи горячей.
А этот массовый тираж
И эти званные обеды —
Не что иное, как мираж,
Как иллюзорные победы.

1972

РЯБИНОВЫЙ САД

Лежу на больничной постели,
Мне снится рябиновый сад.
Листочки уже облетели,
А красные гроздья — висят.
И мать говорит мне:
«Мой мальчик,
Ты помни, когда я уйду,
Что жизнь наша горче и ярче,
Чем ягоды в этом саду».

1973

* * *

В окна пахнуло душистой смолой.
Выглянул — вот тебе на! —
Женщина пилит двуручной пилой
Толстые брёвна одна.
Где же её муженёк удалой
Бродит с утра дотемна?
Женщина пилит двуручной пилой
Толстые брёвна одна.
Может, в гостях у соперницы злой
Хлещет вино, сатана?
Женщина пилит двуручной пилой
Толстые брёвна одна.
Может, сразила калёной стрелой
Этого парня война?
Женщина пилит двуручной пилой
Толстые брёвна одна.

1973

* * *

Уставшая от стирки,
Ты всё же собралась.
И вот сидим мы в цирке,
Смущаясь и дивясь.
Вот юноша распятый,
На ренском колесе.
Вот хищник полосатый
Во всей своей красе.
Вот девочка взлетает
И делает виток.
Вот клоун уплетает
Подаренный цветок...
Под рокот барабанов —
Орлиных круч кунак —
Гаджи-Курбан Курбанов
Ступает на канат.
Мы все — канатоходцы
Над безднами судьбы
И знаем, как даётся
Сеанс такой ходьбы.
Нам злые неудачи
Прохода не дают.
С Канатчиковой дачи
Привет передают.

Но лучше всякой лонжи
Меня всю жизнь берёт
Твой добрый взгляд,
похожий
На горный огонёк.

1973

* * *

Не искал, где живётся получше,
Не молился чужим парусам:
За морями телушка — полушка,
Да невесело русским глазам!

Может быть, и в живых я остался,
И беда не накрыла волной
Оттого, что упрямо хватался
За соломинку с крыши родной.

1973

* * *

Зеница ока, Родина моя,
Что без тебя на белом свете я?
Без белых рощ,
 без пушкинской строки
Я не жилец,
 я сгину от тоски.

1973

Любители лягушечьего пенья,
Я понимаю ваше нетерпенье:
Уж спать пора,
а их всё нет
и нет...

Сейчас у них глаза
нальются кровью,
Растянутся резиновые рты,
И все ночные звуки
перекроет

Мелодия
редчайшей красоты.
И всем лицом —
безжизненно-спокойным —
Насторожится бледная луна,
И, словно
перезвоном
колокольным,

Душа людская будет смущена...
Пускай на них царицы плюют,
Пускай их глупый селезень проглотит,
О Боже, как на клюквенном болоте
Лягушки беззащитные поют!

262

* * *

Опять зима, опять мороз,
Крахмальный скрип сухого снега.
Куржак на веточках берёз.
Дымок над кровом человека.
И солнце — яркое до слёз.

1973

* * *

Я в цирке не был много лет
И вот достал себе билет.
Боялся я своих седин,
Стеснялся я ходить один.
А ну-ка, клоун, красный нос,
Давай смеши меня до слёз.
А ну-ка, зверь, нырни в огонь,
А ну-ка, зверь, лизни ладонь.
Ах как опасен номер твой,
Девчонка, книзу головой.
Ах как опасна боль моя,
Но будем жить и ты, и я!
Уже фанфары не слышны,
Уже зажгли фонарь луны.
И только сторож ходит хром
И бережёт искусства храм.

1973

ГРУСТНЫЙ БЁРНС

Р.Белову

Был когда-то я парень не промах, друзья,
И какая беда ни приди —
И себя, и других успокаивал я:
Наихудшее — всё впереди.

Покосился мой дом, развалилась семья,
Сердце мышью скребётся в груди,
Но ещё не развенчана правда моя:
Наихудшее — всё впереди.

Дождь устало танцует на кучах гнилья,
Ни луча, хоть глаза прогляди.
Ничего, ничего, дорогая земля,
Наихудшее — всё впереди...

1973

* * *

Эти тихие речки под тонкой слюдою,
Это пламя осин при клубящейся мгле,
Этот стог на лугу, как с нехитрой едою
Чугунок на шершавом крестьянском столе...
Далеко, далеко, далеко моё детство,
Сколько зим, сколько лет у меня на счету! —
А на русский простор не могу наглядеться,
Всё гляжу и гляжу на его красоту.
В путь-дорогу пора перелётному клину.
Полегли камыши на глухих рукавах.
Не печалься, мой край, я тебя не покину,
Я в России живу не на птичьих правах.

1974

* * *

От кирпичного завода
На кожевенный завод
Заунывная подвода
По лесам меня везёт.
Вот и первые снежинки
Начинают угрожать:
Не сумели паутинки
Дней погожих удержать.
То исклёванный шиповник,
То нахохленный стожок.
И вздыхаешь, как виновник,
Будто мог, да не помог.
Будто эта холодина,
Эта дрожь листвы рябой,
Эта грустная картина
Нарисована тобой.

1974

* * *

Я «любит – не любит» решил
погадать,
Да жалко ромашку: зачем ей
страдать?
А если ты можешь цветок
погубить,
За что же тебя, дуралея,
любить?

1974

БЕРЁЗЫ

Как стойко держались берёзы
В суровые дни, в январе,
А нынче весенние слёзы
Бегут и бегут по коре.
Так женщины наши в груди
Тревоги и горести прячут,
А если и плачут,
 то плачут,
Когда уже всё позади.

1974

* * *

Всё это утро я курил
И сам с собою говорил
Примерно так:

— Ну что ты скис,
Как проигравшийся маркиз?
Ведь ты не зря на свете жил,
Ты честно Родине служил
И непослушною киркой,
И безыскусною строкой...
Катит последняя зима,
А ты читай себе Дюма —
Ещё успеешь до конца
Прочесть и сына, и отца!

1974

ИВОЛГА

Хворое солнышко еле встаёт,
Пасмурно в роще, но кто-то поёт.
Иволга!
Иволги... Это они
Свищут в такие ненастные дни.
Кожей гусиной покрылась река,
Дробью свинцовой стучат облака,
Ветер играет пеньковым гнездом —
Маленькой иволге всё нипочём!
— Фиу! — И дождь присмирел,
перестал.
— Лиу! — И плёс хрусталём
заблистал,
— Фитиу-лиу! — И в мире светло, —
Иволга знает своё ремесло!

1974

* * *

Принимай работягу, работа!
Обогрей,
 накорми,
 умудри,
Не потребуй кровавого пота,
А седьмой и десятый —
 бери!
Ни малейшего блага по блату
Не имел я — не то ремесло,
Двадцать лет
 то кайло,
 то лопату,
То лопату держу,
 то кайло.
Поместите меня в лепрозорий,
В бочку тёмную —
 я и тогда
Буду помнить рабочие зори,
Не забуду мелодий труда!

1974

ТОВАРИЩ КАЛИЙЩИК

Романтикам снится
 улыбка Ассоль
И парус, летящий вдали.
А мы добываем
 калийную соль
В суровых глубинах земли.
Ни звёздный металл
 для космических трасс,
Ни восходы весенних полей
Не могут, не могут,
 не могут без нас,
Без наших волшебных солей.
Романтика наша проста
 и груба,
Но делом своим мы горды,
Поскольку любимой
 Отчизны судьба
Зависит от нашей руды.
И там, на Урале,
 у Камы-реки,
Где глухо шумели леса,
Горят на высоких копрах
 огоньки,
И люди творят чудеса.

— Товарищ калийщик,
 присядь, отдохни,
Хотя бы водицы глоток
Из старенькой фляги
 своей отхлебни.

А он мне:

— Не время, браток!
Ни звёздный металл
 для космических трасс,
Ни всходы весенних полей
Не могут, не могут,
 не могут без нас,
Без наших калийных солей.

1974

* * *

Опять на землю выпал первый снег,
И славно стало бодрствовать ночами.
Мне кажется — я новый человек,
С широкими и сильными плечами.
И даже сердце вроде не болит.
И всё теперь должно пойти иначе.
И первый снег

подснежники

сулит,

А белый лист — далёкие удачи.

1974

* * *

Не раз, когда сердце больное
Уж чуть ли не ворон клевал,
Как лёгкое слово родное,
Ко мне огонёк попевал.
Не раз, терпеливый и мудрый,
Он мне помогал на веку
До лунного зимнего утра
Дожить, несмотря на тоску.
И мне не однажды хотелось
Из чёрной осенней реки
Достать
 и согреть своим телом
Дрожащие в ней огоньки.

1974

* * *

Подгулявших ветров голоса
Превозносят предзимье.
Сиротливо глядят небеса
На земное унынье.
Ни цветов, ни порхающих птах,
Ни коровьего стада.
Мёртвый жемчуг дрожит на ветвях
Облетевшего сада.

1974

* * *

Когда топорами стучат по берёзам,
Когда под копытами падает озимь,
Когда исчезают из Книги Природы
Весёлые птицы и ясные воды,
То мне самому, как природе, несладко:
Душа — как пустая бобровая хатка.

1974

* * *

Поздняя осень. Дожливо. Темно.
Только волшебный горшочек герани
Радует нас сквозь чужое окно,
Всё остальное — терзает и ранит.
Солнце всё дальше от знака Весов.
Вялые волны струятся всё тише.
Вниз головой, как летучие мыши,
Спят отражения чёрных лесов.

1974

* * *

Я был пацаном голопятым,
Но память навек сберегла,
Какая у нас в сорок пятом
Большая Победа была.
Какие стояли денёчки,
Когда без вина веселя,
Пластинкой о синем платочке
Вращалась родная земля.

1975

* * *

Была весна. И цвёл орешник.
И был он раннею весной,
Как нераскаявшийся грешник,
Пример для постников дурной.
Ни капли сил в голодных травах,
Земля по-зимнему тверда,
Но, как медведица, в канавах
Ворчала бурная вода.
И, как ребёнок, мир невзрачный
Ежеминутно хвастал мне
То красной бабочкой чердачной,
То серой ящеркой на пне.

1975

Опять за окошком подённая медь.
Да, милая, это — Шопен.
Да, лучше железные нервы иметь.
Да, всё, что нам дорого, — тлен.
Однажды вот так и меня понесут
На трёх полотенцах друзья,
Поскольку я тоже — скудельный сосуд,
Поскольку не вечен и я.
Но как пресмыкаться,
не лезть на рожон,
Бояться ли царства теней,
Коль скоро я так
хорошо обожжён
Неверной любовью твоей?

284

* * *

Пальто и шапочку надень —
Пойдём встречать обманный день.
Обманем сильно сдавший сад,
Что он — как много лет назад.
Обманем рыхлый вешний лёд,
Что он напрасно слёзы льёт.
И всех знакомых созовём,
Как будто весело живём.
А спор застольный закипит —
Попросим: тише, мама спит.
Не в темноте земли сырой,
А в нашей комнате второй.

1975

* * *

Как это раньше не мог я
Вырваться,
 мчать напрямиком?
Мне от вокзала до морга
Весь этот город знаком.
Сколько столиц перевидел —
Память о нём сохранил:
Здесь я двух женщин обидел,
Здесь двух друзей схоронил.
Пусть окоёмом осенним
Мне перехватит кадык, —
Горькое семя посеял,
Горькие вижу плоды, —
Я не собой озабочен!
Господи, как мне милы
Добрые лица рабочих,
Давних свиданий углы,
Этот рябиновый скверик,
Где, не боясь детворы,
Скачет воробышек серый,
Как поплавок из коры...

1975

* * *

Динь-динь-динь! —
 зазвенит колокольчик.
— Здравствуй, Пущин!
 Откуда, родной?
Хорошо после тягостной ночи
Толковать,
 пропустив по одной.
Пресловутое старое время,
А друзей не бросали друзья,
Не считали за тяжкое бремя
В отдалённые мчаться края.
С нашим транспортом,
 с междугородной,
С избытком торных дорог —
Отчего одинок я сегодня?
Да и только ли я одинок?

1975

* * *

У мамы цветы на балконе —
Душистый табак и левкои;
Бубенчики, чашечки, звёзды:
Сынок обещается в гости.
Бессильная, еле вставала,
А всё свой цветник поливала,
Лелеяла каждый росточек:
Гляди, наслаждайся, сыночек!
И падает дождик весёлый
На флоксы её и виолы,
На белый табак и левкои,
А мама
на вечном покое...

1975

И опять в мой вешний город
В белом платье ночь пришла
И обиды все, и горечь
Как рукой с души сняла.

И легко-легко мне стало,
Как ребёнку, засыпать.
И откуда-то звучало:
Я приду к тебе опять.

1975

ПОЛКАН

Я никогда не забуду Полкана.
Я его в булочной встретил впервые.
Он не просил, лишь глядел на прилавок,
Словно дитя на цветы, на игрушки.

— Как поживаешь? —

спросил я однажды.

Он мне ответил:

— Живу помаленьку.

Не утопила в ведре поломойка,
И живодёр не отправил на мыло.
Я не кончал специальную школу,
Не обучался хорошим манерам,
Но никогда не терзал я зайчишек,
Не разрывал пополам перепёлок.

— Ну, до свиданья! —

сказал я Полкану.

— Вот тебе вкусный сухарик, приятель.

Он проглотил его в ту же минуту:

— Вкусный сухарик. Большое спасибо!

1975

Только детские книжки читать...

О. Мандельштам

А почему бы не махнуть
Рукой на взрослые талмуды?
А почему бы не взглянуть
На мир обычный, как на чудо?
Озябших бабочек жалеть,
На первый снег ступить бояться,
Землёй и небом заболеть
И никогда не поправляться.

1975

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОЭТЫ

Провинциальные поэты,
Не вознесённые волной,
Чьи золотые эпoletы —
Ладони матушки больной,
Кому не музыка рояля
Вошла под ногти, а земля,
О нет, вы так и не узнали,
Как жалит зависти змея!
И мне бы, други, если локтем
К кому прижмётся красота,
Не мазать ей ворота дёгтем,
Не трогать белого листа!

1975

ЧЕРЕПАХА

Одиночество. Однако
Эта каторга не в счёт,
Если рядом черепаха
Закадычная живёт.
Хорошо, что ты сверяешь
Только с вечностью мечты,
Хорошо, что не теряешь
Головы от суеты,
Что рука твоя от страха
Не заметить красоту
Тяжело, как черепаха,
Продвигалась по листу.

1975

* * *

Золотую девичью ресницу
Я нашёл между книжных страниц
И подумал, что мне это снится,
Что таких не бывает ресниц.
Я простой работяга и воин,
Я хлебнул на веку маеты,
Но такой красоты не достоин,
Не достоин такой красоты!
— Ах! —

 сказала ресница из книги, —
Приласкай, не гони меня прочь,
И рожу я тебе, горемыке,
Сына Митю и Флёнушку — дочь.
Я смеялся и ведать не ведал,
Что вот-вот,
 точно сказочный змей,
Никого не жалеющий ветер
Прилетит за подругой моей.

1975

* * *

Ляг, согрейся, разве дело
Быть белей стены?
Интересно, сколько съела
Вьюга белены?
— SOS! —

 пищит мышонок в норке,
Дом дрожит дрожмя.
Ничего, всё будет в норме,
Помяни меня.

1975

В век космических ракет,
Согласись со мной,
Ничего милее нет,
Чем цветок земной.
Ты зарёй заморожён,
Спорящей со мглой, —
Это примус разожжён
Матушкой-Землёй.
Но запьёшь ли вечный ком
В стиснутой груди
Убежавшим молоком
Млечного Пути?

1975

* * *

Человек нёс хлеб — и пел.
И судачили старухи:
Дескать, вот, не утерпел,
Нализался медовухи.
А прохожий трезвым был,
Не шатался, шёл как надо.
Просто он не позабыл,
Какова была блокада,
Как на мизерный паёк
Жил, обманывая голод.
Пусть ликует, пусть поёт!
У него отличный голос!
Да и как не петь, когда
Хлеба каждому хватает,
Даже птицам иногда
Кое-что перепадает.

1975

* * *

Голод. Очередь-резина.
За четыре дня вперёд
Продавщица тётя Зина
Наши карточки берёт.
Вот на хлебную буханку,
Как на кекс или бисквит,
Сняв почтительно ушанку,
Фэззушница глядит...
Дети атомного века,
Все ли вы защищены
От осколков и довесков
Нашей памятью войны?

1975

* * *

Вот пустой дом.
Кто-то жил в нём.
Вот глухой сад,
Словно вход в ад.
Там на дне гнёзд
Соль от слёз звёзд.
Вот кривой крест —
Сколь таких мест!

1975

* * *

И жгли меня, и потрошили,
Свой суд неправедный верша,
Но инквизиторской кувшинкой
Моя не сделалась душа.
И вот мы снова согрешили
Под тёмным сводом шалаша.

1975

* * *

До чего же мы счастливы были!
Пели розы, цвели соловьи,
Наши души с ума посходили,
Побросали вериги свои.
Как теперь я? Ответить не трудно.
Да боюсь ваши брови вспугнуть.
По сравнению с будущим — чудно.
По сравнению с прошлым — отнюдь.
Даром кровью душа обольётся.
Винный чёртик — и тот говорит:
— Ничего-ничего, обойдётся,
Ещё хуже бывает, старик.

1976

* * *

Читатель, милый, книгу эту
Я очень медленно писал, —
Так ствол выносит листья к свету,
Так образуется кристалл.
Увы, кристалл мой слаб и мутен,
Увы, листья мои горьки,
Увы, от истины, от сути
Мои догадки далеки.
Но я пытался жить для ближних,
И пусть вся жизнь моя — провал,
Я никогда на рынках книжных
Душой своей не торговал.

1976

ПЕХОТА

Израненное знамя,
охрипшая труба.
Седая пыль похода.
Солдатская судьба.
Погода-непогода,
снега или дожди,
Пехота есть пехота.
Иди, браток, иди.
Прожжённая шинелька,
худые сапоги.
Короткие привалы,
далёкие броски.
Пускай иссякли силы,
утри кровавый пот.
Россия есть Россия.
Вперёд, браток, вперёд!
...Я, словно птица, хохлюсь,
когда в листках анкет
Пишу о том, что холост,
о том, что деток нет.
Зато всегда с охотой
и с гордой головой
Пишу, что я — пехота,
пишу, что рядовой.

Хочу, чтоб не страдала
 живая жизнь от войн.
И надо — пешедралом
 пройду весь шар земной.
А если смертный холод
 почувствую в огне,
Утешусь тем, что холост, —
 кому тужить по мне?

1977

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Русская песня о доле людской...
Пушкин глаза закрывает рукой.
Плачет Кольцов на дороге степной.
Плачет Некрасов, смертельно больной.

Как же не плакать и как не тужить,
Если народу невесело жить,
Если гнездо твоё враг зорит,
Если лучина неясно горит?..

Русскую песню меня, пацана,
Петь по вагонам учила война.
Сколько я раз замерзал с ямщиком,
Славу иль смерть ожидал с Ермаком.

Русская песня, спасибо тебе,
Что помогала народу в борьбе,
Что вместе с горсточкой наших солдат
На смерть стояла — ни шагу назад!

Русская песня, скажу — не солгу:
Я у тебя в неоплатном долгу.
Вот ты опять за собою манишь,
Как колокольчик валдайский звенишь.

1977

* * *

В. Радкевичу

Мать поэта...

Печальнее нету на свете

Никого:

у других-то ведь дети как дети.

Но и сыну её

не избежать страданья,

Ибо он отвечает

за всё мирозданье.

1977

* * *

Когда отца в тридцать седьмом
Оклеветали и забрали,
Все наши книги под окном
Свалили, место подобрали.

И рыжий дворник подпитой,
При всех арестах понятой,
Сонеты Данте и Петрарки
Рвал на вонючие сигарки.

Осколок солнца догорал,
Из труб печных летела сажа.
И снова Пушкин умирал.
И Натали шептала: — Саша...

1977

КОРОСТЕЛЬ

Едва весёлой синью
Плеснёт в глаза апрель,
Спешит, спешит в Россию
Упрямый коростель.
Там, в Африке, хватало
И пищи, и тепла.
Но что за боль хватала!
Какая грусть брала!
Пусть крылья слабоваты,
Сейчас же подведут,
В родимые пенаты
И ноги приведут.
Всё меньше, меньше силы,
Но всё желанней цель.
Спешит, спешит в Россию
Усталый коростель.

1977

* * *

Пускай себе шумная слава
Меня не задела крылом,
И я своей строчкой корявой
Пытался бороться со злом.

Пускай опускаются руки
И голову трудно поднять,
Но в чёрном предательстве внуки
Не будут меня обвинять.

Пускай не могу веселиться
Без доброй бутылки вина,
Но Пушкин в глазах не двоится,
И Родина в сердце одна.

1977

* * *

И суровое детство, и неистовый труд
Не дают оглядеться, продохнуть не дают.
Эта горькая чаша тяжелым-тяжела.
Но зато она наша, не с чужого стола.

1977

СТИХИ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

1

Я из чёрного теста,
из пепла войны,
И стихи мои, как погорельцы,
грустны.
Лишь закрою глаза,
и опять я — малец,
В неокрепшее темечко
метит свинец.
И несёт почтальон
на потёртом ремне
Безотцовщину чёрную
брату и мне.

2

Никогда не забуду,
 как во время войны
Из картошки из мёрзлой
 мать пекла деруны.
Деруны на олифе
 и сластят, и горчат,
Но и этому рады
 я и старший мой брат.

Мы сидим в одеялах,
за окошком мороз.
Письмоносец соседке
«смертью храбрых...» принёс.
И она прибежала к нам —
белее стены.
Мать её утешает...
и горят деруны.

3

Война прошла, прошла война,
Но барабанным перепонкам
Казалась странной тишина,
Обманчивой, чрезмерно полной.
На кровью политых полях
Уже пшеницу убирали,
Но всё ещё в госпиталях
Солдаты наши умирали.

1978

ПОЛЫНЬ

Унылый дождик жарит шкварки
Для подгулявших фонарей.
И нет душе моей товарки
Милей полыни пустырей.
Полынь, полынь — трава Дианы,
Мы не для радости взошли.
Мы оба сыты, оба пьяны
Великой горечью земли.
Но ты зовёшь меня, надеясь,
Что вдруг воскреснет в старике
Тот славный мальчик, тот индеец
С полынным дротиком в руке.

1978

* * *

Что-то всё тяжелее ночами.
Спой, соловушка, спой мне, дружок,
Чтобы я отдохнул от печали,
Чтобы юность припомнить я смог.
Чтобы снова весенние громы
Прогремли бы в честь бытия,
И возникла из пены черёмух
Афродита лесная моя.
Чтобы, милостью тайной возвышен,
Лёгким пламенем райским объят,
Я услышал, как бабочки дышат,
И далёкие звёзды звенят.
Чтоб уже никакого значенья
До последнего самого дня
Не имели мои злключения,
Ибо юность была у меня.

1978

ЧАСЫ

Не знаю, как мне быть с часами:
И за работой, и во сне
Упорно, точно капли камень,
Их звуки точат душу мне.
Я оборвал цепочку с гирей.
Я исковеркал циферблат.
И всё равно в моей квартире
Часы настырные стучат.
Я в лес ушёл с грибной корзинкой.
Приволье, солнце, блеск росы...
Но, чу! За каждой травинкой
Повсюду тикают часы.

1978

* * *

Старость — вот она, с холодом лютым.
Отчего же в конце бытия
Всё дороже становятся люди,
Не персона, не шкура своя?
Отчего человеческий отклик,
Слабый свет незнакомой души
Я ловлю, как растерянный отрок,
Потерявший дорогу в глуши?
Отчего это каждый прохожий
Мне становится близким навек,
Словно все мы, как братья, похожи,
Словно все мы — один человек?

1978

* * *

Надо мною мышиный горошек
И прозрачные крылья стрекоз.
Люди, люди, не мне вас морочить:
Не достоин я вздохов и слёз.
Но денёк принахмурился вроде.
Но рябиновый прутик поник.
Как бы ни было там,
а природе
Дорог каждый её ученик.

1978

* * *

Грубеют шелковые травы,
Вот-вот зашумит листопад,
Вот-вот в чужедальные страны
Стада журавлей полетят.
И снега глубокие лягут,
И ветер завоюет в трубе,
И станет дороже тебе
Земля,
 постаревшая на год.

1978

* * *

О, Боже, какие грядут холода!
И осень пред близкой своею кончиной
Торопится всё поскорее раздать:
И золото листьев, и шёлк паутинок.
Однажды проснёшься — окрестность бела,
Кругом снеговое лежит покрывало.
А щедрая осень неслышно ушла
И долго-предолго нам жить приказала.

1978

СИНИЧКА

Увези-ка меня, электричка,
В новогодний серебряный бор,
Где поёт невеличка синичка
Голоском, уменьшающим боль.
Разменял я свой пятый десяток,
Стал, как зимнее древо, седым,
Но, как прежде, как в юности, сладок
Мне и хлеб, и Отечества дым.
Если женщину встречу младую,
Не усну, а усну, так во сне
Каждый пальчик ей перецелую —
Вот такое смирение во мне!
А уж ежели с ворогом стычка,
Улыбаясь, иду напролом.
Я ведь знаю, что птичка-синичка
Защитит меня синим крылом.

1978

ЗИМНИЙ БОР

Нет, в бор, снегами осветлённый,
Я не дрова хожу рубить.
Согбенный, жизнью утомлённый,
Хожу, чтоб детства не забыть.
Вот через этот жгучий ельник,
Или похожий на него,
Я мчал на лыжах самодельных
И не боялся ничего.
Должно быть, детство не уходит
От нас, как мнится,
 в никуда.
Оно живёт в родной природе,
Нам улыбаясь иногда.
Побудь в бору,
 его целебным
смолистым воздухом дыша.
В тебе, как спящая царевна,
Очнётся детская душа.

1978

* * *

Когда ты меня обнимаешь,
О, как я боюсь одного:
А вдруг ты меня принимаешь
За рыцаря, за божество?
Так истиной выглядит фраза,
Так оттепель схожа с весной,
Так может казаться алмазом
Осколок бутылки пивной.

1978

* * *

Заколочены дачи.
Облетели леса.
Дорогая, не плачьте,
Не калечьте глаза.
Всё на свете не вечно —
И любовь, и весна.
Только смерть бесконечна,
Тем она и страшна.

1978

* * *

Наде

Хочу, чтоб только ты
 глаза мои закрыла,
Когда пробьют часы,
 когда блеснёт коса.
Мне так вдвоём с тобой
 неодиноко было.
Мне бедная земля
 была как небеса.
Увы, во мне струна
 бродяжья говорила
Порой сильнее, чем
 другие голоса.
Хочу, чтоб только ты
 мои глаза закрыла,
Когда пробьют часы,
 когда блеснёт коса.

1978

* * *

Я себе не прощу, что тебя разлюбил,
Что твою доброту так легко позабыл.
Всё-то я совершенной свободы хотел
И не ведал, что это —

печальный удел.

Я не ведал, что сердцу страшнее всего
Потерять на земле двойника своего.
В одинокой душе ни отрады, ни сил.
Я себе не прощу, что тебя разлюбил.

1978

Нет покоя, счастья нет.
Полюби меня, мой свет.
Обними меня, согрей,
Не гони, браня:
Волчья стая серых дней
Разорвёт меня.

1978

* * *

Женщина — схимница,
 женщина — пленница —
Адские искры в очах! —
Что-то исправится, что-то изменится, —
Думает в долгих ночах.
Но и счастливая, но и везучая —
Думает так в тишине:
«Видно, тебе я, мой милый,
 наскучила,
Что отвернулся к стене».
И безразличная, и полусонная,
Женщина думает всё ж:
«Где ты, мой ласковый, где ты,
 особенный?
В этом ли мире живёшь?»

1978

* * *

Спи, любимая моя!
Спи, родимая моя!
Хватит стряпать, хватит шить,
Хватит маяться, спешить.
Спи, мой райский стебелёк,
День рабочий недалёк.
Спи, мой маленький родник,
Я навек к тебе приник.

1978

Давай перестанем встречаться,
Забудь меня, очень прошу.
Ты хочешь покоя и счастья,
А я только боль приношу.
Прощай и прости, если можешь,
Что встал у тебя на пути
И сердце твоё растревожил,
А счастья не смог принести.

1978

* * *

Я изучил вселенские законы.
Я в глубь вещей проник на склоне лет.
Но дивная улыбка Джиоконды,
Увы, недостижимый предмет.
Любуешься ли женщиной украдкой,
Привыкнув ли, обидишь сгоряча, —
А женщина останется загадкой,
Прекрасной, вечной
тайной без ключа.

1978

ЧАША

Чинов не хочу и червонцев не чаю.
Зачем же сижу и пишу я ночами?
Зачем я не сплю
и у Музы суровой
Прошу, трепеща, драгоценного слова?
Хочу, чтобы вам, горюны-горемыки,
Чуть-чуть помогли мои грустные книги.
Хочу, чтоб моя невесёлая чаша
Была бы куда тяжелее, чем ваша.

1978

* * *

Боюсь за тебя: ты — как птаха ручная,
Как малый ребёнок, как вешний цветок, —
Доверчивый, чистый, цветёт он, не зная,
Как ласковый март временами жесток.
Живу в постоянной тревоге и в страхе:
Ты так беззащитна пред силами зла.
Чего бы ни отдал мифической пряхе,
Чтоб с нитью твоей осторожна была!

1978

* * *

Превратиться бы в лёд или камень,
В дикий камень, в бесчувственный лёд.
Умереть бы на время, покамест
Даже лёгкая боль не пройдёт.
Кто там вас совершенством считает,
Кто там пьёт вместе с вами вино,
Кто там родинки ваши считает —
Мне, простившему вас, всё равно.
Отчего же тогда свою память
Ворошу я всю ночь напролёт?
Разве так превращаются в камень?
Разве так превращаются в лёд?

1978

* * *

Весна-красна, нам говорят.
Но как суров её рисунок:
Вот-вот беззвучно догорят
Огарки чёрные сосулек.
Играет щепками река.
А в небе серый гусь-салага
Летит, отстав от косяка,
Куда-то в сторону ГУЛАГа.

1978

Очевидно, кончается лето:
Приумолкли кукушки в лесу,
Покраснели листья бересклета,
Паутинки скользят по лицу.
Правда, дни непогожие редки
И приятно бродить с кузовком,
Но вечерние тихие реки
Отдают погребным холодком.
Ночью ветры играют с овсами,
Звёзды падают каплями слёз,
И, наверно, не счесть за лесами
Не прижившихся на небе звёзд.

1978

* * *

Давай зажжём огонь в светёлке
И двух сердец своих осколки
Соединим живицей ёлки,
Давай забудемся хоть раз.
Пусть в нашем маленьком посёлке
Кружатся злые кривотолки,
Мы вместе после бедствий долгих,
И в мире нет счастливей нас!

1978

* * *

Когда стою у Вечного огня,
Когда читаю имена и даты,
Мне кажется — погибшие солдаты
Чего-то ожидают от меня.
Что ж я скажу им —
 слабый человек, —
Жизнь за меня отдавшим
 добровольно?
Что я в долгу у них
 на весь свой век?
Что мне пред ними
 совестно и больно?
Как надо стойко,
 мужественно жить,
Не поддаваясь злу ни на мгновение,
Чтоб высшую награду заслужить —
Убитых молчаливое прощенье.

1979

* * *

Отчий кров.
Берёза у окошка.
Хорошо, что дома я опять.
Погощу и матери картошку
Помогу копать.
Я копаю, мама собирает.
Еле ходят пальцы у неё,
А ещё и вяжет, и стирает,
До зари встаёт.
До зари встаёт
и до заката
Просто так и не присядет, чай,
Хоть одной совсем немного надо —
Был бы хлеб да чай.
Выроем картошку, спустим в яму.
Я уеду.
Выпадет снежок.
И хранить мою седую маму
Будет только Бог.

1979

* * *

Ты одна перед Богом ходатай
За меня, моя старая мать.
Ты одна мне поможешь когда-то,
Ничего не боясь, умирать.
Ты одна мне дарила победу
Над бедой тяжелее свинца.
Нет конца материнскому свету.
Есть начало — и нету конца.

1979

* * *

Весна. Бубенчики капли.
Сырые, рыхлые снега.
Грачи-скитальцы прилетели.
Лось стал отращивать рога.
И вот уже под солнцем вешним
Очнулись бабочки от сна,
Серёжки выпустил орешник —
И у меня в душе весна.
И у меня, у человека,
Столь благодарного весне,
Была зима в душе.
И снега
Ещё немало в глубине.

1979

* * *

Мне много лет, но ты приходишь,
И снова радуют меня,
Как в те мои молодые годы,
И вкус воды, и цвет огня.
Когда ты, милая, со мною,
Всё надоевшее давно
Как бы обратной стороною
Привычных звёзд освещено.
Господь ли адресом ошибся,
Иль мир устал стоять на зле? —
Но мне не жаль, что я зажился
На этой горестной земле.

1979

* * *

Когда цветка не будет на окне,
Могу зайти: ни матери, ни брата
Твоих нет дома.

Ты мне будешь рада,
Ты не прикажешь убираться мне.
И белой ночью старый соловей,
Которого я в молодости слышал,
На нашу протекающую крышу
Пошлёт своих любимых сыновей.

1979

* * *

Не бойся, я не постучу
В твои обиженные двери —
Уж лучше сам себя скручу,
Как будто бешеного зверя.
Не бойся, я не посягну
На оскорблённую свободу —
Скорее в водке утону
Или с обрыва брошусь в воду.
Пускай сожрёт меня тоска,
Зато от рук моих неловких
Теперь уже ни волоска
Не упадёт с твоей головки.

1979

* * *

Любимая, стой, не клянись,
всё равно
Кого-то из нас утомит постоянство.
Но я тебя брошу,
как птицу в пространство,
А ты меня бросишь,
как камень на дно.

1979

СТИХИ О ЗАРЫТОМ ТАЛАНТЕ

Зачем ремесленник, кустарь,
Когда есть вещий Дант?
Возьму лопату и фонарь,
Зарою свой талант.
Он столько лет мне жить мешал,
Как призрак и кошмар.
Он всех житейских благ лишал
Меня — мой жалкий дар.
Но я его перехитрил.
Я сделал верный ход.
Я глубоко его зарыл —
Пусть кровь мою не пьёт!
Так отчего же всё окрест
Черно средь бела дня?
И я хочу, чтоб он воскрес,
Чтоб он простил меня.

1979

* * *

Я устал от зноя и от стужи,
Я устал от споров и забот.
И отраду чувствую — не ужас —
Оттого, что близится исход.
И тревога ваша неуместна,
Ваша жалость смысла лишена,
Ибо смерть прекрасна, как невеста,
Если жизнь, как мачеха, дурна.

1979

* * *

Есть ли край милей и глуше?
Сосны, камни-валуны...
Облака, как чьи-то души
Не прощённые, грустны...
Забурьяненное поле,
Деревеньки вдовый взгляд.
Сколько скорби, сколько боли
Веси русские таят!
Кто с войны не воротился,
Во сырой земле лежит.
Кто в столицах загостился,
В дом родимый не спешит.
То-то в нашем захолустье,
Даже вешнею порой,
Так печален каждый кустик,
Каждый цветик луговой.

1980

* * *

Золотые врата,
 мелодично звеня,
Пропустите
 в далёкое детство меня.
Там я был одуванчику каждому рад.
Там со мной разговаривал
 старший мой брат.
Он ещё не погиб
 на скале-крутизне
И охотно читал
 сказки русские мне.
А чужие отцы,
 возвращаясь с войны,
Были с ним и со мной,
 как с родными, нежны.
Золотые врата,
 золотые врата,
Пропустите меня —
 моя совесть чиста.
Я чуть-чуть отдохну
 на траве голубой,
Среди жёлтых цветов,
 и обратно, в забой.
И друзей у меня настоящих не счесть.

И работа хорошая вроде бы есть.
И живу ничего,
 но всё крепче мечта —
Золотые врата,
 золотые врата...

1980

Седому как лунь человеку,
Казалось бы, что в новизну?
Дивиться ли белому снегу,
Как белому хлебу в войну?
Подумаешь, невидаль — хвоя
И в ней снегиря огонёк!
Но бьётся твоё ретивое,
Забыв про последний звонок.
Подумаешь, красное лето!
Подумаешь, спелая рожь!
Но в пятую сторону света
Её васильков не возьмёшь.
О, запахи сосен и сена,
О, тысячи милых примет —
Без этого сердце — не сердце,
А так, посторонний предмет.

1980

Когда стихи не пишутся, когда
Вино не греет,
 женщина не дразнит
Своей походкой лёгкой —
 не беда,
Ещё придёт твой звёздный час,
 твой праздник.
Сколь ни плотны бывают облака,
За ними где-то солнышко алеет.
Ещё придёт желанная строка,
И женщина себя не пожалеет,
Пригубь и пей, и выпей до глотка.
Беда непоправимая не та,
В которую мы встречающих посвящаем,
А та, когда гранитная плита
Придавит грудь, — а мы не ощущаем.

1980

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Девчата с железным венком.
Фотограф с притворной тоскою.
На скорую руку завком
Хоронит газетчика Колю.
Ни матери нет, ни отца.
Ни музыки нет, ни молитвы.
Типичная гибель бойца
На поле решающей битвы.
Печальною кучкой друзья
Собрались в столовой на рынке.
Дешёвая водка, кутья —
Не первые в жизни поминки.
Нас ангелы плохо хранят,
А сколько кровавых ристалищ.
Всё чаще под утро звонят,
Что умер хороший товарищ.

1980

* * *

Промчались тяжёлые льдины.
Покончено с долгой зимой.
И траурниц с ивы-бредины
Медок не пускает домой.
И птицы, собираясь гурьбами,
Как дети, не могут без драк.
И пахота пахнет грибами,
И ландышам тесен овраг.

1980

* * *

Березники, мои Березники,
Пусть кое-где о них и не слыхали,
Но только здесь шаги мои легки.
Здесь исцелимы все мои печали.
Как палочку волшебную держу
Я ветку тополиную в апреле.
— Желаете? — взмахну и прикажу,
Чтоб все мы, как мой город,
не старели.

1980

* * *

Чтоб не казалась родная земля
Самым большим
 из камней преткновенья,
Вот вам — крылатые учителя,
Вот вам искусство
 полёта и пенья.
Будьте, как птицы,
 с природой на «ты»,
Стройте жилища,
 как птицы гнездятся.
Но не учитесь у них с высоты
На беззащитную
 жертву кидаться.

1980

* * *

Всё короче радиус
Видимого круга.
Но чему-то радуюсь —
Тенькает пичуга.

Улетают за море
Лебеди и гуси.
А она, упрямая,
В свой вцепилась кустик.

Знаю, не раскается,
Что на юг не мчалась,
Даже в мёртвый камушек
В стужу превращаясь.

1980

* * *

Снова в наших палестинах
Осень ясная гостит.
И трава, и паутина —
Всё на солнышке блестит.
Всё на солнышке искрится:
И озёра, и ручьи.
И поют лесные птицы
Песни дивные свои.
И выглядывает белка
Из укромного дупла —
Хоть мала, а худо-бедно
Всех детишек сберегла.
Сами носят в дом орехи,
Сами сушат впрок грибы.
Чай, осияют все помехи,
Все превратности судьбы!

1980

ЧУЖОЕ СЕРДЦЕ

Пусть тени предков окружили
И жить осталось до утра,
Как хорошо, что не вложили
Чужое сердце доктора!
В чужом — чужая память правит,
Она голубушку мою
Подальше с глаз моих отправит,
Не примет ровнею в семью.
Чужое сердце и прилежней
Стучит,
 и что ему инфаркт.
Но без любви и грусти прежней
Зачем мне нужен этот фарт?

1980

* * *

Вообразил, что ты — жар-птица,
Что ты — мой выстраданный свет.
А в самом деле ты — лисица:
Ушла, хитро запутав след.
Ну что ж, прощай. И лисьи чары
Дари другому простаку.
Я не погибну от печали
По кровожадному зверьку.
Я не закрою напрочь двери,
Не спрячусь в жалкой темноте.
Я никогда не разуверюсь
В священной женской доброте.

1980

* * *

Мне надоело пить и есть,
Писать стихи, читать романы.
Я только помню — где-то есть
Убогий домик деревянный.
Ты там, любимая, жила,
Потом уехала куда-то.
Любовь случайная прошла,
Иль Божья воля виновата?

1980

* * *

С первой встречи, с самого начала
Плоть твоя моей душою стала.
И теперь мне сладко сознавать,
Что тебе в земле не истлевать.

1980

* * *

Гнёт бессонниц, снег седин.
Ты одна, и я один.
Отчего бы нам с тобой
Не подняться над судьбой?
Пью вино и слёзы лью.
Я давно тебя люблю.
Но до самых чёрных дней
Я себя любил сильнее.

1980

* * *

Всё течёт, но ничто измениться
не может...

Дорогая, сама посмотри,
До каких мелочей друг на друга похожи
Все апрели и все сентябри.

Дорогая, ты, верно, заметила тоже,
Как по-прежнему бел этот свет.
Всё течёт, но ничто измениться
не может:

Я люблю тебя, ты меня — нет.

1980

* * *

Жизнь моя была легка.
Я всегда имел, дружище,
И щепотку табака,
И клочок бумаги писчей.
Как далёкая звезда
С небосвода бурового,
Улыбалось иногда
Чудом найденное слово.
Только женского тепла
Постоянно не хватало.
Сердце льдом пообрастало.
Ну да ладно, жизнь прошла.

1980

ИЗБУШКА НА СТАРОМ ЧУРТАНЕ

Избушка на Старом Чуртане —
Давно её в городе нет,
Но свет её алой герани
Струится, не ведая лет.

Избушка на Старом Чуртане:
Я помню, хоть был ещё мал, —
Ах как хорошо на баяне
Хозяин избушки играл.

Ах как хорошо на баяне
Хозяин избушки играл.
Народ собирался заране —
Получше места выбирал.

Задаром, не ради наживы,
Играл он с утра дотемна.
— А ну-ка, «Землянку», служивый!
Давай-ка про реки вина!

Устроится он у порога,
Отложит свои костыли:
«Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали»...

1980

ШАНЕЖКИ

С крылечка скалываешь лёд,
Печёшь с картошкой шанежки,
И всё надеешься: придёт
С войны сынок Иванушка.
Какая хмурая зима! —
Ни солнышка, ни просини.
Соседи в новые дома
Переселились осенью.
Пора тебе переезжать,
А сердце разрывается:
Вдруг он придёт, а где искать
Тебя,
 не догадается.

1980

* * *

Где вы, милые землячки,
Нынче, в мирные деньки?
Где вы, женщины-горнячки,
Мотористки, взрывники?
От кайла и от лопаты
На ладонях — словно жечь.
Негасимые лампы
Я зажёл бы в вашу честь!
Вы с такой судьбой столкнулись —
Даже вспомнить тяжело.
Не ко всем мужья вернулись,
Лишь немногим повезло.
Как вы мало отдыхали,
Как вы были голодны,
Как вы, бедные, пахали
Под землёю в дни войны.

1980

* * *

П.Петухову

Тополь мой неприхотливый,
Сколько гроз над головой
Прогремело,
 как мы живы
До сих пор, товарищ мой!
У тебя ль не хватит мощи,
Я ли вытянусь в гробу,
Важно то, что мы не ропщем
На суровую судьбу.

1980

ДУМА О ЕРМАКЕ

Кама-Камушка, раздольная река,
Не тебе ли снятся струги Ермака?
Не твою ли сладку воду под Орлом
Набирал он в златокованный шелом?
Эх, Орёл, Орёл, уральский городок,
Придержал бы атамана, поберёг:
Напоит его из смертного ковша
Беспощадная пучина Иртыша.
Да не статочное дело, чтоб Ермак
Меч свой выронил булатный и размяк,
Чтоб ржавел его прославленный топор,
Чтоб не рвалось его сердце на простор.
Он проводит пятернёй по бороде:
Он не даст гулять Кучумовой орде,
Старикам седые головы сымать,
Красных девушек, как веточки, ломать.
...И плывут, плывут над Камой облака,
Будто души, пережившие века,
Будто воины, погибшие в бою,
Посылают их на родину свою.
И сияет в поднебесье над Орлом
Солнце, словно златокованный шелом.

1980

* * *

И ветер листвы не колеблет,
И солнце не прячет лица.
О чём ты задумалась, лебедь,
Среди своего озера?
Страдаешь от мысли плачевной,
Что я расколдую тебя
И ты никакой ни царевной
Окажешься, сказку губя?
Не бойся, худого не будет.
Мы сложим избушку в селе.
Поскольку и я простолюдин,
Нам будет легко на земле.
А я не настолько тупица,
Чтоб тошных желать тебе благ,
Когда ты захочешь разбиться
О самый высокий маяк.

1980

* * *

Белая ночь как святая обитель,
Белая ночь — лебединый полёт.
В белую ночь вас никто не обидит,
В белую ночь вам никто не солжёт.
Белая ночь словно парус белеет.
Белая ночь — это вовсе не ночь,
Белая ночь — это добрая фея,
Чёрную, злую прогнавшая прочь.

1980

* * *

Спи, моя бедная странница,
Дай передышку себе.
Может быть, что-то исправится
В нашей нелепой судьбе.
Брось эти мысли угрюмые,
Спи-почивай до утра.
Наши соседи подумали,
Будто мы брат и сестра.
Значит, молва тебя минует,
Не омрачит тебе дня.
Спи. Обижать мою милую
Некому, кроме меня.

1980

* * *

Мне в белые ночи уснуть тяжело:
В ту белую ночь у причала
Орлиночка мне подарила весло.
— Дарю тебе, — тихо сказала.
На Каме-реке есть Орёл-городок.
Там, ежели по сердцу парень,
То девушка дарит не свой перстенёк —
Гребное весло ему дарит.
Случайный пришелец, откуда я знал
Такого подарка значенье?
И бросил я в Каму весло и сказал:
— Плыви-ка себе по теченью!
Мне в белые ночи уснуть тяжело:
В ту белую ночь у причала
Орлиночка мне подарила весло.
— Дарю тебе, — тихо сказала.

1980

* * *

Смерть моя не за горами —
Чернокрылая — парит.
Но волшебными дарами
Жизнь-судьба меня дарит.
То цветком в глуши унылой,
То сияньем женских плеч,
Чтоб ещё страшнее было
В землю каменную лечь.
Как предсмертную кручину
Обратит душа моя
В непостыдную кончину,
В тишину небытия?

1980

* * *

Пропади она пропадом, жизнь,
Вот такая, какая досталась.
Лучше сразу в могилу ложись,
Чтоб твоя колыбель не качалась.

О, не верьте мне, люди, я лгу.
Я устал от земного вращенья,
Но и самому злему врагу
Я желаю любви и прощенья.

1980

* * *

А я старею, словно дом,
Склонивший седенькую крышу.
И ходики идут с трудом,
И уж не так далёко вижу.
Но столько бабочек весной
Ко мне слетается, как прежде,
Что не пробиться ни одной
Вороне в траурной одежде.

1980

Какой мне чудится пейзаж!
Какие рощи и поляны!
А мой гранёный карандаш —
Как будто гробик шестигранный.
В халате, в стоптанных туфлях
Сажу и слушаю во мраке,
Как воют черти на полях
Холодной, призрачной бумаги.
Пишу свои стихи без слов,
Точь-в-точь должник
 в кафельной яме
Или несчастный птицелов
С глухонемыми соловьями.

377

* * *

Тёмные, как по ночам, облака.
Жёлтые травы.
Пишешь, читаешь, а душу тоска
Так и буравит.
Трудно вокруг утешенье найти, —
Холодно, сыро...
Вот бы мне женщину лет тридцати,
Вот бы мне сына.

1980

* * *

Сижу за решёткой дождей
И светлого лучика в небе
Ищу, как напильника в хлебе,
Ни в чём не повинный злодей.

1980

* * *

То не месяц скользит
Звёздным полюшком,
Не разбойник грозит
Острым «пёрышком».
Мне в камерке сырой
Моя панночка,
Содрогаясь струной,
Родит пасынка.

1980

* * *

Вот из примет стародавних одна:
Пропасть грибов — значит, будет война.
Что нам худые приметы? И всё ж
Вспомнишь — и вздрогнешь.
И горько вздохнёшь.
Вот сыроежки, любимые мной.
Вот боровик под высокой сосной.
Час не бродили, а вёдра полны...
Только бы не было больше войны!

1980

РЯБИНУШКА БАГРЯНАЯ

— Какая осень ранняя!
Простынешь у ручья,
Рябинушка багряная,
Красавица моя.

Не ведаю, что делаю.
Не знаю, что творю.
И с деревцем, как с девицей,
Тихонько говорю.

— Грядёт седая зимушка.
Негоже без жилья.
Пойдём со мной, рябинушка,
Хозяюшка моя.

Не ведаю, что делаю.
Не знаю, что творю.
И с деревцем, как с девицей,
Тихонько говорю.

1980

ИЗ ПРОШЛОГО

Убило лошадь электричеством.
Сегодня за ударный труд
В неограниченном количестве
Бригаде мясо выдают.
Как хороша конина с чаркою,
Какой душистый пар валит!
Как вспомню ту кобылку чалую,
Душа заходится, болит.

1980

БЕРЕЗНИКОВСКИЕ МАЛЬЧИШКИ

Березниковские мальчишки
Военных лет, я вижу вас:
Пришли, держа под мышкой книжки,
Но занят ранеными класс.
Почти у всех отцы на фронте.
Как прокормиться? Что надеть?
Пошли работать. Стыдно вроде
На шее матери сидеть.
Нет, позабудется едва ли,
Как у станков и у тисов
И по двенадцать вы стояли,
И по четырнадцать часов.
Я вижу вас, подростки-тени,
Невзгод хлебнувшие сполна.
Вы падали, но на колени
Вас не поставила война.

1981

* * *

Г. Мещерякову

Пусть голова побелела,
Жизнь всё равно хороша.
Только бы раньше, чем тело,
Не умирала душа.

1981

И нам комсомольскую сказку свою
Поведает город в уральском краю.

Есть город хороший у Камы-реки,
Республика химии — Березники.
Там счастье в работе,
 как птицы в полёте,
Находят мои земляки.

1981

* * *

Случилось, чего опасался:
На сорок четвёртом году
Я выдохся. Я исписался —
Двух строк по душе не найду.
Как будто опущенный в воду
Хожу — ни стихов, ни поэм.
Чем буду полезен народу?
Не даром ли хлебушко ем?

1981

* * *

Непонятная тревога
Одолела — спасу нет.
И не пройдена дорога,
А сошёлся клином свет.
Будто не было ни цели,
Ни надежды, ни стыда,
Будто даже в колыбели
Я не плакал никогда.

1981

* * *

Ни триумфальных арок, ни соборов,
Ни шпилей, уходящих в облака,
Но я люблю всем сердцем этот город,
Я счастлив, что живу в Березниках.

Мне нравятся бесхитростные зданья,
Мне мил и дорог каждый уголок.
Я помню каждой улочки название —
Я сам здесь подрастал, как тополёк.

Пусть нынче сердце — словно запоздалый
Осенний лист. Пока оно горит,
Пока его ветрами не сорвало,
Оно живёт и жизнь благодарит.

1981

* * *

Кому — весенняя заря,
А мне — туманы сентября.
Ни разу дома не сидел
Во дни сентябрьских недель.
Ещё глоток, ещё глоток —
Пью молодильный холодок,
Как будто умер и воскрес —
И сам я дождь, и сам я лес.
Ах как рябинники горят!
А что дрозды мои творят!
А сколько сердцу говорит
Знакомой речки лазурит.
Когда она была полней,
Русалка плавала по ней
И терпеливо, без тычков,
Учила азбуке мальков.

1982

* * *

И когда мои очи уже остывали,
И прощальные слёзы текли из-под век,
Я, теряя сознание, подумал: едва ли
Был счастливей меня на земле человек.
Потому, что (хотя ты меня не любила,
Избегала меня наяву и во сне)
Ты жила, ты дышала, и этого было
Для великого счастья достаточно мне.

1982

ЭДЕЛЬВЕЙСЫ

Нас пугают далёкие рейсы,
Слава Богу, покой обрели!
А в горах расцвели эдельвейсы,
Эдельвейсы в горах расцвели!
Хочешь, чаю с малиной напейся,
Хочешь, в кресле с журналом дремли.
А в горах расцвели эдельвейсы,
Эдельвейсы в горах расцвели!

1982

* * *

Молю, заклинаю: — Довольно! —
Но нет, не оставят в тиши,
Мотают житейские волны
Бумажный кораблик души.
Легко ли в таком урагане?
Любимая, вздрогни во сне,
Прошлѣпай босыми ногами
И лампу поставь на окне.

1982

* * *

Нет, я любил, но нам недоставало
Какой-то общей веры для двоих.
Твоя душа к созвездьям уплывала.
Моя — лежала возле ног твоих.

1982

* * *

Я любил этот взгляд, этот пасмурный свет,
А вернулся назад, ничего уже нет.
Лишь трава прошептала в родимом краю:
— Я не сплю, я постель согреваю твою.

1982

* * *

Поэт, не надо слёз и жалоб
На боль свою. Припомни рёв
Лесного дикого пожара,
Его дымящуюся кровь,
Он рвёт когтями мох поляны
И о сучьё бока дерёт,
Но если он залижет раны,
Он не воспрянет, он умрёт.

1982

* * *

Птичьи перья и листья на тропах,
Серым шифером воды рябят.
Тишина, настороженность, робость,
Лишь влюблённые лоси трубят!
Притулился у тёплого стога –
Жалкий раб городской суеты.
Не суди меня, Родина, строго,
Что твои забываю черты,
Что замкнулся в бетонной коробке
И плоды просвещения вкусил.
А давно ли у божьей коровки
Я доверчиво хлеба просил?

1983

* * *

А действительно,
 время куда-то идёт:
На святых куполах —
 непроглядный налёт.
Эти жёлтые листья и шрамы коры —
Всё о нём,
 всё о времени нам говорит.
Поседела моя одинокая мать,
Не привыкшая писем моих получать.
Да и сам я теперь
 о себе, молодце,
С безразличием думаю
 в третьем лице.
Нет,
 ещё над собой не глумится душа,
Но всё больше охота
 иметь малыша,
Чтоб его приласкать,
 а себя обмануть,
Иллюзорную вечность
 пытаюсь вернуть.

1983

* * *

Лети с отшумевшего древа, листва,
В рыбачий поселок на юге,
И там передай золотые слова
Меня позабывшей подруге.
Я мог бы на почту письмо отнести,
Отбить телеграмму, но знаю,
Что в трудную пору нас может спасти
Одна лишь природа родная.

1983

* * *

Ты благородней во сто крат,
Мудрей во много раз.
Зачем позарился, украл
Тебя, чужой алмаз?
Ты излучаешь дивный свет,
А я тону во мгле,
И глубока печаль, как след
Алмаза на стекле.

1983

ЧЁРНОЕ ПЕРО

На красной стороне
от счастья плачут крыши.
Я чёрное перо
нашёл в снегу раскисшем.
Гляжу, оно лежит,
сродни пустой вещице,
А ведь принадлежит
старинной вещи птице.
Ему три сотни лет,
а может быть, и боле.
На нём бессмертный след,
людской беды и боли.
Всё ведомо ему —
как лбы холопам брили,
Как Пушкин с Натали
из церкви выходили.
А может, всё не так,
но было бы вне правил,
Чтоб я в сыром снегу
лежать его оставил.
Оно не ест, не пьёт
и рук моих не свяжет,
А песенку споёт
и сказочку расскажет.

1983

* * *

Непослушное перо,
Ненасытная бумага,
Всё вторично, всё старо.
Зря стараешься, бедняга.
Ни берлоги, ни жены
У тебя, седоволосый.
А кому, скажи, нужны —
«Кровь — любовь»,
«Морозы — розы»?
Что ж, освищенный пророк,
Жизнь толкуешь ты, как благо?
Непослушное перо,
Ненасытная бумага.

1983

БАБА ОЛЯ

За окошком вечер зимний.
Сорок третий год.
И стучит машинка «Зингер» —
Баба Оля шьёт.
Шьёт соседке-продавщице
Платье-кимоно.
За работу будет пицца —
Хлеб или пшено.
Слабо греет керосинка.
Пальцы сводит холод.
Но стучит машинка «Зингер»:
Внуки есть хотят!
Крест. Могильные былинки.
Тьма средь ясных дней.
Но стучит машинка «Зингер»
В памяти моей.

1983

* * *

Что за оказия, что за беда,
Как непогода резвится...
— Кто ты такая, откуда, куда,
Женщина ты или птица?
Как же нам путь в поднебесье держать,
Натиски бурь отражая?
Я — ненадёжный и старый вожак,
Ты же — совсем молодая.
— О, не печалься, как будто и мне
Та же неведома робость:
Я никогда не летала во сне,
Я только падала в пропасть.
— Боже, зачем мы похожи на птиц?
Жили бы просто, как люди...
— О, не печалься, не знает границ
Сердце, которое любит.

1983

* * *

Что мне делать? Я не верил в Бога.
Лишь от страха полуверил я.
Далека была моя дорога
От Его высокого порога,
От Его незыблемого слога,
От Его святого Бытия.
Что же надо мной Он наклонился,
Руки мне на плечи положил?
Всё-таки я в чём-то провинился,
Всё-таки я кару заслужил.

1983

* * *

Здравствуй, пасмурный денёк!

Молод был —

хандрил в ненастье,

В руки взять себя не мог,

А теперь и это — счастье.

В красном пламени леса,

В белой кипени озёра —

Безрасчётная краса,

Драгоценная для взора.

1984

* * *

Жена моя, вот тебе весь кошелёк —
Оденешься, как золотой мотылёк.
Друзья мои, стыдно своих забывать.
Скорей собирайтесь ко мне пировать.
Недавно я встретил в знакомом бору
Кукушку и знаю, что скоро умру.
И я не хотел бы на злую тоску
Потратить последнее в жизни «ку-ку».

1984

* * *

Зима вошла в свои права,
Мороз окно покрыл.
Но у меня нашлись дрова,
Я печку затопил.
Огонь, играя, как вино,
Меня пьянил и грел.
И я подумал, как давно,
Как рано постарел.
Кому нужны мои слова?
Зачем я их копил?
Но у меня нашлись дрова,
Я печку затопил.

1984

* * *

В. Крупину

Я летел в небесах,
я не чуял земли.
Руки странную лёгкость
и мощь обрели.
Стал неистовым дух,
стал пронзительным взгляд.
Я летел и не чаял
вернуться назад.
Даже сердце огнём
полыхало иным.
Только бедный язык
оставался земным.
Никакие пути, никакие века
Не отнимут у нас своего языка.

1985

* * *

Милая, не приезжай!
Мне тебя потчевать нечем,
Разве что стынувший чай
Да невесёлые речи.
В дальней своей стороне
Тихо живи, как живётся.
Если приедешь ко мне —
Сердце моё разорвётся.

1985

* * *

Такое сказочное лето,
Что вся печаль уходит прочь.
Купавками и лунным светом,
Как тело мавки, пахнет ночь.
Всего одной росинки вспышка,
Шуршанье веточки одной —
И ты хмелеешь, как мальчишка,
Изменник осени родной.

1986

* * *

Эта первая любовь!
Скрип качелей в детском парке,
Замирающая кровь,
Сладкий клей почтовой марки.
До сих пор душа болит,
Ни отрады, ни покоя.
Что ты делаешь, Лилит,
Полстолетия со мною?

1986

* * *

Вроде бы жизнь коротка, но гляди:
Целое кладбище дней позади.
Мало ты дни своей жизни берёг, —
То-то земля — как слоёный порог,
То-то слоями спрессованы в ней
Белые кости загубленных дней.

1986

* * *

Чёрный вран надо мною летал.
Я подумал: — Ну вот и расплата.
Но признав во мне младшего брата,
Он клевать мои очи не стал.

1986

* * *

И вновь забрёл я на погост.
Хожу среди крестов и звёзд.
Читаю даты, номера.
Пора мне или не пора?

1986

* * *

В темнице озёрного ила
Три года подёнка жила.
И вдруг над водой закружила,
Как звёздочка снега светла.

О, есть ли ещё у природы
Созданье, подобное ей,
Которое за день свободы
Страдало бы тысячу дней.

1986

* * *

И свечи оплыли, и гости ушли,
И мы с тобой рядом, а вроде вдали.
А помнишь, как нёс я тебя на руках
И мы утопали в смертельных снегах?
Тепло и уютно в просторной избе,
Да что-то случилось в спокойной судьбе.
Но кто нас осудит? И в чём наш порок?
Мы к бедам привыкли.
Нам счастье не впрок.

1986

КАРТИНА

До чего же печальна картина
«Возращение блудного сына», —
Он гордыню свою превозмог.
Он теперь даже глаз не поднимет,
Он питался дождём и полынью,
Он вернулся на отчий порог.
Но какие-то дальние зовы
Появляются в небе суровом
И зовут день и ночь без конца.
Вот и к свадьбе уже всё готово,
Вот и жить бы, как люди, толково,
А на мальчике нету лица!
До чего же всё это знакомо —
И удары весеннего грома,
И земли отмерзающей пласт.
И на камне сыром аксиома:
Вы в гостях ещё, мы уже дома,
Не судите, помилуйте нас.

1986

* * *

Прошла холодная погода,
Настала тёплая пора.
Как ждали мы её прихода,
В оконце глядячи с утра!

Немилость превратилась в милость:
Проснулись травы, и река
От серых льдин освободилась,
И прояснились облака.

Но нам ничуть не стало лучше.
Нам вновь милы как никогда
И лик луны, закрытый тучей,
И в чёрной проруби вода.

Как будто мы не понимаем,
Что как деревья проросли,
И меж собой соединяем
И звёздный свет, и мрак земли.

1986

* * *

Ирине

Нежданная пирушка.
В кармане ни гроша,
Но так и ходит кружка,
От уст к устам спеша.
Хозяюшка — простушка,
Хозяин — вертопрах.
Но мудрая кукушка
Живёт у них в часах!
И вот уже мы встали,
И вот уже ушли
В неведомые дали
Без неба и земли.

1986

* * *

Смешно высасывать из пальца
Шедевры, сидя за столом.
Поэт рождается скитальцем:
Весь мир — его родимый дом.

Возьми-ка посох и котомку,
Надень покрепче сапоги,
Чтобы далёкие потомки
Твои слышали шаги.

1986

* * *

Станция Жизнь. Первозданный рассвет.
Звон колокольный. На яблоньках — цвет.
Но утомлённо бубнит проводник:
— Поторопитесь, стоим только миг.

1987

* * *

Я не был в счастливой рубашке рождён,
И грёзы мои не сбылись.
Но вырву свой грешный язык, если он
Начнёт оговаривать жизнь.
Пусть я устал от бесчисленных бед,
От невыносимых невзгод,
Я всё-таки верю, что этот наш свет
Гораздо светлее, чем тот.

1987

* * *

Белая лебедь над нашим предместьем
Вдруг высоко поднялась.
И превращается в траурный крестик,
Всё недоступней для глаз.
О, до чего наши очи нечётко
Видят далёкий предмет.
Вечно мы белое путаем с чёрным,
Будто и разницы нет.

1987

* * *

Ещё метель сбивала с ног,
Но в будущее благо
Поверив, выглянул цветок —
Безумная отвага!

И как-то стыдно стало вдруг
Деревьям сумрачным вокруг:
Они зазеленели,
И птицы в них запели.

1987

* * *

Мы с тобою живём по соседству
И почти двойники по судьбе.
Но тюремная азбука сердца
Моего непонятна тебе.
Обернись белокрылою птицей,
Промелькни за окном, покажись,
Чтобы хоть на минутку забыться
И не сравнивать с каторгой жизнь.

1987

* * *

И вот мы с вами обрели
Покой кладбищенской земли,
Подгнивший крест, простывший след,
И всё ж мы есть, хотя нас нет...

1987

* * *

Не сказка ли это?
Вино при свече,
Одна на двоих сигарета,
Твоя голова у меня на плече
И вьюга, поющая где-то.
И вот мы выходим
под снег на балкон
Нагие — чтоб вновь удивиться,
Как может ни разу
не сившийся сон
Нежданно-негаданно сбыться.

1987

* * *

Ты, что была постоянно со мной —
Локоть о локоть, щека со щекой.
Что же нам делать теперь на земле?
Я вспоминаю о прошлом тепле.
Ты отвернулась, закутавшись в плед.
Близость осталась, а радости нет.

1987

* * *

Ты помнишь ночь
и этот дикий сад?
Нам не вернуться никогда назад:
У нас на всё потеряны права.
Но, слава Богу, ты ещё жива.
А я тащусь, иное существо,
За шелестом подола твоего.
Как лист, как зверь, спешу тебе
вослед,
Хотя меня давно на свете нет.

1987

* * *

Зима попыталась вернуться.
Опять за окошком бело.
Но птицы весенние вьются,
И сердцу не так тяжело.
И вот я лежу улыбаясь,
Как будто в младенческом сне,
Как будто истрачена старость
И снова дарована мне.

1987

* * *

Ветер касается наших седин,
Морщит осенние воды,
Плоские яблочки сыплет с осин.
Холодно в царстве природы.

Как деревянные стали грибы
От леденящей погоды.
Хоть топором их под корень руби,
Холодно в царстве природы.

Волки голодные в мраке ночей
Воют, устав от заботы:
Шубы продать? Изумруды очей?
Холодно в царстве природы.

Ладно, — твержу я себе, — примиришь,
Разве вернёшь свои годы?
И всё сильнее цепляюсь за жизнь...
Холодно в царстве природы.

1987

ПИСЬМО ИЗ ГЛУХОЙ ДЕРЕВУШКИ

Во первых строках своего письмеца
Скажу, что я жив и здоров.
У нас уже стужа стоит у крыльца,
Но мы наготовили дров.
Недавно мне выдали пенсию. Я,
Конечно, её заслужил.
Сама понимаешь, собрались друзья,
Но я кое-что отложил
На разные книжки.

Учение — свет! —

Ты так говорила сама.
У нас до сих пор электричества нет,
Повсюду кромешная тьма.
Но я никакой темноты не боюсь!
Мне кажется, будто вчера
Ты повести Белкина мне наизусть
Читала всю ночь до утра...
Прощай, дорогая! Не думай, что я
Всё это писал во хмелю.
Ты песня моя, ты молитва моя,
Я помню тебя и люблю.

1987

* * *

Невесёлое вино,
Дров осиновых шипенье.
Раз нам счастья не дано —
Дай нам, Господи, терпенье.

1987

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛЕКСЕЯ РЕШЕТОВА

- Нежность: Стихи. — Пермь: Кн. изд-во, 1960. — 54 с.
- Зёрнышки спелых яблок: Повесть. — Пермь: Кн. изд-во, 1963. — 88 с.
- Белый лист: Стихи. — Пермь: Кн. изд-во, 1964. — 79 с.
- Белый лист: Стихи. — 2-е, доп. изд. — Пермь: Кн. изд-во, 1967. — 98 с.
- Зёрнышки спелых яблок: Повесть. — 2-е изд. — Пермь: Кн. изд-во, 1968. — 77 с.
- Рябиновый сад: Стихи. — М.: Современник, 1975. — 77 с. — (Новинки «Современника»).
- Лирика. — Пермь: Кн. изд-во, 1976. — 113 с.
- Чаша: Кн. стихов. — Пермь: Кн. изд-во, 1981. — 223 с.
- Лирика. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 63 с.
- Жду осени: Стихи. — Пермь: Кн. изд-во: 1985. — 191 с.
- Автопортрет: Повесть. Стихи. — Пермь: Кн. изд-во, 1987. — 256 с.
- Станция Жизнь: Стихи. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1990. — 288 с. — (Уральская б-ка; Вып.2).
- Иная речь: Стихи. — Пермь: Пермская книга, 1994. — 397 с.
- Не плачьте обо мне: Стихи. — Красноярск: Платина, 1999. — 129 с. — (Поэты свинцового века; Вып.6).
- Тёмные светлы: Стихотворения. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. — 320 с. — (Б-ка поэзии Каменного пояса).
- Овен: Стихотворения. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. — 96 с. — (Б-ка поэзии Каменного пояса (Малая серия)).

ПРИМЕЧАНИЯ

Гурий Щенников «Поэтический мир Алексея Решетова». Статья написана специально для собрания сочинений.

Стихотворения 1957—1987

Радуга. Впервые — «Березниковский рабочий», точная дата не установлена.

Травинки. Впервые — «Березниковский рабочий», точная дата не установлена.

«Блокнот пролистал...» Впервые — «Звезда», Пермь, февр. 1958. Кн. «Нежность» В газетной публикации др. окончание с 6-й строки:

*Весёлый, в дорогу готовый,
Мне ветер весёлую песню принёс
И вот улетаёт за новой.*

Новая дорога. Впервые — «Звезда», Пермь, 21 авг. 1960. Кн. «Нежность».

Первенец. Впервые — «Звезда», Пермь, 30 авг. 1959. Кн. «Нежность» В газетной публикации стихотворение разделено на 5 строф.

Сумерки. Впервые — «Березниковский рабочий», точная дата не установлена.

Посвежелю. Впервые — кн. «Нежность».

Тропинка. Впервые — кн. «Нежность».

Студенческое. Впервые — кн. «Нежность».

«Торопливо заглянув в ручей...» Впервые — «Звезда», Пермь, 21 августа 1960. Кн. «Нежность».

«Горячий пепел горькой папироски...» Впервые — кн. «Нежность».

«Отстучит, словно дятел, топор лесоруба...» Впервые — кн. «Нежность».

«Ещё не знаешь точно дня рожденья...» Впервые — кн. «Нежность».

Мой край. Впервые — «Березниковский рабочий», 29 августа 1959. Кн. «Нежность». В газетной публикации др. текст с 3-й строки:

*Берёзка-белянка. И снова, и снова
Унылые всхлипы тягучих трясин;
Да хвоя навалом, да ивы виланки
И сосенки-мачты со смуглой корой.
Здесь солнечных зайцев полно на полянке,
Живые по ним пробегают порой.
Здесь ждёт — не дожётся мальчишек морошка,
Здесь кашляет хворост — лишь ступишь ногой;
Вдруг сказом бажовским повеет сторожка...
О, край мой суровый! Урал дорогой!
Мне нравится рябь ручейкового смеха,
Скал щедрые помти, дымковая прядь.
И это, охрипшее к вечеру эхо,
Уставшее за день «ау» повторять.*

Речка. Впервые — «Звезда», Пермь, 1960. Кн. «Нежность».

Галка. Впервые — кн. «Нежность».

«Я по-прежнему друг босоногим...» Впервые — кн. «Нежность».

Солдатский сон. Впервые — кн. «Нежность».

Малина. Впервые — кн. «Нежность».

«Где ты? Как? Светлокосая Анка...» Впервые — кн. «Нежность».

Песня. Впервые — «Звезда», Пермь, 21 авг. 1960. Кн. «Нежность».

Память. Впервые — «Звезда», Пермь, 30 авг. 1959. Кн. «Нежность».

«Свetaет. Партизанской стёжкой...» Впервые — «Красный боец», 2 июля 1958. Кн. «Нежность».

Обелиск. Впервые — «Красный боец», 2 июля 1958. Кн. «Нежность» В газетной публикации 4-я строка: *Ушанки запрокинутых голов.*

Руки. Впервые — кн. «Нежность».

Подорожник. Впервые — кн. «Нежность».

«Знакомая запевочка слышна изда-
ка...». Впервые — «Березниковский рабочий», 29 авгу-
ста 1959. Кн. «Нежность» (с названием «Встречная»).

«На траве золотистые блики...» Впервые —
«Звезда», Пермь, 30 авг. 1959, с названием «Золотистые
блики». Кн. «Нежность».

«Кофточка застенчивого цвета...» Впервые
— кн. «Нежность».

Осень. Впервые — «Звезда», Пермь, 21 августа 1960.
Кн. «Нежность».

Зима. Впервые — кн. «Нежность».

«Ты такой несмышлёной была...» Впервые —
кн. «Нежность».

Земля. Впервые — «Звезда», 21 августа 1960. Кн.
«Нежность».

Небо. Впервые — кн. «Нежность».

Новая дорога. Впервые — «Звезда», 21 августа
1960. Кн. «Нежность»

«И снова в детство заглянул вчера я...»
Впервые — кн «Нежность».

Дом. Впервые — кн. «Нежность».

Тишина. Впервые — «Звезда», 1960. Кн. «Нежность».

«Ставень хлопнул, гаснут краски...» Впер-
вые — кн. «Нежность»

«С лесной берёзы, с белого плеча...» Впер-
вые — кн. «Белый лист», 1964.

Дворик после войны. Впервые — кн. «Белый
лист», 1964.

«Какие чудо-маки...» Впервые — кн. «Рябиновый
сад».

«Осень кроткой была, как зорюшка...» Впер-
вые — кн. «Рябиновый сад».

«Настали дни суровые...» Впервые — Сверд-
ловск, «Урал», № 1, 1963. С названием «Стужа». Кн. «Бе-
лый лист», 1964.

Почтари. Впервые — «Урал», № 12, 1961. Кн. «Бе-
лый лист», 1964.

Сны. Впервые — «Большая Кама», Пермь, 17 октября 1964. Кн. «Белый лист», 1964.

«Я помню...» Впервые — «Урал», №1, 1963 (с названием «Музыка»). Кн. «Белый лист», 1964.

Балалда о красоте. Впервые — «Молодая гвардия», Пермь, 4 дек. 1962.

«Ищите без вести пропавших...» Впервые — «Искра», Кунгур, 8 авг. 1963. Кн. «Белый лист», 1964.

Стёклышки. Впервые — «Большая Кама», Пермь, 17 октября 1964. Кн. «Белый лист», 1964.

«Ах, до чего же осень глубока...» Впервые — «Известия», 18 сентября 1965. Кн. «Белый лист», 1968.

«Может, чёт — а может, нечет...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«В небе пусто, в небе строго...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

Михайловское. Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«Ах, Пушкин, Пушкин...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

Поэты. Впервые — кн. «Белый лист», 1964. Посвящение — писателю Л.И.Давыдычеву.

Костёр. Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

Натурщица. Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

Белый лист. Впервые — «Звезда», 1963 — 4-я строка: *Бессонницей для девушки чревата*. Кн. «Белый лист», 1964. Посвящение — поэту Виктору Болотову.

«Мы в детстве были много откровенней...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«Время закрытых дверей...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964 (с названием «Отношение к ночи»).

Мой брат. Впервые — кн. «Чаша».

«Убитым хочется дышать...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«Когда прощально кружат журавли...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

Сказка. Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«Снится сон слепому человеку...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«Набродиться летними лесами...» Впервые — «Звезда», 1963. Кн. «Белый лист», 1964 (с названием «Природа»).

«Старуха знала, где живут маслята...» Впервые — «Звезда», 1963. Кн. «Белый лист» — Пермь, 1964 (с названием «Старуха»).

Точильщик. Впервые — кн. «Рябиновый сад».

«Я изучаю магазины...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«Когда музеи закрывают...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

Первобытные девчонки. Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

Волчица. Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«За что на свете женщин любят...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«Они расчёсывали косы...» Впервые — «Урал», № 12, 1961. (с названием «Купальщицы»). Кн. «Белый лист», 1964.

Шахматы. Впервые — «Звезда», 1963. Кн. «Белый лист», 1964.

«Светолюбивы женщины...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

Художник. Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«Ты лёгким светом вся озарена...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«Я встреч с тобой боюсь, а не разлук...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964. Посвящение — Вере Нестеровой-Болотовой.

«Свет звезды, которой закатиться...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.

«Куда, куда вы, облака...» Впервые — «Урал», № 12, 1967. Кн. «Белый лист», 1968.

«Опять мой сон...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«Ты знаешь, что такое рань...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«Мороз, сугробы под заборами...». Впервые — Пермь, «Большая Кама», 17 октября 1964. Кн. «Белый лист», 1964 (с названием «Мама»).

- «Древо спилили — и всё пригодилось...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».
- «Девчонка ласточкой казалась...» Впервые — кн. «Белый лист», 1964.
- Март. Впервые — «Молодая гвардия», Пермь, 28 февраля 1965. Кн. «Белый лист», 1968.
- «Уходят женщины...» Впервые — «Известия», 18 сентября 1965. Кн. «Белый лист», 1968.
- «Всё равно в каком аду...» Впервые — «Юность», № 9, 1989. Кн. «Станция Жизнь».
- «Нет детей у меня...» Впервые — «Молодая гвардия», Пермь, 28 февраля 1965. Кн. «Белый лист», 1968.
- Песенка о голландском тюльпане. Впервые — кн. «Чаша».
- Комната смеха. Впервые — кн. «Лирика», Пермь, 1976.
- «Мы бредём, спотыкаясь о корни...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Время — деньги...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- Обращение к кентавру. Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- «Не заболочены глаза...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- «Пегасу хочется в ночное...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.
- «Я снова русской осенью дышу...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.
- Крыши. Впервые — «Урал», № 1, 1966. Кн. «Белый лист», 1968.
- «Сколь ни тарасились совы...» Впервые — кн. «Лирика», 1976.
- «Уж если я умру...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968. Посвящение — писателю Роберту Белову.
- Натюрморт. Впервые — «Урал», Свердловск, № 1, 1966. Кн. «Белый лист», 1968.
- «Я в чащу истины проник...» Впервые — «Урал», Свердловск, № 1, 1966. Кн. «Белый лист», 1968.
- «Я знал человека...» Впервые — «Урал», Свердловск, 1961. Кн. «Белый лист», 1968.

Ранняя работа. Впервые — кн. «Рябиновый сад». Мама («Ты слышишь, мама, я пришёл...»). Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«Какое счастье — ненароком...» Впервые — «Урал», № 10, 1973. Кн. «Рябиновый сад», 1975.

«Нет, ты любовью не зови...» Впервые — «Юность», Москва, август 1965. Кн. «Белый лист», 1968.

«Да, хлопья снега — только анонимки...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«А помните, милая, вместе...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Я не пойду на карнавал...» Впервые — «Звезда», Пермь, 22 янв. 1987. «Литературное Прикамье», 1987. Кн. «Станция Жизнь».

Дикарь. Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«Ты молода, мой друг...» Впервые — «Урал», № 1, 1966. Кн. «Белый лист», 1968.

«Какая удачная месть...» Впервые — кн. «Чаша».

«О, женщина, что за натура...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Своим сиянием зима...» Впервые — кн. «Чаша».

«Как тяжело, что ты не поверишь...» Впервые — «Молодая гвардия», Пермь, 28 февраля 1965. Кн. «Станция Жизнь».

«И, вырываясь в веки кои-то...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

Автопортрет. Впервые — «Урал», Свердловск, № 1, 1966. Кн. «Белый лист», 1968.

«В заповеднике лани...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«Всё, что мог, я отдал букинисту...» Впервые — кн. «Чаша».

«Как будто бы еретики...» Впервые — «Урал», № 1, 1966. Кн. «Белый лист», 1968.

«Всё чаще думаю с досадой...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Есть версия, что камбала живёт...» Впервые — кн. «Жду осени».

«Не убивайся, человеке...» Впервые — «Безрезниковский рабочий», 20 сентября 1975. Кн. «Лирика».

«Уж если думать откровенно...» Впервые — «Юность», № 9, 1989. Кн. «Станция Жизнь».

«Сапожник допился до белой горячки...» Впервые — кн. «Чаша».

Дельфины. Впервые — кн. «Белый лист», 1968. Посвящение — Владимиру Максимовичу Михайлюку, пермскому журналисту и писателю.

«Скорбная весть по России бежит...» Впервые — «Урал», № 11, 1987.

«Я осень читаю, как повесть...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«В этот день осенний, серый...» Впервые — «Урал», № 1, 1966. Кн. «Белый лист», 1968.

Дятел. Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«Душа и природа в предчувствии вьюг...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«Увы, я счастлив...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«За мои печали плата...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«Один похитил женщину...» Впервые — кн. «Чаша».

«Фантастический флигилёк...» Впервые — кн. «Чаша».

«В эту ночь я стакан за стаканом...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

Голый король. Впервые — кн. «Чаша».

«Пора замаливать стихи...» Впервые — «Урал», № 10, 1969. Кн. «Лирика», 1976.

«Мне надо бы горькую книгу создать...» Впервые — «Урал» № 6, 1977.

«Я, как волк, появился в апреле...» Впервые — кн. «Чаша».

«Я с природы осенней...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«О вы, несжатые полоски...» Впервые — «Урал», № 12, 1967. Кн. «Белый лист», 1968 (с названием «Хлеб»).

«Нету милее напева...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

Зной. Впервые — «Урал», № 11, 1989. Сб. «Пульс», 1989, Пермь. Кн. «Станция Жизнь».

Почтальон Абрам Ароныч. Впервые — сб. «Пульс», 1987, Пермь. Кн. «Станция Жизнь».

Вальдшнеп. Впервые — кн. «Чаша».

«Стихи не пишутся — и чёрт с ним...» Впервые — кн. «Чаша».

«Вернись, умение письма создавать...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».

«О маленький, какмышь...» Впервые — кн. «Белый лист», 1968.

«Будь война, ушёл бы на войну...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

Некролог. Впервые — кн. «Иная речь», Пермь, 1994.

«Не перечислить потрясений...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».

Цыганка. Впервые — кн. «Рябиновый сад».

«Соловушка вырезал гланды...» Впервые — кн. «Лирика», 1976.

«Журавли собирают пожитки...» Впервые — «Урал», № 10, 1969. Кн. «Чаша».

«Подруга пошла на коварство...» Впервые — кн. «Чаша».

«Когда убили Прометея...» Впервые — «Урал», № 10, 1969. Кн. «Станция Жизнь».

Не вечный сон. Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Вижу: Адам и Ева...» Впервые — «Урал», № 4, 1984. Кн. «Станция Жизнь».

«Одинокий умерший чудака...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Вот и снова жить на свете стоит...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Я верил в розовые сказки...» Впервые — «Урал», № 10, 1969. Кн. «Рябиновый сад».

- «Родная! Опять високосная вьюга...» Впервые — «Урал», № 10, 1969. Кн. «Рябиновый сад».
- Гроза. Впервые — кн. «Чаша».
- «Милая! Помнишь ли, любишь ли...» Впервые — «Урал», № 10, 1969. Кн. «Чаша».
- «Чего от меня она хочет...» Впервые — «Урал», № 10, 1969. Кн. «Чаша».
- «Опущу усталую главу...» Впервые — «Современник», 1967. Кн. «Чаша».
- «Здорово придумано, как будто бы...» Впервые — «Урал», № 10, 1969. Кн. «Станция Жизнь».
- «Мы топим рощами Куинджи...» Впервые — «Литературная Россия», 18 марта 1988. Кн. «Станция Жизнь».
- Тень. Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- «Я смерть приму, надеюсь, гордо...» Впервые — «Урал», 1969, № 10. Кн. «Станция Жизнь».
- «В гостинице, в номере-люкс...» Впервые — кн. «Чаша».
- Жестокий романс. Впервые — «Путь Ильича», Кишерт, 8 марта 1970.
- Ходули. Впервые — кн. «Рябиновый сад».
- «Отец мой стал полярною землёй...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».
- «Я верю, что мир будет вечен...» Впервые — кн. «Лирика», 1976.
- «Проснулся я от солнечных лучей...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».
- «Как жили женщины...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».
- Писарь. Впервые — кн. «Лирика», 1976.
- «Я жил далеко на Урале...» Впервые — «Безрезниковский рабочий», 7 февраля 1971. Кн. «Лирика».
- «На берегу дороги дальней...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».
- Жду осени. Впервые — кн. «Лирика», 1976.
- «В войну количество волков...» Впервые — «Урал», № 11, 1979. Кн. «Чаша».

«В поле вечернем стою...» Впервые — «Березниковский рабочий», 8 марта 1977. Кн. «Чаша».

«Прозрачен купол небосвода...» Впервые — кн. «Лирика», 1976.

«Скоро снега седенькие лягут...» Впервые — кн. «Чаша».

«Один как перст...» Впервые — кн. «Чаша».

«Как отпечатки пальцев выдают...» Впервые — кн. «Чаша».

«Чего ты только там не сочинила...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

К Демону. Впервые — кн. «Чаша».

«В поэзии нет каскадёров...» Впервые — кн. «Чаша».

«Чтоб обращаться к миру...» Впервые — кн. «Чаша».

Мыслитель. Впервые — кн. «Лирика», 1984.

«Тускло светится лунная медь...» Впервые — кн. «Чаша».

«Алхимик напустит тумана...» Впервые — альманах «Поэзия», № 25, 1979. Кн. «Чаша».

«Потепленье, нетерпенье...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Ночная, зловещая, зимняя сказка...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

Стихи о воде. Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Ненавижу житейскую прозу...» Впервые — кн. «Станция Жизнь». Др. вариант — «Урал», № 4, 1984:

Помоги мне забыться работа!

Завладей не душой, так спиной...

— Доедай, говорят! — на ребёнка

Злая нянька кричит за стеной.

Ненавижу житейскую прозу!

Утро вечера не мудреней.

Соловей подчинил себе розу

И поёт о победе своей.

Фонари на заре потускнели,

Слишком ярко пылает восток.

Человеческий след на панели

Беззащитен, как ржавый листок.

«Вы? Здравствуйте! Не надо плакать...» (1970). Впервые — кн. «Станция Жизнь»

«О, зеркало — учёный попугай...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

Стюардесса. Впервые — кн. «Иная речь».

«Здравствуй, русская зима...» Впервые — кн. «Овен».

«В селе над Камой есть избёнка...» Впервые — кн. «Овен».

«Заря догорала...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«В эту ночь не чужие баштаны...» Впервые — «Современник», 1981. Кн. «Чаша».

«Какой-то дядька нетверёзый...» Впервые — кн. «Станция Жизнь». Посвящение — писателю Дмитрию Ризову.

«Ночь печальна, ночь темна...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«В простонародном страхе...» Впервые — «Березниковский рабочий», 6 июня 1971. Кн. «Лирика», 1976.

«Только вы пред глазами предстали...» Впервые — «Урал», № 7, 1973. Кн. «Станция Жизнь».

«О, как за дворцовую роскошь...» Впервые — «Урал», № 4, 1984 (с названием «Роза»). Кн. «Станция Жизнь».

Мать жеребёнка. Впервые — «Березниковский рабочий», 6 июня 1971. Кн. «Станция Жизнь».

Женщина у Светлова. Впервые — «Юность», № 9, 1989. Кн. «Станция Жизнь». Посвящение — Л.К., адресат не установлен.

Верблюд. Впервые — кн. «Чаша».

Рябиновый сад. Впервые — кн. «Рябиновый сад».

«В окна пахло душистой смолой...». Впервые — кн. «Рябиновый сад».

«Уставшая от стирки...» Впервые — кн. «Жду осени».

«Не искал, где живётся получше...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».

«Зеница ока, Родина моя...» Впервые — кн. «Рябиновый сад»,

«Любители лягушечьего пенья...» Впервые — «Березниковский рабочий», 20 сентября 1975. Кн. «Рябиновый сад».

«Опять зима, опять мороз...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».

«Я в цирке не был много лет...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

Грустный Бёрнс. Впервые — «Пульс», сб. 1987, Пермь. Кн. «Станция Жизнь». Посвящение — писателю Роберту Белову.

«Эти тихие речки...» Впервые — Кн. «Рябиновый сад».

«От кирпичного завода...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».

«Я "любит — не любит" решил погадать...» Впервые — кн. Рябиновый сад».

Берёзы. Впервые — «Березниковский рабочий», 21 декабря 1974. Кн. «Рябиновый сад».

«Всё это утро я курил...» Впервые — кн. «Рябиновый сад».

Иволга. Впервые — «Березниковский рабочий», 21 декабря 1974. Кн. «Рябиновый сад».

«Принимай работягу, работа...» Впервые — «Урал», № 7, 1973. Кн. «Рябиновый сад».

Товарищ калийщик. Впервые — «Уральский калийщик», дата не установлена.

«Опять на землю выпал первый снег...» Впервые — «Березниковский рабочий», 21 декабря 1974 (с названием «Первый снег»). Кн. «Рябиновый сад».

«Не раз, когда сердце больное...» Впервые — кн. «Чаша».

«Подгулявших ветров голоса...» Впервые — кн. «Чаша».

«Когда топорами стучат по берёзам...» Впервые — «Урал», № 9, 1978. Кн. «Лирика», 1984.

«Поздняя осень. Дожливо. Темно...» Впервые — кн. «Лирика», 1976.

Баллада о волшебном слове. Впервые — кн. «Лирика», 1976.

«Я был пацаном голопятым...» Впервые — «Березниковский рабочий», 16 августа 1975 (с названием «Победа»). Кн. «Лирика», 1976.

«Была весна. И цвёл орешник...» Впервые — «Березниковский рабочий», 7 февраля 1971. Кн. «Лирика», 1976.

«Опять за окошком осенняя медь...» Впервые — кн. «Лирика», 1976.

«Пальто и шапочку надень...» Впервые — кн. «Лирика», 1976.

«Как это раньше не мог я...» Впервые — кн. «Лирика», 1976.

«Динь-динь-динь! — зазвонит колокольчик...» Впервые — кн. «Лирика», 1976.

«У мамы цветы на балконе...» Впервые — кн. «Чаша».

«И опять в мой вешний город...» Впервые — кн. «Чаша».

Полкан. Впервые — «Березниковский рабочий», 20 сентября 1975. Кн. «Чаша».

«А почему бы не махнуть...» Впервые — «Березниковский рабочий», 17 июня 1978. Кн. «Чаша».

Провинциальные поэты. Впервые — кн. «Станция Жизнь».

Черепаха. Впервые — Кн. «Чаша».

«Золотую девичью ресницу...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.

«Ляг, согрейся, разве дело...» Впервые — кн. «Овен».

«В век космических ракет...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.

«Человек нёс хлеб — и пел...» Впервые — «Березниковский рабочий», 20 сент. 1975. Кн. «Лирика», 1984.

«Голод. Очередь-резина...» Впервые — сб. «Молодой человек», 1981. Кн. «Жду осени».

«Вот пустой дом...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«И жгли меня, и потрошили...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«До чего же мы счастливы были...» Впервые — кн. «Жду осени».

«Читатель, милый, книгу эту...» Впервые — кн. «Чаша».

Пехота. Впервые — «Литературная Россия», 9 февраля 1979. Кн. «Чаша».

Русская песня. Впервые — «Литературная Россия», 9 февраля 1979. Кн. «Чаша».

«Мать поэта. Печальнее нету на свете...» Впервые — «Урал», № 9, 1978. Кн. «Чаша». Посвящение — поэту Владимиру Радкевичу.

«Когда отца в тридцать седьмом...» Впервые — «Юность», № 9, 1989. Кн. «Станция Жизнь».

Коростель. Впервые — «Березниковский рабочий», 12 августа 1977. Кн. «Станция Жизнь», Свердловск, 1990.

«Пускай себе шумная слава...» Впервые — кн. «Станция Жизнь»

«И суровое детство, и неистовый труд...» Впервые — «Урал», № 9, 1978. Кн. «Овен».

Стихи о военном детстве. Впервые — «Урал», № 11, 1979. Кн. «Чаша».

Полынь. Впервые — кн. «Чаша».

«Что-то всё тяжелее ночами...» Впервые — «Березниковский рабочий», 17 февраля 1979. Кн. «Лирика», 1984.

Часы. Впервые — «Березниковский рабочий», 17 июня 1978. Кн. «Жду осени». В книге выпущена 2-я строфа:

*Я пью вино до одуренья,
Я, ошалев, врубаю маг,
Но сквозь шаляпинское пенье —
Неумолимое — «тик-так».*

«Старость — вот она с холодом лютым...» Впервые — кн. «Чаша».

«Надо мною мышиный горошек...» Впервые — «Урал», № 9, 1978. Кн. «Чаша».

«Грубеют шелковые травы...» Впервые — кн. «Чаша».

- «О Боже, какие грядут холода...» Впервые — «Урал», № 11, 1979. Кн. «Чаша».
- Синичка. Впервые — «Литературная Россия», 9 февраля 1979. Кн. «Чаша».
- Зимний бор. Впервые — «Литературная газета», № 6, 4 февраля 1981. Кн. «Чаша».
- «Когда ты меня обнимаешь...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Заколочены дачи...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Хочу, чтоб только ты...» Впервые — кн. «Чаша».
- Посвящение — редактору Надежде Гашевой.
- «Я себе не прощу...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Нет покоя, счастья нет...» Впервые — «Путь Ильича», Кишертъ — 17 февраля 1979. Кн. «Чаша».
- «Женщина — схимница...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Спи, любимая моя...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Давай перестанем встречаться...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Я изучил вселенские законы...» Впервые — «Березниковский рабочий», 17 июня 1978. Кн. «Чаша».
- Чаша. Впервые — «Березниковский рабочий», 17 февраля 1978. Кн. «Лирика», 1984.
- «Боюсь за тебя...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.
- «Превратиться бы в лёд...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.
- «Весна-красна...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- «Очевидно, кончается лето...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- «Давай зажжём огонь в светёлке...» Впервые — кн. «Жду осени».
- «Когда стою у Вечного огня...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Отчий кров. Берёза у окошка...» Впервые — «Березниковский рабочий», 27 октября 1979. Кн. «Чаша».
- «Ты одна перед Богом ходатай...» Впервые — «Березниковский рабочий», 27 октября 1979. Кн. «Чаша».
- «Весна. Бубенчики капли...» Впервые — «Березниковский рабочий», 27 октября 1979. Кн. «Чаша».

«Мне много лет, но ты приходишь...» Впервые — альманах «Поэзия», № 25, 1979. Кн. «Чаша».

«Когда цветка не будет на окне...» Впервые — кн. «Чаша».

«Не бойся, я не постучу...» Впервые — кн. «Чаша».

«Любимая, стой, не клянись...» Впервые — «Литературная Россия», 9 февраля 1979. Кн. «Лирика», 1984.

Стихи о зарытом таланте. Впервые — кн. «Чаша».

«Я устал от зноя и от стужи...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Есть ли край милей и глуше...» Впервые — «Березниковский рабочий», 17 февраля 1979 (с названием «Захолустье»). Кн. «Чаша».

«Золотые врата, мелодично звеня...» Впервые — «Литературная газета», № 6, 4 февраля 1981. Кн. «Чаша».

«Седому как лунь человеку...» Впервые — «Литературная газета», № 6, 4 февраля 1981. Кн. «Чаша».

«Когда стихи не пишутся...» Впервые — кн. «Чаша».

Памяти товарища. Впервые — кн. «Чаша».

«Промчались тяжёлые льдины...» Впервые — кн. «Чаша».

«Березники, мои, Березники...» Впервые — «Березниковский рабочий», 13 сент. 1980.

«Чтоб не казалась родная земля...» Впервые — кн. «Чаша».

«Всё короче радиус...» Впервые — кн. «Жду осени».

«Снова в наших палестинах...» Впервые — кн. «Жду осени».

Чужое сердце. Впервые — кн. «Чаша».

«Вообразил, что ты — жар-птица...» Впервые — кн. «Чаша».

«Мне надоело пить и есть...» Впервые — кн. «Чаша».

«С первой встречи, с самого начала...» Впервые — кн. «Чаша».

- «Гнёт бессонниц, снег седин...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Всё течёт, но ничто измениться не может...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Жизнь моя была легка...» Впервые — «Путь Ильича», Кишерт, 17 февраля 1979. Кн. «Чаша».
- Избушка на Старом Чуртане. Впервые — сб. «Молодой человек», 1981. Кн. «Лирика», 1984.
- Шанежки. Впервые — сб. «Молодой человек», 1981. Кн. «Лирика», 1984.
- «Где вы, милые землячки...» Впервые — «Урал», № 4, 1984. «Лирика», 1984.
- «Тополь мой неприхотливый...» Впервые — «Лирика», 1984. Посвящение — поэту Павлу Петухову.
- Дума о Ермаке. Впервые — кн. «Лирика», 1984.
- «И ветер листвы не колеблет...» Впервые — «Березниковский рабочий», 7 февраля 1971 (с названием «Лебедь»). Кн. «Лирика», 1984.
- «Белая ночь как святая обитель...» Впервые — «Березниковский рабочий», 26 сент. 1981. Кн. «Станция Жизнь».
- «Спи, моя бедная странница...» Впервые — кн. «Жду осени».
- «Мне в белые ночи уснуть тяжело...» Впервые — «Березниковский рабочий», 26 сент. 1981 (с названием «Весло»). Кн. «Жду осени».
- «Смерть моя не за горами...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- «Пропади она пропадом, жизнь...» Впервые — «Юность», № 9, 1989. Кн. «Станция Жизнь».
- «А я старею, словно дом...» Впервые — кн. «Жду осени».
- «Какой мне чудится пейзаж...» Впервые — кн. «Чаша».
- «Тёмные, как по ночам, облака...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- «Сижу за решёткой дождей...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- «То не месяц скользит...» Впервые — кн. «Иная речь».

«Вот из примет стародавних одна...» Впервые — «Урал», № 9, 1978. Сб. «Молодой человек», 1990. Кн. «Овен».

Рябинушка багряная. Впервые — кн. «Овен».

Из прошлого. Впервые — «Урал», № 6, 2000. Кн. «Овен».

Березниковские мальчишки. Впервые — «Уральский калийщик», 21 февр. 1981.

«Пусть голова побелела...» Впервые — кн. «Станция Жизнь». Посвящение — писателю Григорию Мещерякову.

Комсомольская сказка. Впервые — «Березниковский рабочий», 22 дек. 1981.

«Случилось, чего опасался...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Непонятная тревога...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Ни триумфальных арок, ни соборов...» Впервые — «Березниковский рабочий», 25 июня 1982.

«Кому — весенняя заря...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.

«И когда мои очи уже остывали...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.

Эдельвейсы. Впервые — кн. «Лирика», 1984.

«Молю, заклинаю: довольно...» Впервые — «Урал», № 4 — 1984. Кн. «Лирика», 1984.

«Нет, я любил, но нам недоставало...» Впервые — кн. «Жду осени».

«Я любил этот взгляд...» Впервые — «Урал», 1987. Кн. «Иная речь».

«Поэт, не надо слёз и жалоб...» Впервые — «Урал», № 11, 1987. Кн. «Станция Жизнь».

«Птичьи перья и листья на тропах...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.

«А действительно, время куда-то идёт...» Впервые — «Урал», № 11, 1987. Кн. «Лирика», 1984.

«Лети с отшумевшего древа, листва...» Впервые — «Березниковский рабочий», 26 сент. 1981. Кн. «Лирика», 1984.

- «Ты благородней во сто раз...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.
- Чёрное перо. Впервые — «Пермь вечерняя», 14 окт. 1983. Кн. «Лирика», 1984.
- «Непослушное перо...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.
- Баба Оля. Впервые — кн. «Автопортрет». О.А.Павчинская — бабушка А.Решетова.
- «Что за оказия...» Впервые — «Литературное Прикамье», 1986. Кн. «Автопортрет».
- «Что мне делать? Я не верил в Бога...» — «Москва», № 8, 1991. Кн. «Иная речь».
- «Здравствуй, пасмурный денёк...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.
- «Жена моя, вот тебе мой кошелёк...» Впервые — кн. «Лирика», 1984.
- «Зима вошла в свои права...» Впервые — кн. «Жду осени».
- «Я летел в небесах...» Впервые — «Литературная Россия», 7 февраля 1986. Кн. «Автопортрет». Посвящение — писателю Владимиру Крупину.
- «Милая, не приезжай...» Впервые — «Литературное Прикамье», 1987. Кн. «Овен».
- «Такое сказочное лето...» Впервые — «Урал», 1987. Кн. «Овен».
- «Эта первая любовь...» Впервые — «Звезда», 1987. «Литературное Прикамье», 1987. Кн. «Станция Жизнь».
- «Вроде бы жизнь коротка...» Впервые — «Урал», 1987. Кн. «Станция Жизнь».
- «Чёрный вран надо мною летал...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- «И вновь забрёл я на погост...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».
- «В темнице озёрного ила...» Впервые — «Звезда», Пермь, 22 янв. 1987. «Литературное Прикамье», 1987. Кн. «Станция Жизнь».
- «И свечи оплыли, и гости ушли...» Впервые — «Урал», 1987. «Литературное Прикамье», 1987. Кн. «Станция Жизнь».

Картина. Впервые — «Литературное Прикамье», 1986. Кн. «Автопортрет».

«Прошла холодная погода...» Впервые — «Звезда», Пермь, 22 янв. 1987. Сб. «Пульс», 1989. Кн. «Станция Жизнь».

«Нежданная пирушка...» Впервые — «Урал», Свердловск, 1987. Кн. «Станция Жизнь». Посвящение — писательнице Ирине Христюбовой.

«Смешно высасывать из пальца...» Впервые — «Звезда», Пермь, 22 янв. 1987. «Литературное Прикамье», 1987. Кн. «Станция Жизнь».

Станция Жизнь. Впервые — «Путь Ильича», Кисерть, 17 июля 1986. «Литературное Прикамье», 1987. Кн. «Станция Жизнь».

«Я не был в счастливой рубашке рождён...» Впервые — «Литературная Россия», 10 марта 1988. Кн. «Станция Жизнь».

«Белая лебедь над нашим предместием...» Впервые — «Юность», № 9, 1989. Кн. «Станция Жизнь».

Баллада о лосе. Впервые — «Березниковский рабочий», 7 февраля 1971. Кн. «Станция Жизнь».

«Ещё метель сбивала с ног...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Мы с тобою живём по соседству...» Впервые — «Юность», № 9, 1989. Кн. «Овен».

«И вот мы с вами обрели...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Не сказка ли это...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Ты, что была постоянно со мной...» Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Ты помнишь ночь...» Впервые — «Звезда», 1987. Кн. «Станция жизнь».

«Зима попыталась вернуться...» Впервые — «Вечерняя Пермь», 13 сентября 1988. Кн. «Станция Жизнь».

«Ветер касается наших седин...» Впервые — кн. «Иная речь».

Письмо из глухой деревушки. Впервые — «Урал», 1987. Кн. «Иная Речь». После слов: «Повсюду крошечная тьма» следует рукописный вариант:

*Но я никакой темноты не боюсь,
Ты помнишь, как ляжем в постель,
И «Повести Белкина» мне наизусть
Читаешь, к примеру, «Метель»?*

*Прощай, до Свиданья! Не думай, что я
Всё это писал во хмелю.
Ты — песня моя. Ты — молитва моя.
Я так никого не люблю.*

Вариант в журнале «Урал»:

*Во первых строках своего письма
Скажу, что я жив и здоров,
Хотя иногда и сгорают сердца
Скорее берёзовых дров.
Недавно я славную книгу читал,
Где сказано — горя и нет.
Но вдруг за окошком снежок замелькал,
И твой застилается след.
А прежде я так любовался зимой —
И снегом, и зеркалом льда.
Но ты не волнуйся, я это письмо
Тебе не пошлю никогда.*

«Невесёлое вино...» Впервые — кн. «Иная речь».

СОДЕРЖАНИЕ

«В Березниках...» <i>И.В.Папков</i>	5
От редколлегии <i>А.П.Комлев</i>	6
Поэтический мир Алексея Решетова. <i>Г.К.Щенников</i>	11

Стихотворения 1957—1987

Радуга	31
Травинки	32
«Блокнот пролистал, пролетел над костром...»	33
Новая дорога	34
Первенец	35
Сумерки	37
Посвежелю	38
Тропинка	39
Студенческое	40
«Торопливо заглянув в ручей...»	41
«Горячий пепел горькой папироски...»	42
«Отстучит, словно дятел, топор лесоруба...»	43
«Ещё не знаешь точно дня рожденья...»	44
Мой край	45
Речка	47
Галка	48
«Я по-прежнему друг босоногим...»	49
Солдатский сон	50
Малина	51
«Где ты? Как? Светлокосая...»	52
Песня	54
Память	55
«Светает... Партизанской стёжкой...»	56

Обелиск	57
Руки	59
Подорожник	60
«Знакомая запевочка...»	61
«На траве золотистые блики...»	62
«Кофточка застенчивого цвета...»	63
Осень	64
Зима	65
«Ты такой несмышлёной была...»	66
Земля	67
Небо	68
«Всё, зима, теперь не жди отсрочки...»	69
«И снова в детство заглянул вчера я...»	70
Дом	71
Тишина	73
«Ставень хлопнул...»	74
«С лесной берёзы, с белого плеча...»	75
Дворик после войны	76
«Какие чудо-маки...»	77
«Осень кроткой была, как зорюшка...»	78
«Настали дни суровые...»	79
Почтари	80
Сны	81
«Я помню: с тихой улыбкой...»	82
Баллада о красоте	83
«Ищите без вести пропавших...»	84
Стёклышки	85
«Ах, до чего же осень глубока!..»	86
«Может, чёт — а может, нечет...»	87
«В небе пусто, в небе строго...»	88
Михайловское	89
«Ах, Пушкин, Пушкин...»	90
Поэты	91
Костёр	92
Натурщица	93

Белый лист	96
«Мы в детстве были много откровенней...»	97
«Время закрытых дверей...»	98
Мой брат	99
«Убитым хочется дышать...»	100
«Когда прощально кружат журавли...»	101
Сказка	102
«Снится сон слепому человеку...»	103
«Набродиться летними лесами...»	104
«Старуха знала, где живут маслята...»	105
Точильщик	106
«Я изучаю магазины...»	107
«Когда музеи закрывают...»	108
Первобытные девчонки	109
Волчица	110
«За что на свете женщин любят...»	111
«Они расчёсывали косы...»	112
Шахматы	113
«Светлюбивы женщины. Они...»	114
Художник	115
«Ты лёгким светом вся озарена...»	116
«Я встреч с тобой боюсь...»	117
«Свет звезды, которой закатиться...»	118
«Куда, куда вы, облака...»	119
«Опять мой сон, как блудный сын...»	120
«Ты знаешь, что такое рань?...»	121
«Мороз. Сугробы под заборами...»	122
«Древо спилили — и всё пригодилось...»	123
«Девчонка ласточкой казалась...»	124
Март	125
«Уходят женщины. Но эта...»	126
«Всё равно в каком аду...»	127
«Нет детей у меня. Лишь стихи...»	128
Песенка о голландском тюльпане	129
Комната смеха	130

«Мы бредём, спотыкаясь о корни...»	131
«Время — деньги, это верно...»	132
Обращение к кентавру	133
«Не заболочены глаза...»	134
«Пегасу хочется в ночное...»	135
«Я снова русской осенью дышу...»	136
Крыши	137
«Сколь ни таращились совы...»	138
«Уж если я умру и не воскресну...»	139
Натюрморт	140
«Я в чащу истины проник...»	141
«Я знал человека. О нём...»	142
Ранняя работа	143
Мама	144
«Какое счастье — ненароком...»	145
«Нет, ты любовью не зови...»	146
«Да, хлопья снега — только анонимки...»	147
«А помните, милая, вместе...»	148
«Я не пойду на карнавал...»	149
Дикарь	150
«Ты молода, мой друг, а я — поэт...»	151
«Какая удачная месть...»	152
«О, женщина! Что за натура!...»	153
«Своим сиянием зима...»	154
«Как тяжело, что ты не поверишь...»	155
«И, вырываясь в веки кои-то...»	156
Автопортрет	157
«В заповеднике лани...»	158
«Всё, что мог, я отдал букинисту...»	159
«Как будто бы еретики...»	160
«Всё чаще думаю с досадой...»	161
«Есть версия, что камбала живет...»	162
«Не убивайся, человеке...»	163
«Уж если думать откровенно...»	164
«Сапожник допился до белой горячки...»	165

Дельфины	166
«Скорбная весть по России бежит...»	167
«Я осень читаю, как повесть...»	168
«В этот день осенний, серый...»	169
Дятел	170
«Душа и природа — в предчувствии вьюг...»	171
«Увы, я счастлив...»	172
«За мои печали плата...»	173
«Один — похитил женщину...»	174
«Фантастический флигелёк...»	175
«В эту ночь я стакан за стаканом...»	176
Голый король	177
«Пора замаливать стихи...»	178
«Мне надо бы горькую книгу создать...»	179
«Я, как волк, появился в апреле...»	180
«Я с природы осенней...»	181
«О вы, несжатые полосы...»	182
«Нету милее напева...»	183
Зной	184
Почтальон Абрам Ароныч	185
Вальдшнеп	186
«Стихи не пишутся — и чёрт с ним!...»	187
«Вернись, уменьь письма создавать!...»	188
«О, маленький, какмышь...»	189
«Будь война — ушёл бы на войну...»	190
Некролог	191
«Не перечислить потрясений...»	192
Цыганка	193
«Соловушка вырезал гланды...»	194
«Журавли собирают пожитки...»	195
«Подруга пошла на коварство...»	196
«Когда убили Прометея...»	197
Не вечный сон	197
«Видю: Адам и Ева...»	199
«Одинокий умерший чудак...»	200

«Вот и снова жить на свете стоит!..»	201
«Я верил в розовые сказки...»	202
«Родная! Опять високосная стужа...»	203
Гроза	204
«Милая! Помнишь ли?...»	205
«Чего от меня она хочет?...»	206
«Опущу усталую главу...»	207
«Здорово придумано, как будто бы...»	208
«Мы топим рощами Куинджи...»	209
Тень	210
«Я смерть приму, надеюсь, гордо...»	211
«В гостинице, в номере-люкс...»	212
Жестокий романс	213
Ходули	214
«Отец мой стал полярною землёй...»	215
«Я верю, что мир будет вечен!..»	216
«Проснулся я от солнечных лучей...»	217
«Как жили женщины в бараке...»	218
Писарь	220
«Я жил далеко на Урале...»	221
«На берегу дороги дальней...»	222
«Жду осени. Осеннюю порой...»	223
«В войну количество волков...»	224
«В поле вечернем стою...»	225
«Прозрачен купол небосвода...»	226
«Скоро снега седенькие лягут...»	227
«Один, как перст, как дикий куст...»	228
«Как отпечатки пальцев...»	229
«Чего ты только там не сочинила...»	230
К Демону	231
«В поэзии нет каскадеров...»	232
«Чтоб обращаться к миру...»	233
Мыслитель	234
«Тускло светится лунная медь...»	235
«Алхимик напустит тумана...»	236

«Потепление, нетерпение...»	237
«Ночная, зловещая, зимняя сказка...»	238
Стихи о воде	239
«Ненавижу житейскую прозу!..»	240
«Вы?! Здравствуйте! Не надо плакать...»	241
«О, зеркало — учёный попугай...»	242
Стюардесса	243
«Здравствуй, русская зима!..»	244
«В селе над Камой есть избёнка...»	245
«Заря догорала, заря догорала...»	246
«В эту ночь не чужие баштаны...»	247
«Какой-то дядька нетверёзый...»	248
«Ночь печальна, ночь темна...»	249
«В простонародном страхе...»	250
«Только вы пред глазами предстали...»	251
«О, как за дворцовую роскошь...»	252
Мать жеребёнка	253
Женщина у Светлова	254
Верблюд	255
Рябиновый сад	256
«В окна пахнуло душистой смолой...»	257
«Уставшая от стирки,	258
«Не искал, где живётся получше...»	260
«Зеница ока, Родина моя...»	261
«Любители лягушечьего пенья...»	262
«Опять зима, опять мороз...»	263
«Я в цирке не был много лет...»	264
Грустный Бёрнс	265
«Эти тихие речки под тонкой слюдою...»	266
«От кирпичного завода...»	267
«Я "любит – не любит" решил погадать...»	268
Берёзы	269
«Всё это утро я курил...»	270
Иволга	271
«Принимай работягу, работа!..»	272

Товарищ калийщик	273
«Опять на землю выпал первый снег...»	275
«Не раз, когда сердце больное...»	276
«Подгулявших ветров голоса...»	277
«Когда топорами стучат по берёзам...»	278
«Поздняя осень. Дожливо. Темно...»	279
Баллада о волшебном слове	280
«Я был пацаном голопятым...»	282
«Была весна. И цвёл орешник...»	283
«Опять за окошком подённая медь...»	284
«Пальто и шапочку надень...»	285
«Как это раньше не мог я...»	286
«Динь-динь-динь!...»	287
«У мамы цветы на балконе...»	288
«И опять в мой вешний город...»	289
Полкан	290
«А почему бы не махнуть...»	291
Провинциальные поэты	292
Черепаша	293
«Золотую девичью ресницу...»	294
«Ляг, согрейся, разве дело...»	295
«В век космических ракет...»	296
«Человек нёс хлеб — и пел...»	297
«Голод. Очередь-резина...»	298
«Вот пустой дом...»	299
«И жгли меня, и потрошили...»	300
«До чего же мы счастливы были!...»	301
«Читатель, милый, книгу эту...»	302
Пехота	303
Русская песня	305
«Мать поэта...»	306
«Когда отца в тридцать седьмом...»	307
Коростель	308
«Пускай себе шумная слава...»	309
«И суровое детство, и неистовый труд...»	310

Стихи о военном детстве	311
Полынь	313
«Что-то всё тяжелее ночами...»	314
Часы	315
«Старость — вот она, с холодом лютым...»	316
«Надо мною мышинный горошек...»	317
«Грубеют шелковые травы...»	318
«О, Боже, какие грядут холода!...»	319
Синичка	320
Зимний бор	321
«Когда ты меня обнимаешь...»	322
«Заколочены дачи...»	323
«Хочу, чтоб только ты...»	324
«Я себе не прощу, что тебя разлюбил...»	325
«Нет покоя, счастья нет...»	326
«Женщина — схимница...»	327
«Спи, любимая моя!...»	328
«Давай перестанем встречаться...»	329
«Я изучил вселенские законы...»	330
Чаша	331
«Боюсь за тебя: ты — как птаха ручная...»	332
«Превратиться бы в лёд или камень...»	333
«Весна-красна, нам говорят...»	334
«Очевидно, кончается лето...»	335
«Давай зажжём огонь в светёлке...»	336
«Когда стою у Вечного огня...»	337
«Отчий кров...»	338
«Ты одна перед Богом ходатай...»	339
«Весна. Бубенчики капли...»	340
«Мне много лет, но ты приходишь...»	341
«Когда цветка не будет на окне...»	342
«Не бойся, я не постучу...»	343
«Любимая, стой, не клянись...»	344
Стихи о зарытом таланте	345
«Я устал от зноя и от стужи...»	346

«Есть ли край милей и глуше?..»	347
«Золотые врата...»	348
«Седому как лунь человеку...»	350
«Когда стихи не пишутся, когда...»	351
Памяти товарища	352
«Промчались тяжёлые льдины...»	353
«Березники, мои Березники...»	354
«Чтоб не казалась родная земля...»	355
«Всё короче радиус...»	356
«Снова в наших палестинах...»	357
Чужое сердце	358
«Вообразил, что ты — жар-птица...»	359
«Мне надоело пить и есть...»	360
«С первой встречи, с самого начала...»	361
«Гнёт бессонниц, снег седин...»	362
«Всё течёт, но ничто измениться...»	363
«Жизнь моя была легка...»	364
Избушка на Старом Чуртане	365
Шанежки	366
«Где вы, милые землячки...»	367
«Тополь мой неприхотливый...»	368
Дума о Ермаке	369
«И ветер листвы не колеблет...»	370
«Белая ночь как святая обитель...»	371
«Спи, моя бедная странница...»	372
«Мне в белые ночи уснуть тяжело...»	373
«Смерть моя не за горами...»	374
«Пропади она пропадом, жизнь...»	375
«А я старею, словно дом...»	376
«Какой мне чудится пейзаж!..»	377
«Тёмные, как по ночам, облака...»	378
«Сижу за решёткой дождей...»	379
«То не месяц скользит...»	380
«Вот из примет стародавних одна...»	381
Рябинушка багряная	382

Из прошлого	383
Березниковские мальчишки	384
«Пусть голова побелела...»	385
Комсомольская сказка	386
«Случилось, чего опасался...»	388
«Непонятная тревога...»	389
«Ни триумфальных арок, ни соборов...»	390
«Кому — весенняя заря...»	391
«И когда мои очи уже остывали...»	392
Эдельвейсы	393
«Молю, заклинаю: — Довольно!..»	394
«Нет, я любил, но нам не доставало...»	395
«Я любил этот взгляд, этот пасмурный свет...»	396
«Поэт, не надо слёз и жалоб...»	397
«Птичьи перья и листья на тропах...»	398
«А действительно, время куда-то идёт...»	399
«Лети с отшумевшего древа, листва...»	400
«Ты благородней во сто крат...»	401
Чёрное перо	402
«Непослушное перо...»	403
Баба Оля	404
«Что за оказия, что за беда...»	405
«Что мне делать? Я не верил в Бога...»	406
«Здравствуй, пасмурный денёк!..»	407
«Жена моя, вот тебе весь кошелёк...»	408
«Зима вошла в свои права...»	409
«Я летел в небесах...»	410
«Милая, не приезжай!..»	411
«Такое сказочное лето...»	412
«Эта первая любовь!..»	413
«Вроде бы жизнь коротка, но гляди...»	414
«Чёрный вран надо мною летал...»	415
«И вновь забрёл я на погост...»	416
«В темнице озёрного ила...»	417
«И свечи оплыли, и гости ушли...»	418

Картина	419
«Прошла холодная погода...»	420
«Нежданная пирушка...»	421
«Смешно высасывать из пальца...»	422
«Станция Жизнь. Первозданный рассвет...»	423
«Я не был в счастливой рубашке рождён...»	424
«Белая лебедь над нашим предместьем...»	425
Баллада о лосе	426
«Ещё метель сбивала с ног...»	427
«Мы с тобою живём по соседству...»	428
«И вот мы с вами обрели...»	429
«Не сказка ли это?...»	430
«Ты, что была постоянно со мной...»	431
«Ты помнишь ночь...»	432
«Зима попыталась вернуться...»	433
«Ветер касается наших седин...»	434
«Письмо из глухой деревушки...»	435
«Невесёлое вино...»	436

Отдельные издания произведений

Алексея Решетова	437
Примечания	438

**Решетов
Алексей Леонидович**

**ТОМ ПЕРВЫЙ
Стихотворения 1957—1987**

Редакторы-составители:
Т.П.Катаева, А.П.Комлев

Компьютерный набор: *Т.П.Катаева*
Верстка *С.И.Недвиуги*
Корректор: *Н.А.Зайцева*

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01 г.
Подписано в печать 30.08.04. Формат 70×90^{1/32}.
Бумага ВХИ. Гарнитура Arial Cyr.
Усл. печ. л. 27,43. Уч.-изд. л. 12,3. Тираж 5000 экз.
Заказ № 2991.

Банк культурной информации.
620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56.
Тел./факс +7(343) 251-65-26.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в издательско-полиграфическом комплексе «Звезда»
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.